

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ АРХИДЕМОН 3

СТАНИСЛАВ ДЕМЕНТЬЕВ

Станислав Дементьев

Четырнадцатый архидемон 3

«Автор»

2026

Дементьев С.

Четырнадцатый архидемон 3 / С. Дементьев — «Автор», 2026

Очнулся в новом теле? Ты в суровом мире культивации? Вселяющихся в чужие тела здесь называют "архидемонами" и беспощадно преследуют? Ах да, ты ещё и потерял память, зато приобрёл давящее на разум проклятие? Не проблема! Проблема - не стать жертвой коварных замыслов могучих старейшин, разгадать их тёмные секреты, да ещё при этом обретённых тобою близких не погубить.

© Дементьев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Огненное погребение.	6
Глава 2. Перегнуть палку.	11
Глава 3. Перспективы Валена.	16
Глава 4. Последствия.	21
Глава 5. Приумножение денег.	26
Глава 6. Сокращение списка.	30
Глава 7. Ненормальный Вален.	35
Глава 8. Двойная и тройная игра.	40
Глава 9. Понимание и воля.	45
Глава 10. Отцы и дети.	49
Глава 11. Королева Мёртвых.	54
Глава 12. Понимание.	58
Глава 13. Вальтия Вен.	62
Глава 14. Ещё одно покушение.	67
Глава 15. Родственные чувства.	72
Глава 16. Мечты о невозможном.	77
Глава 17. Пути культивации.	82
Глава 18. Зеркало Досточтимого.	87
Глава 19. Предстоящее состязание.	91
Глава 20. Начало состязания.	94
Глава 21. Отбор.	97
Глава 22. Неожиданная встреча.	101
Глава 23. Приманка и тень.	106
Г	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Четырнадцатый архидемон 3

Глава

Глава 1. Огненное погребение.

Вален знал, что проблемы не закончатся в тот момент, когда они перенесутся из Трёхсотлетнего Чистилища в реальный мир. Дело было не в сломанном позвоночнике и отбитых внутренностях. Вне боя такие ранения можно исцелить кучей способов. Просто придётся тут же рассказывать о произошедшем там, в изолированном волшебном мире, кровопролитии, обвинять других, выгораживать себя.

Но он никак не думал, что из чистилища попадёт прямиком в настоящий ад.

В первый миг ему вообще показалось, что волшебство Владыки Даров забросило его куда-то не туда. Или у него предсмертные галлюцинации? Он предполагал, что увидит огороженный стенами двор монастыря и учителей, ожидающих возвращения своих учеников. А очутился на поле боя, затянутом клубами едкой пыли, среди грохота, криков и стонов. В луже крови, мгновенно промолившей ему халат. Запах её был так силен, что перебивал все прочие запахи.

Вален тут же достал из пространственного кольца-хранилища и проглотил самую сильную и быстродействующую из оставшихся у него исцеляющих пилюль. Быстродействующую — по сравнению с неволшебным лечением. Восстановление позвоночника и разбитых в кашу органов — это не затягивание какой-нибудь аккуратной дырки от колющего удара. Даже если лежать, не двигаясь, может уйти несколько минут. В сражении практиков — это вечность. А сражение ещё продолжалось.

К тому времени, как пилюля оказалась в желудке, Вален уже понял, что всё-таки вернулся туда, куда надо. Камень под ним, без сомнения, был брусчаткой монастырского двора. В просвете среди дыма мелькнула наполовину разрушенная, но ещё узнаваемая стена. Что здесь вообще творится?

Незнакомый практик в изодранном багрово-алом халате буквально споткнулся о Валена. Устремил вниз взгляд безумных глаз на залитом кровью лице. С нечленораздельным рычанием замахнулся кривым мечом.

Так, что творится теперь ясно — нападение. Теперь вопрос посложнее — как пережить его.

Вален не выронил собственного меча, до того, как перенёсся из чистилища в реальный мир. Так что ему нашлось, чем отбить удар врага. Практик в аллом был контужен или в шоке от ранения, иначе не рубанул бы так прямолинейно. Но физической силы двух цветов духовного ядра он не лишился. От столкновения клинков снопом полетели искры, изувеченное тело Валена прострелила дикая боль. И всё же он исхитрился отвести меч врага. Тот выбил крошку из камня, чуть не отрубив Валену ухо. Практик в аллом качнулся вперёд.

И в этот момент Вален воткнул ему в бедро нож, появившийся из пространственного кольца на левой руке. Враг неуклюже отшатнулся, выдернул нож — и тут его ноги подломились. Он осел на землю, словно его тело обратилось в мешок, набитый соломой. Маленький клинок был отравлен. Обычно практик двух цветов тут же заметил бы действие яда и сумел бы ограничить вред. Но в обычном состоянии практик двух цветов и не пропустил бы такого простого внезапного удара. Вален выжил лишь потому, что противнику уже досталось

— Ученики вернулись! — раздался смутно знакомый громовой голос, легко перекрывший шум боя. — Прикройте учеников! Сейчас я сам разберусь с этим тварями!

Хотелось бы надеяться, что разберётся. Через деревянное кольцо на пальце Вален мог почувствовать, что Люме и Наттар ранены, но не мертвы. А что там с Кантосом, который должен был быть в самой гуще всего этого побоища?

Когда мрак чистилища сменился мраком поля боя, освещённого лишь звёздами и горящим лесом, Карм Кас понял, что если не ему самому, то Ваннану повезло. Во время последних минут в чистилище, хаос сражения между учениками разделил их. Если бы они оказались отдельно друг от друга посреди толпы учителей и телохранителей, ожидающих подопечных, то Карму безусловно пришлось бы пользоваться своим волшебным средством для побега в первую же секунду. Умирать, не совершив мести, Карм не собирался. Если Ваннан действительно так ценит дружбу, он поймёт.

Но увидев и услышав хаос вокруг, Карм решил, что рановато ещё бросать друга. Тем более, что у того могла быть главная награда чистилища.

На появление Карма никто внимания не обратил. Практики из сект, чьи ученики пошли в Трёхсотлетнее Чистилище сражались с практиками, в которых Карм сразу узнал бойцов Секты Алых Крыльев. Ну ничего себе! Такой наглости Карм даже от Фанмаара не ждал. Неужто они с Ваннаном сильно недооценили важность награды чистилища? Или цену головы Валена Вена?

Неважно, сейчас надо найти Ваннана. Скача вокруг Теневым Шагом на одной ноге, ведь вторая изуродована так, что даже пилюли пока не помогают. Хорошо, что всем не до него. Практики Секты Алых Крыльев отчаянно отбивались от превосходящих сил, для их противников Карм казался своим. Ну а то, что он забрызган кровью и покалечен, сейчас подозрений не вызывало.

Все эти мысли промелькнули в голове у Карма за один миг. Он начал оглядываться, пытаясь в хаосе духовной энергии, создаваемом множеством сражающихся практиков, различить знакомую ауру Ваннана. И тут раздался голос, который заставил его замереть.

— Ученики вернулись!

Вален не узнал этот голос, потому что слышал его ровно один раз в жизни, тон говорившего тогда был совсем другим, да и волшебное усиление искажало звук. А вот Карм узнал бы его всегда, пока у него оставались уши. Наставник Кайлео Кас! Отец!

Зубы Карма поневоле сжались до хруста, когда он глянул на голос. И увидел... увидел только размытое пятно, метнувшееся к ближайшему практику в алом. А затем к другому и третьему. За время, которого простому смертному не хватило бы, чтоб моргнуть, уже полдюжины невезучих бойцов Секты Алых Крыльев начали падать на землю как неуклюжие куклы. Кайлео не использовал атакующих техник, опасаясь пришибить невиновных в хаосе сражения и, похоже, не знал, как точно обратиться к нападавшим, чтобы его дар подействовал только на них. Но даже так, на очистку двора у него уйдут считанные секунды.

И если он, Карм, продолжит пялиться, как идиот, на практика, с которым пока не может сделать ровно ничего, потому что у этого практика семь цветов ядра, а у него самого только два, то затем внимание этого практика обратится к нему. Надо не глазеть, а действовать.

Он слишком поздно подумал об этом. Ваннан лежал без сознания, его аура исчезла, чтобы заметить его ушло вдохов двадцать. А когда Карм устремился к нему, путь вдруг преградила могучая фигура, переместившаяся быстрее, чем глаза практика двух цветов могли уследить.

Наставник Кайлео не изменился с их последней встречи. Выглядел он так, словно разменял шестой десяток, но без единого признака дряхлости или дряблости в теле. Осознанно подобранное сочетание почтенной старости с физическим здоровьем — в конце концов, на семи цветах практик может придать себе такую внешность, какую ему угодно. И на лице с вечно закрытыми глазами всё такое же выражение космического спокойствия, из-под которого порой пробивается лёгкая насмешка. И всё так же один вид отца заставил Карма стиснуть зубы до хруста.

— Не знаю, откуда в тебе столько враждебности, но полежи и ты пока.

Ну конечно. Сам-то Карм изменился довольно сильно. Наверное даже с точки зрения практика, лишённого глаз. Сейчас вот отец его не узнал, лишь отличил от бойцов Секты Алых Крыльев — но почувствовал вспышку его ненависти!

При разнице в пять цветов среагировать на атаку невозможно. Кайлео ударил в узел меридианов, чтобы парализовать Карма, едва сказал «не знаю» — но не потратил он миг на эти слова, Карм и подумать бы ничего не успел.

А сейчас он вдруг исчез, будто провалился сквозь землю, в тот момент, когда палец Кайлео уже коснулся его кожи.

Наставник Кайлео замер, прощупывая пространство вокруг себя техникой Поиска. Мальчишка испарился не оставив и следа, и это шокировало сильнее, чем всё произошедшее в монастыре побоище. Телепорт без помощи формации? Сочетание быстрого перемещение и очень искусной иллюзии? На свете есть сокровище, способное дать вообще кому-то, а тем более практику жалких двух цветов подобные умения? И тут до ноздрей Кайлео дошёл запах мальчишки. Тоже изменившийся, но, в отличие от ауры, узнаваемый. Малыш Карм?

Наставник не только двигался, но и думал очень быстро. У него ушло не больше секунды, чтобы оправиться от шока, убедиться, что Карм действительно исчез и перейти к следующему вопросу. Неужто и внутри чистилища произошла бойня? Почему вернулось так мало учеников, а у трети вернувшихся сердца еле бьются?

Ответ последовал немедленно:

— Наставник? Наставник Кайлео??!

Кайлео обернулся на звук. Очередная незримая и неосязаемая волна духовной энергии, созданная техникой Поиска, прокатилась по двум ученикам. В одном он немедленно узнал Гелата Зота — неестественно худую фигуру обладателя метки Печати Мускулов даже слепому ни с чем не спутать. Окликнула же его девушка, сидевшая прямо на камнях рядом с Гелатом.

— Наставник, я прошу справедливости! Справедливости и наказания злодеям! Которые чуть не перерезали нас всех!

— Вален? — раздалось два голоса сразу.

Из оседающих клубов пыли вынырнул Кантос, в полузвериной форме. Отключившуюся Люме он нёс на плече, а Наттара, который сохранил сознание, но не способность быстро двигаться — под мышкой. Да и сам Кантос выглядел так, будто только что выскочил из самого горячего пекла Хозяина Чистилищ. Он не получил серьёзных ранений, но его серебристо-седая шерсть стала почти чёрной от дыма и гари. Из-под плотно закрытых век текли то ли слёзы, то ли кровь.

В один миг оценив состояние Валена, он переменялся в лице. Ну, если львиную морду можно считать лицом:

— Потерпи, сейчас помогу!

— Да что со мной делается??! — просипел Вален. — Посмотри лучше что с Люме.

И вправду, пилюля уже проглочена и действует. Не то чтобы он ценил её жизнь больше своей, но почему не показать благородство, когда от этого нет никакого вреда?

— Не пори чушь! — Кантос поставил Наттара на ноги, аккуратно положил Люме на брусчатку и опустился на одно колено рядом с Валеном. — У неё истощение и временный паралич. А вот тебя отделали куда сильнее. Нашёл время выделяться!

Всё это он говорил уже водя рукой-лапой над грудью Валена, пытаясь оценить степень внутренних повреждений и то, как они сейчас зарастают.

Вот тут-то они и услышали крик:

— Справедливости и наказания злодеям! Которые чуть не перерезали нас всех!

Этот голос Вален узнал смутно. Девушка-практик, которая была с Гелатом? Зато мужчина, тут же поддержавший её, был ему хорошо знаком:

— Альянс четырёх сект устроил бойню! Ученики Секты Огненных Гор убили моего друга! Смотрите, его кровь ещё не высохла на моей одежде!

Это кричал Нарлано. Значит, Ратанг погиб в последние минуты перед окончанием испытания.

Вален заранее обдумал, что будет говорить и делать по возвращении из чистилища. Он хотел сразу же и со всей решительностью обвинить учеников альянса четырёх сект в том, что они намеренно атаковали всех прочих. Обвинить перед настоятелем монастыря, как самым сильным практиком в округе. И, насколько можно судить, вполне нейтральным. Дело тут было не в личной злопамятности — хотя попытки добить Люме и Наттара уже когда это никак не помогло бы получить главную награду чистилища Вален не забыл. И уж конечно не в стремлении к справедливости.

Сражение учеников альянса четырёх сект с учениками Секты Шести Печатей и Секты Грозового Пика вряд ли началось по злему умыслу первых. Ваннан и Карм, судя по количеству трофейных колец-хранилищ, которые Вален заметил у них на пальцах при первой встрече, начали убивать практиков ещё до всеобщего сражения. Вероятно, как раз ради колец, ради грабежа. Но когда есть две партии, которые боятся и подозревают друг друга, кто же подумает на никому не известных бродяг, если, допустим, найдёт в лесу убитых друзей? Расчёт у Ваннана и Карма был неплох. Давал приличные шансы скрыться. При условии, что они не оставят живых свидетелей. Надо думать, именно потому они и караулили Валена с товарищами в пещере Стража, вместо того, чтобы, собственно, бежать к Стражу.

В общем битва учеников была недоразумением. Но это уже не важно. Слишком много пролито крови, слишком много ненависти. Если не обвинишь, то обвинят тебя.

Вот только сложно кидаться обвинениями, когда лежишь со сломанной спиной, в середине сражения непонятно с кем. Под прикрытием которого, кстати, очень просто свернуть раненому ученику шею и сказать, что так и было.

— Кантос, что с настоятелем? Монахами? А то как бы нас всех не попытались убить снова, — Вален помнил, что в числе тех, кто сопровождал учеников Секты Шести Печатей до монастыря не числилось известных бойцов, кроме Кантоса. Понятное дело, что многие вольные практики и ученики малых сект, которые в чистилище примкнули к тройке Грозового Пика, явились сюда вообще без учителей и телохранителей. В общем, у врагов мог быть большой перевес.

— Не дёргайся, — ответил Кантос. Повысив голос, чтобы перекричать нарастающий хор взаимных обвинений выживших учеников с обеих сторон. — Мой старик явился сюда.

И в подтверждение его слов раздалось громовое рычание:

— Тихо! Молчите!

И тут же по развалинам монастыря прокатилась волна ветра, развеявшего пыль и дым. Валену это не помогло увидеть Наставника Кайлео, потому что Вален лежал головой в его сторону. Он попытался приподняться и обернуться, когда почувствовал на себе давящее внимание, но Кантос ему не дал.

— Лежи. Раз уж сожрал пилюлю, то лежи, пока она работает.

— Сын моей ученицы еле жив! — голос Кайлео звучал так, что все замерли как статуи. Даже Валену стало трудно думать, хотя гнев Наставника был обращён на кого угодно, но не на него. — Ученики моей секты погибли!

— Это не наша вина! — выкрикнул в ответ кто-то немолодой. — Тот, кто напал на нас всех здесь, в монастыре, наверняка подстроил...

— Закрой рот!

Наттар, усевшийся прямо на брусчатку рядом с Валеном, вздрогнул и побледнел сильнее прежнего. Вечно закрытые глаза Кайлео явно остановились на нём.

— Ты! Скажи, кто едва не убил Валена Вена!

Сейчас Наттар ему ответит. Наверняка даст повод для ещё большего гнева... повод, который Кайлео ищет. Пусть думать и трудно, но уж это Вален понять мог. Потом Кайлео попытается воспользоваться этим, чтобы прямо на месте или чуть погодя выжать чего-нибудь из сект альянса четырёх. Политика как политика. На данный момент, это не личная проблема Валена.

Он не стал одёргивать Наттара. И тот затараторил:

— Страж чистилища чуть не убил старшего Валена! Но этого б не случилось, если б ученики Секты Истинного Очищения и Секты Незримой Звезды и Секты Нефритового Меча и Секты Огненных Гор не нападали на нас все вместе, и не загоняли нас как диких зверей, и не устроили бойню во внутреннем круге, после которой мы собирали тела, и не пытались прикончить нас с Люме до последней секунды!

— Подонки!

Вместе с выкриком Кайлео, новая незримая волна силы прокатилась по развалинам монастыря. На этот раз она не прибила пыль, а заставила и так уже замерших практиков вовсе не дышать. Вален не мог даже пошевелить головой.

Но он сумел разглядеть всё и так. Потому что Кайлео в мгновение ока оказался высоко в небе над ним. Его обычно закрытые глаза вдруг вспыхнули двумя алыми звёздами. И подавляющая сила стала ещё ужаснее. В этот раз она была обращена на других, но Вален снова почувствовал себя насекомым перед глазами божества. Как во время своей первой встречи с Кайлео.

— Все, кто проливал кровь учеников Секты Шести Печатей в Трёхсотлетнем Чистилище — на колени!

Теперь, в отличие от той самой первой встречи, сразу после пробуждения в этом мире, Вален понимал, что делает наставник. Его врождённый дар гуая, Повелительный Королевский Голос, подавлял волю слушателей. Принуждал их выполнить любой услышанный приказ. Вроде бы, невероятная способность? Совсем нет. Всякий, кто мог пользоваться духовной энергией, обладал врождённой сопротивляемостью к любым попыткам заколдовать его напрямую. Даже при подавляющей разнице в силе, шанс не поддаться Повелительному Королевскому Голосу был... Если у его обладателя нет ещё и огненных Глаз Зеффара в придачу. Сейчас Кайлео, наверное, мог приказывать всем существам пяти цветов или ниже убить себя — и все послушались бы.

Раздались испуганные выкрики, когда в разных углах двора ноги учеников альянса четырёх сект подламывались сами собой.

— Что вы делаете, старший? Это безумие! — выкрики практиков заполнили развалины. Но никто и не подумал о том, чтобы помешать Кайлео не словами, а действием. Даже среди учителей и телохранителей здесь не было ни одного выше четырёх цветов. Что они могли сделать против монстра с семью, кроме как дать предлог себя прикончить?

— Наставник, постойте! — настоятель монастыря в изодранной красной робе единственный решился что-то предпринять. Проворно взлетел в воздух, замер между Кайлео и учениками внизу. — Монастырь Древних Божеств — не место для ваших распрей! Мир Владыки Даров...

— Где же тут распри? — Кайлео ответил словно бы обычным голосом, но услышали его все. — Я просто наказываю преступников, которых выдали их собственные дела.

Не было никакой атаки под которую настоятель мог бы подставить себя. Против учеников двух цветов, которых Кайлео теперь чётко опознал, когда они попадали на колени, ему такие вещи были не нужны. Он лишь сложил пальцы правой руки особым образом и выкрикнул:

— Огненное Погребение!

И в тот же момент ночь озарили многочисленные живые факелы.

Глава 2. Перегнуть палку.

— Мой старик перегнул тогда палку, — сказал Кантос несколько дней спустя, когда был уверен, что их не подслушивают. Они все — Кантос, Вален, Наттар и Люме — уже вернулись в Секту Шести Печатей и сидели на кухне в доме Арамы. Защищённом от чужих глаз и ушей довольно надёжной формацией.

Вален был согласен с этим тезисом. Но предпочёл промолчать. Сейчас Наттар наверняка возразит, Кантос разъяснит своё мнение и не будет риска сболтнуть глупость по незнанию.

— Нууууу... а как же старейшина может защитить свою секту, если убийство учеников будет спускать с рук? Да ещё когда выжившие требуют справедливости?

— Как-как... Не начиная распутывать сложное дело с кучи прожаренных трупов, наверное! Можно было убить нескольких заводил! Можно было просто поносить им головы, а не жечь заживо. Можно было взять всех за шкирку и отправить в Секту Шести Печатей, чтобы здесь спокойно допросить и размотать, что на самом деле произошло. Но нет, кому-то хотелось побыть настоящим практиком, которому сами небеса не указ! А сколько учеников умрёт, если в результате начнётся война на весь континент? Старейшины альянса четырёх сект, знаешь ли, тоже не захотят спустить с рук убийство своих. Эх, знать бы, что старику ударило в голову на этот раз.

«На этот раз?» А раньше нельзя было сказать, что Наставник Кайлео способен принимать самые радикальные решения под влиянием эмоций? Не из официальных же хроник секты узнавать такие вещи. Да и не хватало у Валена пока времени в них глубоко вчитываться...

На этом месте Вален дал себе мысленный подзатыльник. Ишь, чего надумал. Валишь собственное бездействие на то, что другие его вовремя не просветили! А ведь, кажется, жизнь уже не раз учила, что если сложить руки и позволить событиям идти своим чередом, то они могут пойти в самом неожиданном направлении. О чём, между прочим, свидетельствует и всё побоище в Трёхсотлетнем Чистилище.

Что же касается произошедшего в развалинах монастыря. Мог он, Вален, одёрнуть Наттара? Мог. Мог он изложить события сам, упирая на то, что в кровопролитии виновна третья сторона. Вероятно, Кайлео не стал бы его обрывать. Должен он был понимать, что в мире, где власть идёт в комплекте с огромной личной силой, старейшина способен, хммм, отжечь? Должен.

— Что-то не так, Вален? — поинтересовался Кантос.

— Да так. Подумал тут: если нам кажется, будто Наставник в гневе перегнул палку, это ещё не значит, что он не сделал всё обдуманно. Подумал и сам своих мыслей напугался.

Вроде бы слова Валена были чистой правдой. Но не всей правдой. Он опустил свою следующую мысль — мысль из-за которой его сердце в самом деле замерло на миг.

Что бы ни было причиной решения Кайлео сжечь живьём замазанных кровью учеников, он, Вален этого решения не просчитал. До последнего был уверен, что Наставник поступит осторожно-неконфликтным образом. А почему? Разве одна из половинок, составивших его, Валена — не архидемон, лишившийся памяти, но определивший его, так сказать, деловые качества? Разве архидемоны в тёмную эпоху Второго Опустошения не прославились своеобразием и самодурством? Разве не проиграли они потому, что даже перед лицом общей опасности не сумели укротить эти качества? Разве не должен был кто-то с глубинными установками архидемона ожидать от Кайлео именно того, что тот сделал, если не похуже?

Первоначальный шок перешёл в нарастающую головную боль. Внутренние нестыковки и непонимание себя — это как раз то, чего не хватает практику, в голове которого и так сидит грозящая безумием метка Печати Личины.

Причём в то время, как над ним и всей его сектой нависла грозная опасность.

За два дня до этого...

— Значит, вы мои старейшины почти единогласно предлагаете оказать прямую поддержку Секте Шести Печатей, — задумчиво произнёс Юберис Юон, Досточтимый Грозовой Пик. В руках, заканчивавшихся острыми когтями, он вертел нефритовую пластинку, на которую было записано послание Наставника Кайлео.

— Это будет разумно.

— Давно понятно, что столкновения не избежать. Надо использовать повод.

— В Трёхсотлетнем Чистилище альянс четырёх показал своё истинное лицо, его ученики убили многих учеников из малых сект. Если повернуть дело правильно, мы получим широкую поддержку.

Один лишь старейшина Нираэн Нин помалкивал. Благодаря опыту множества жизней, он точнее читал в сердцах других и лучше понимал нрав главы Секты Грозового Пика.

Юберис слушал, пока не убедился, что все желающие высказались. Затем неожиданно спросил:

— Почтенные старейшины. Досточтимый Золотые Одежды в своём наставлении для начинающих практиков написал, что культивация бросает вызов небесам. Но погиб, сражаясь с Алым Огнём Зеффаром, прежде, чем успел пояснить потомкам, что он имел в виду. Большинство комментаторов сходятся на том, что он не предвидел падение Зеффара с небес на наш многострадальный мир, а говорил метафорически. Может ли кто-то из вас, обладателей высокой мудрости, истолковать смысл его высказывания?

В словах «обладателей высокой мудрости» прозвучала нотка язвительности, которую заметил бы даже наблюдательный смертный. Неудивительно, что в зале воцарилось молчание. Уж если Досточтимый задал вопрос с подвохом, то у него заранее готов собственный ответ.

Юберис подождал минуту, переводя взгляд с одного старейшины на другого. Наконец, заговорил:

— Я вот понимаю его слова так: смысл культивации состоит в утверждении воли практика как стоящей превыше обычных законов и правил, даже законов самих небес, по которым движутся светила. Не говоря уже о земных законах политической необходимости. Если выразиться более простым языком: в приобретении способности делать ровно то, что практик хочет, и не делать того, чего практик не хочет.

Досточтимый пожал плечами:

— Ну так вот, я не хочу идти на поводу у Наставника Кайлео. Без сомнения, он действовал так решительно потому, что надеялся на мою поддержку. Таков закон политики, когда противостоят союзы: более слабый, но всё же ценный, союзник, может тянуть за собой более сильного. Но разве для того я стал Досточтимым, чтобы повиноваться таким законам? Чтобы моими руками загребали жар? Отправьте Кайлео послание...

Взгляд Юбериса обежал стол и остановился на Нираэне:

— Точнее, ты его отправь. Напиши, что в случае прямого нападения на Секту Шести Печатей, я, конечно, покину уединение и спасу мой прежний дом. А пока такого нападения не произошло, я никак не могу оторваться от своих занятий. Укрась вежливыми фразами, как ты умеешь. Но общий смысл должен быть понятен: пусть сам выпутывается из передраги, в которую сам себя впутал.

Юберис Юон на этом с радостью выкинул бы текущие события из головы, чтобы вернуться к культивации. Но сперва требовалось раздать ценные указания ещё кое-кому.

Юнар Юон и Ленсия пару часов простояли как вкопанные в личных покоях главы секты. Покои эти были чрезвычайно необычны — они располагались на самом вершине великой горы,

поднимавшейся столь высоко, что ни один простой смертный не смог бы взобраться на неё. Вместо стен обиталище Досточтимого окружали лишь волшебные барьеры, которые могли делаться тёмными как обсидиан или прозрачными как воздух, по желанию хозяина. Сейчас они были темны — провинившимся ученикам не полагалось созерцать великолепный пейзаж.

И не посветлели, даже когда Досточтимый вернулся. Ученики простояли в ожидании ещё несколько минут, пока он сидел с закрытыми глазами на коврике для медитации. Наконец, он обратил на них внимание:

— Я просмотрел слепки ваших воспоминаний о произошедшем в Трёхсотлетнем Чистилище. У меня есть одно замечание. Ленсия. Ты пришла к мысли, что в смерти моей приёмной внучки виноват Вален Вен. Эта мысль не должна выйти за пределы круга из нас троих.

— Но отец... — с запалом начал Юнар.

— Замолчи.

Досточтимый не повысил голоса, но от одного его слова в покоях стало холодно, смертельно холодно. Юнар и Ленсия замерли, будто в замороженные в вечный лёд.

— Права говорить поперёк меня вы двое лишились, когда упустили главную награду Трёхсотлетнего Чистилища. Если нарушите душевный покой Вальтии Вен, обвинив её брата без однозначных доказательств — лишитесь права зваться моими учениками.

Помолчал и добавил:

— Принимая нового ученика в Секту Грозowego Пика, я всегда надеюсь, что он принесёт немного цвета в мою серую, скучную жизнь. Раз уж вы сами не оправдываете моей надежды, так не мешайте другим.

— Но Зенна была подругой Вальтии, — пробормотала Ленсия.

— И когда Вальтия придёт спрашивать, как погибла её подруга, ты не обвинишь её брата ни словом, ни молчанием, ни прямо, ни намёком. Тебе это ясно? Хорошо. Идите. Культивируйте вдвое усерднее прежнего, если хотите, чтобы я дал вам ещё шанс.

Едва лишь ученики ушли, как мрак развеялся. Перед Досточтимым раскрылся вид на горы в алом свете заката. Прекрасные пейзажи всегда помогали ему достигнуть спокойствия и душевного умиротворения.

Вообще говоря, Юберис Юон и так был по природе спокойным гуаем, не склонным нервничать и дёргаться. Но сейчас, впервые за долгое время, он полагался на другого в важном деле. И даже испытывал нечто вроде неуверенности в собственном решении.

Они с Наставником Кайлео уже давно пришли к выводу, что для осуществления плана, ради которого они и заключили союз, им необходимо изобразить ссору и разлад.

Из шести Наставников Секты Шести Печатей трое были решительно против затеи Кайлео. Они слишком привыкли к своему долголетию и могуществу, приспособились жить с проклятиями Печатей. Угроза грубой силы Юбериса обеспечивала их формальное согласие — но не обеспечит их верности в решающий момент. Убить их всех и заменить наследниками? Кайлео возражал. Да и риск раскрытия замысла при таком образе действий был велик. А раскрытие грозило войной со всем миром. Строго говоря, Досточтимый такой войны не боялся. Рассматривал скорее как головную боль, чем как угрозу. Но как головную боль значительную. Способную помешать получению им желаемого.

Нет, чтобы заставить Наставников действовать в соответствии с планом, следовало применить хитрость. А чтобы провести их, требовалось убедить их: Кайлео глубоко обижен на Юбериса и готов заманить его в ловушку.

Загвоздка была в том, как создать правдоподобную причину для обиды, при этом не нанеся Кайлео губительного удара. Юберис счёл, что фортуна предоставила ему почти идеальную возможность, и воспользовался ею. Вероятность того, что альянс четырёх сект действительно начнёт большую войну, представлялась минимальной. Когда поймут, что он, Юберис, не слезет со своей горы до последнего, они будут грозить и выбивать уступки. Но сражаться

всерьёз они сейчас не готовы. Если бы речь шла о какой-то другой секте, они бы, наверное, побороли свои опасения. Но Секта Шести Печатей ещё внушала благоговейный трепет. Старейшины альянса ещё верили, что Зеффар может воскреснуть, если наследование Печатей прервётся. Значит, опасность минимальна.

А всё-таки что-то Досточтимого беспокоило. На уровне интуиции ему казалось: он что-то недоучёл. Некий фактор, который мог сделать положение Кайлео, неизмеримо более тяжёлым, а его обиду — реальной, а не поддельной.

— Значит, наш дорогой Досточтимый из чувства ученического долга спасёт нашу секту, в случае, если мы дойдём до последней крайности? Я правильно понял смысл его послания? — Наставник Оритилл хлопнул нефритовой пластиной, на которой было записано это самое послание, по столу. Звук вышел слишком резким, так что он немедленно сморщился от боли в ушах.

Ответом ему стало многозначительное молчание. Кайлео сидел неподвижно, сложив руки перед собой. Остальные трое Наставников, даже Юламар, сверлили его взглядами.

— Кайлео, мой старый друг, — мягким тоном продолжил Оритилл. — Предки свидетели, я долго соглашался с твоими идеями. Позволял тебе распоряжаться делами Секты Шести Печатей словно ты был её главой. Но теперь твоё импульсивное решение грозит нам войной, а твой союзник, на которого ты так долго надеялся, предлагает нам решать наши проблемы самим. Я считаю, что нам нужны новые подходы.

Кайлео мрачно хмыкнул:

— Скажи братьям-Наставникам прямо — что ты предлагаешь.

— Мои предложения относительно дипломатического разрешения кризиса, в котором мы очутились, будут довольно длинными. Для начала я бы хотел осуществить простую и неотложную меру.

Оритилл оглядел остальных, прежде чем продолжить:

— Думаю, ни от кого из присутствующих не укрылось, что истинной целью нападения на монастырь Трёхсотлетнего Чистилища не могла быть та чушь, которую сейчас исторгают на допросах захваченные тёмные сектанты.

— Возможно, они просто должны были притащить главную награду чистилища своему кукловоду, — заметил Наставник Неллан. — Всё станет яснее, когда мы расколем их старейшину.

— Нельзя исключать и такой вариант. Но, всё же, я бы хотел обратить ваше внимание на молодого практика, который менее чем два года назад уже стал целью покушения, исключительного по своей дерзости и пренебрежению побочным ущербом. Притом, в том покушении были использованы необычные искусства тёмного пути.

— Если кому-то очень могущественному с тёмного пути, — мрачно сказал Кайлео, — так сильно хочется отправить молодого Валена Вена на перевоплощение, то подыгрывать ему — последнее дело. Надеюсь, это всем понятно.

— О, не беспокойся, — покачал головой Оритилл. — Под давлением фактов, я вынужден признать, что немедленное уничтожение «Валена» как одержимого будет явной ошибкой. Тут существует некая загадка, и нам необходимо её разгадать. Пока я лишь предлагаю не выпускать его из секты. Он уже в достаточной мере поднял свою духовную энергию, чтобы пользоваться защитными амулетами, которые на короткое время остановят любого убийцу ниже уровня старейшины. Ты ведь ради этого и отправлял его во внешний мир, не так ли? Я сам подберу для него лучшие амулеты из хранилища нашего рода. Вдобавок, не менее двух экспертов из Зала Наказаний будут постоянно и незримо сопровождать его при любом выходе из дома Наставницы Арамы. Если, конечно, у моих братьев-Наставников нет возражений.

— Амулеты с дополнительной функцией слежения и надсмотрщики, — покачал головой Кайлео.

— Само собой, — с охотой согласился Оритилл. — Также имело бы смысл выяснить у Кантоса Каса, что он думает о своём подопечном по итогам их совместных путешествий. Но учитывая его характер... Если он сам до сих пор не пришёл к нам с известием о том, что молодой Вален явно одержим, то на допросе будет молчать как культист Зеффара. Разве что если ты, Кайлео, попробуешь поговорить с ним как отец с сыном.

Кайлео фыркнул:

— Как отец с сыном? Самому-то не смешно, Оритилл? Ты не забыл, случаем, что Арама посвятила Кантоса в главный секрет Секты Шести Печатей? Впрочем, я попробую поговорить с ним. Хотя бы ради того, чтоб ты от него отвязался.

По части внутренней политики Секты Шести Печатей Вален уже не был рыбой, выдержанной из воды. Тонкости ему оставались неизвестны, но из разговоров, из тех хроник, которые он успел прочитать, из аккуратных расспросов, он получил общее представление о партиях и политических играх среди Наставников.

И услышав, что, по мнению Кантоса, Наставник Кайлео перегнул палку, он сказал, в конце их разговора:

— Я понимаю: Кайлео хочет спокойно разобраться во всём, что произошло в Трёхсот-летнем Чистилище, допросить всех, кто участвовал. Но Кантос, лучше б ты уговорил его отпустить нас поскорее. Пока мама всё ещё в затворе, а я даже не прорвался на третий цвет, здесь, в секте, нам грозит опасность.

Он не стал озвучивать опасения, что Кайлео может потерять реальную власть и тогда он, Вален, по сути, окажется в руках Наставника Оритилла, чьи дурные намерения сомнений не вызывают.

Но уже на следующий день узнал, что эти невысказанные опасения сбылись.

Глава 3. Перспективы Валена.

Вален потёр лоб. В голове пульсировала тупая боль. Но раз уж взялся за гуж, то не говори, что не дюж. Повёл рукой и сразу оба тренировочных летающих меча поднялись в воздух.

Даже ученикам из наставнических родов обычно было не по карману заказывать летающие мечи, предназначенные чисто для тренировок — с затупленными кромками вместо лезвий и чарами, распределявшими силу удара на большую площадь. Но Вален теперь был довольно богат. Во-первых, согласно распоряжениям Арамы он мог пользоваться деньгами от секты, причитавшимися ей как Наставнице. Во-вторых, знакомый Кантосу торговец, продававший идущим в Трёхсотлетнее Чистилище ученикам изготовленные Валеном пилюли Жестокого Леса, сумел выжить и побоялся сбежать с деньгами. Доход оказался немалым для практика двух цветов. Так что Вален легко обзавёлся средствами для тренировки нового боевого стиля.

Если Ваннан Вен мог управлять одновременно четырьмя летающими мечами, при этом сам летая вокруг как взбесившийся воробей, и применяя техники, то сможет и он, Вален. Разница в их потенциале меридианов и духовной энергии здесь не так важна. Летающие мечи, как и большинство волшебных сокровищ, обладают собственной силой, собственной циркуляцией духовной энергии, иначе в них не было бы смысла. Да, для использования их необходимо подключать к циркуляции владельца. Потому есть ограничения не только по качеству сокровищ, которые практик может использовать, но и по количеству сокровищ, которые он может использовать одновременно. Однако, даже Валену, с его почти что мусорными меридианами на семь звёзд потенциала, посильны четыре обычных летающих меча. Вероятно даже больше, учитывая его сродство с элементом металла, пусть и слабое. Тогда как любая техника, способная наделать таких же дел, как несколько летающих мечей, для него будет просто неподъёмной.

Нет, основное ограничение здесь не в меридианах, а в способности к концентрации на нескольких предметах сразу.

Вален пошевелил пальцами левой руки — и летающие мечи разошлись в разные стороны, прежде чем устремиться на спокойно ожидающего атаки Наттара с двух направлений. А сам Вален бросился вперёд, держа третий меч наготове. Стиль боя Ваннана очень интересен, но слепо копировать его от и до Вален не собирался. У него были свои преимущества, у Валена свои. В частности — необычайная сила и скорость рубящих ударов.

Но сейчас не помогли ни особые преимущества, ни хитрый стиль. Наттар просто скакнул вперёд — и Валену пришлось защищаться самому. Это его отвлекло — и летающие мечи пролетели за спиной у нахального мелкого гуая, зацепив только воздух. А спустя секунду взвился в воздух и третий меч, выбитый из руки Валена. Удар Наттара был поставлен не хуже, а сам Наттар был сильнее и быстрее, из-за большего врождённого таланта и превосходящей закалки. А переиграть его в фехтовании, одновременно пытаясь управлять двумя летающими мечами... ну, в общем об этом Валену мечтать не приходилось.

Он утёр пот со лба и не сдержал вздоха, когда позвал меч обратно в саднящую руку.

— Весьма неплохо, на самом деле, — заметил Кантос, устроившийся под деревом в тенёчке и внимательно следивший за тренировкой. Несмотря на то, что стороннему наблюдателю он мог бы показаться спящим — глаза закрыты, тело расслаблено.

— Если отшлифуешь этот метод — можешь считать, что перерос меня как учителя. По крайней мере, как учителя боевого мастерства.

Наттар бросил на Кантоса недовольный взгляд. Тот заметил, хотя и был слеп:

— А ты, Наттар, хочешь сказать, что шлифовать умения твой старший брат-ученик может и на кукле? Терпи. Я думаю, что эта тренировка скоро станет очень полезной тебе самому.

К вечеру мозги Валена кипели так, что он рухнул на постель даже не пытаясь взяться за книги. Мускулы тоже ныли, но к этому он привык давным-давно. Вдобавок, для восстановления тела у него имелись и пилюли, и дыхательные упражнения. Вымотать его физически теперь было очень непросто. А вот умственная усталость оказалась более опасным врагом.

Но не успел он расслабиться, как в комнату постучали. Вален застонал — помня, что звукоизолирующие заклинания не позволят практику в коридоре это услышать. Встал, поправил халат и напустил на себя бодрый вид, прежде чем отодвинуть дверь.

За ней стояла Люме.

— О, извини. Я тут весь день обдумывала твои идеи насчёт особых летающих мечей. Хотела обсудить, но вижу — тебе не до того.

— Да ладно. Я в норме, — изобразил улыбку Вален. — Заходи.

Люме и вправду зашла. Тщательно задвинула за собой дверь, восстанавливая звукоизоляцию. Покачала головой:

— Вален, мы с тобой пуд соли вместе съели, зачем ты притворяешься, что сделан из адаманта? Ты доверяешь мне свою жизнь, нося моё кольцо, — она взяла его руку в свои, — а признаться, что тебе плохо, не можешь. Ну не смешно ли?

Она толкнула его к кровати:

— Ложись уже. Не пугайся, — она улыбнулась, — я просто сделаю тебе расслабляющий массаж. Всё остальное может подождать до завтра.

Со всем остальным и вправду пришлось подождать, потому что пары минут массажа Валену хватило, чтобы провалиться в глубокий сон.

Проснулся он в своей кровати один. Неудивительно — она просто не была рассчитана на двоих. Ночь ещё не сменилась утром, но он чувствовал себя хорошо отдохнувшим. В голове прояснилось.

Самое время ещё разок оценить текущую ситуацию и свои планы.

Итак, он в заключении. За ним следят всякий раз, как он выходит из дома Арамы. Выданные ему талисман на цепочке и золотое кольцо — не просто обереги, но и средства волшебного наблюдения. В словах Кантоса здесь сомневаться не приходится. Формация дома Наставницы должна делать этот дом единственным местом, в котором можно хотя бы надеяться, что за ним не подглядывают. Скорее всего внутренние формации и прочие меры безопасности Залов секты также способны пресечь слежку. Но Хранители Залов теперь прислуживают Оритиллу, как фактическому главе секты. И будут доносить ему о том, что Вален делает внутри. Есть маленькая надежда перетянуть на свою сторону Лерию... смехотворно маленькая. Не такие деньги он ей должен, чтобы ради них она могла рискнуть всем, бросить вызов Наставнику, сейчас определяющему политику секты. Это уже не говоря о том, какой замечательный тёмный секрет у неё может быть.

В общем, первое препятствие для побега состояло в том, что по его пяткам в любое время дня и ночи топчутся могущественные практики. Как минимум — пара опытных ищеек четырёх цветов из Зала Наказаний. И возможно это лишь те, о которых Оритилл сказал при всех. Слежка делала единственным местом для подготовки любых планов этот дом. Приходящих в который будут отмечать.

А второе препятствие в том, что путь для побега лишь один. Через телепортационную формацию секты. Конечно, стен в Секте Шести Печатей нет. Защитные формации не удерживают никого внутри. Вот только при попытке бежать своим ходом, он пробегает очень недолго, даже если как-то ухитрится избавиться от хвоста. Единственный реалистичный способ оторваться от погони старейшин и Наставников — телепортация.

Мало какой ученик смог бы воспользоваться этим способом. Но у Арамы есть ключи активации формации. Не самим же Наставникам бегать каждый раз, когда нужно послать куда-нибудь доверенное лицо. Кроме того, прибытие через формацию возможно лишь в её главный круг. А вот для отправки в секте дополнительно имеется несколько малых кругов. Опять же, на случай, если Наставнику вздумается кого-нибудь куда-нибудь послать в тайне. Как минимум двумя из малых кругов теоретически можно воспользоваться. Круг в резиденции рода Кас и круг в каменном лабиринте над Ущельем Клыков. До первого вряд ли доберёшься, если Кайлео намеренно не развернёт ковровую дорожку. У второго есть защита, и охрана.

Кроме того, при телепортации хорошо бы иметь полчаса форы. Ну, четверть часа как минимальный минимум. Иначе Оритилл, а возможно и кто-то из его подручных, сможет проанализировать работу формации и установить точку назначения. Это если телепортироваться в случайное место, пренебрегая перспективой угодить из огня да в полымя. А другого варианта нет. Даже если напрямую втягивать Кантоса, его уровня владения Глазами Зеффара почти наверняка не хватит, чтобы увидеть будущее, в котором «случайное место» окажется более-менее там, где надо. Как это недавно сделал Кайлео. Впрочем, в сплошной камень, на середину океана или иное место, несовместимое с жизнью, не выкинет, а все остальные опасности никак не сравнятся с гневом Наставника семи цветов.

Загвоздка в том, что Оритилл способен достичь любой точки в Секте Шести Печатей не то что за полчаса, а за полминуты. Значит, перед побегом надо не просто избавиться от магического слежения и скинуть хвост, а сделать это незаметно!

Ну, или выбрать момент, когда Оритилл будет отвлечён. Если не надеяться на всякие случайности, типа прямого нападения альянса четырёх сект, вроде бы, остаётся меньше года до очередного тайного ритуала, требующего присутствия Наставников. На время которого Наставники, вероятно, усилят безопасность, ага.

В общем, куда ни кинь, везде не то что клин, а безнадёга. Для практика двух цветов, во всяком случае. А вот с тремя цветами уже появляются какие-то шансы. Особенно если три цвета появятся не только у него, а и у его спутников.

При мысли о Наттаре и Люме Вален поневоле чувствовал тепло на сердце. Они не только совершенно спокойно приняли известие, что его обвиняют в одержимости архидемоном, но и в один голос отказались уносить ноги, пока Оритилл не счёл их сообщниками.

Удивление таким решением уменьшилось, когда Вален узнал: их семьям вряд ли что-то грозит, особенно если они не станут активно поддерживать контакт с роднёй. Почти у всех старейшин было множество смертных родственников. Потому клан погибшего предателя ещё могли истребить, хотя и такое бывало очень редко, а вот взятие заложников или вымещение злости на семье ещё живого практика считались гнуснейшими из преступлений. В сектах тёмного пути и то обычно этим брезговали.

Но пусть даже Наттару с Люме не приходилось выбирать между Валенем и роднёй, они, безусловно, рисковали своими собственными жизнями, оставаясь рядом с ним. Тем более, помогая ему в побеге из секты.

А стоило ли вообще планировать побег, ставя их под удар? И создавая дополнительную опасность для себя, конечно. Вален не сомневался ни секунды — стоило. Если Арама вдруг выйдет из затвора с семьёй цветами ядра, решительно меняя соотношение сил в секте — тут вопрос другой. Но она может выйти ещё лет через десять. Может умереть или утратить разум в ходе прорыва. И повысить её шансы на успех нереально.

Зато самому лишиться жизни, пока она остаётся в затворе, можно очень легко. Кантос передал Валену, что Оритилл намерен оставить его в живых, пока не выяснится, кто и зачем дважды хотел его убить. Вот только Вален в это не верил. Ведь одержимый — идеальная испупительная жертва, на которую можно будет свалить всё произошедшее в Трёхсотлетнем Чистилице. А в его одержимости Оритилл убеждён — Кантос теперь рассказал и о том, при каких

обстоятельствах Арама потрясла из Оритилла Фантомный Крюк и Укротительницу Чудовищ. Старый Наставник просто ещё не придумал способа свалить всё на Валена так убедительно, чтобы альянс четырёх сект действительно поверил.

Значит, остаётся только бежать, пока ещё есть время. Ждать, сложа руки — не вариант. К тому же, если он задержится в Секте Шести Печатей, его вновь попытаются убить. И не факт, что талисманы Оритилла помогут.

Вален вовсе не был уверен, что нападение Секты Алых Крыльев как-то связано с ним. Исключать такую возможность нельзя. Но и твёрдых доказательств он пока не видел. А вот то, что некто внутри Секты Шести Печатей смертельно ненавидит его и всех кто с ним дружен — можно было считать доказанным. И, кстати, семьи Люме и Наттара всё-таки под угрозой. Именно из-за этой ненависти. Раскрыть врага нужно до побега. К счастью, кандидатов уже немного. Двое-трое. И судя по накалу ненависти — виновного, в принципе, можно выманить. То есть, виновную. Все кандидаты женского пола,

Ну выманить-то можно, а вот что делать с ней потом? В его положении рассчитывать на Зал Наказаний не приходится. Спровоцировать и заставить признаться перед всеми Наставниками разом? Нереально, если Наставники не будут подыгрывать, а они не будут. Выходит, что единственное решение — расправа собственными руками. Но у всех его подозреваемых — три цвета или выше.

Вален потёр лоб. В конечном счёте, всё упирается в личную силу. Его силу и силу его близких. Рассмотрим пока его самого. Положим, за неполный год он сумеет прорваться на третий цвет. Три цвета в девятнадцать, да при позднем начале тренировок — это отличный результат. Ещё не уровень гениальности, но уже уровень весьма перспективного практика, который может подняться до старейшины. Проблема в том, что этого совершенно недостаточно. Если он хочет выжить, то меньше чем за год обязан обрести могущество на уровне опытного, талантливого и хорошо экипированного практика трёх цветов, способного, при благоприятных условиях, не умереть, столкнувшись с врагом на цвет выше.

Задача не такая безнадёжная, как может показаться на первый взгляд, даже с его потенциалом меридианов.

За время странствий по владениям Секты Шести Печатей, расчёт и некоторая доля везения помогли ему заложить прочную основу для быстрого возвышения. Он был вполне уверен, что его сочетание ума, способности к концентрации и необычайного восприятия духовной энергии, с почти идеальной памятью, которую давала техника Расцвета Разума, делает его самым перспективным алхимиком во всей секте. Учитывая возможность подпитки духовной энергией через дар Люме и полученный практический опыт — в плане чистых умений, он уже приближается к уровню старших учеников Зала Пилюль. Кстати, насчёт измерения мастерства... через четыре месяца в Зале Пилюль планируется большое состязание. Этим можно будет воспользоваться ради нескольких целей. Самая простая и очевидная — проверить себя и свои умения.

Что касается второй ключевой составляющей успеха алхимика, помимо умений, то есть доступа к ресурсам, то, во-первых, из Трёхсотлетнего Чистилища они вытащили немалую кучу ядер монстров и довольно редких растительных ингредиентов. Во-вторых, он неплохо обеспечен. И если его набросанные на коленке планы увенчаются успехом, то скоро заработает ещё больше денег. Причём не серебра, а духовных нефритов. В общем, он сможет позволить себе многие ингредиенты для пилюль третьего ранга. На третьем ранге уже существуют пилюли вроде пилюли Бронзовых Костей или пилюли Чистого Алмаза, способные подкорректировать ошибки в культивации или перманентно усилить практика.

Если окажется, что он припёрт к стенке и других вариантов нет, он начнёт делать такие пилюли для себя, Люме и Наттара, плюнув на долговременные побочные эффекты. Но путь к уровню мастерства, позволяющему выплавлять пилюли высшего качества, тем более ста-

бильно, оставался туманным для Валена. Вероятно, что иного пути, кроме постепенного накопления опыта, просто нет. Значит побочные эффекты от загрязнений в его пилюлях будут серьёзными. Такой метод увеличения силы остаётся на крайний случай.

Как ещё можно расширить свой арсенал? Валену приходил на ум один способ. Не вызывавший у него восторга.

Вален снова потёр лоб. Никто и не обещал, что будет легко и весело. Ну да ладно. Планы у него есть, пора отвлечься от мыслей о предстоящих тяжких трудах.

Он сел на кровати. Небо за окном только начинало светлеть. Люме, конечно, обидится на него, если он разбудит её. Станет ворчать, что он её считает за служанку, которая в доме только для того, чтобы исполнять все желания господина. А вот если не прийти к ней сейчас и не показать, что от, хм, желаний, его может отвлечь лишь предельное истощение сил — тоже обидится, но молча и всерьёз.

Эти мысли навели Валена на новую идею. Но он на время выкинул её из головы. Нет, ну в самом деле, нельзя ведь даже в такие моменты думать о хитрых планах.

Глава 4. Последствия.

Тяжеленная алхимическая печь, вершина которой доставала человеку до груди, аж подскочила от гулко-го внутреннего взрыва. К счастью, такие печи делались весьма прочными, так что комната в Зале Пилюль и стоявший в ней практик ничуть не пострадали. А вот с ингредиентами, вложенными в последнюю плавку, теперь можно было попрощаться.

Гелат Зот покачал головой, глядя на идущий от печи едкий дымок. Он никогда не считал себя выдающимся алхимиком, но после возвращения из Трёхсотлетнего Чистилища его процент провалов при переплавке взлетел в небеса. Наставления, между прочим, советовали в подобных случаях немедленно идти к учителю. Неспособность выдерживать концентрацию в течение длительного времени была не просто верным признаком душевного разлада, внутреннего неумиротворения, но и возможным ранним симптомом демонической одержимости.

Вот только учителя в том смысле, который наставления вкладывали в это слово, у Гелата не было. Назначенные обучать его эксперты лишь выполняли поручение рода. Ну а родители... мать теперь выпустили из-под домашнего ареста. Но она — не тот человек, к которому можно идти со своими проблемами. Если не хочешь, чтобы тебе ещё устроили головомойку за то, что плохо с ними справляешься. Обратиться к отцу... он способен дать полезный совет, возможно, он даже пожелает это сделать, но сама мысль позволить ему копаться в своей душе вызывала отвращение. А кроме того, он проницателен и может понять больше, чем Гелат хотел раскрывать.

— Снова неудача? — Нельда Нан заглянула к нему в комнату. Интересно, она что, не занималась переплавкой собственных пилюль, а слушала, что происходит у него?

— Как видишь, — Гелат снова покачал головой.

— Лучше бы ты отдохнул. Занялся бы пока теорией, как я. Всё-таки, ты немало натерпелся. Хорошо, что жив.

Нельда собралась уже выйти за дверь.

— Постой. Я вчера видел Зорану. Она была напуганной. Ты ей не наговорила чего-нибудь?

Зорана Зот ходила в Трёхсотлетнее Чистилище вместе с Гелатом и вернулась живой. Гелат вообще не был с ней знаком до начала подбора тройки, способной бросить вызов чистилищу — мало ли в роду внушек Наставника от разных жён. Но после того, как они не раз спасали жизнь друг другу, он не мог просто выкинуть её из головы. Чисто как боевого товарища, конечно. Во-первых, она всё-таки была внучкой его отца, слишком близкое родство, во-вторых, обладала довольно заурядной внешностью, по стандартам практиков, а в-третьих Гелат вообще не смотрел на женщин кроме Нельды. Сама Нельда вроде бы верила в это, но всё же, кто знает.

Нельда поглядела на Гелата, придав лицу налёт праведного негодования. Хмммм. Страх перед её ревностью мог объяснить эмоциональное смятение с оттенком опаски, которое она чувствовала от него после возвращения из чистилища, благодаря метке Носа Зеффара. Не то что бы она ревновала на самом деле. Не всерьёз. Куда он теперь денется, с его двумя цветами, историей неудач и телом, изуродованным Печатью Мускулов?

Но как бы ему всё подать...

— О, я просто её расспросила о вашем походе в чистилище. Извини, дорогой, но я же чувую, что ты не в себе. Да ладно «чую», это видно. Вот и испугалась — может там случилось чего, о чём ты помалкиваешь. Сам понимаешь — мужская привычка скрывать неприятности до последнего.

— Нет. Кроме полного провала и смерти моего родственника не случилось ровным счётом ничего.

Нельда навела на лицо выражение жалости:

— Лучше бы ты всё-таки отдохнул. Видно же, что тебе досталось. Что ты жилы себе рвал — и порвал. Всякому будет тяжело, если сделал всё, что смог, но этого не хватило. А что до Зораны... ну, признаюсь, я ей и вправду нагрубила. Когда узнала, что ты чуть не погиб, защищая её.

Да, неудачно с ней вышло. Просто соврать теперь не получится.

— *С чего это я не должна встречаться и говорить с моим собственным родичем? Ты не слишком ли...* — Зорана вдруг осеклась. От неё пахло сильным испугом.

Только тогда Нельда поняла, что у неё подёргиваются веки. Поспешно схватилась за лицо. И почувствовала, что рот растянулся в хищном оскале. Зеффар! Ну почему она не сумела подловить эту тварь быстрее? Почему откат техники Внутреннего Рая начался именно сейчас?

Что ж. По крайней мере, теперь можно заставить Зорану поверить, что ей реально грозит смерть. Ведь это правда. Или вот-вот станет правдой.

— Ты... Тебе плохо?

Простая пощёчина отбросила Зорану на три шага и впечатала в стену. Всё-таки, Нельда была выше на целый цвет и превосходила по таланту. Девка оказалась дерзкой, попыталась стать в боевую стойку, отскочить Лёгким Шагом. Жестокий пинок в живот, от которого задрожала даже каменная стена, заставил её согнуться в три погибели и рухнуть на землю, сплёвывая кровь. Нельда присела перед ней, схватила её за волосы:

— *Мне хорошо! Чувствую себя, как распускающийся цветок! Слушай, ты, вонючая ласка, по-твоему, что мне будет, если я прямо сейчас запихаю тебе в глотку пригоршню ядовитых пилюль?*

— Это был перебор, наверное. Могу извиниться перед ней если хочешь.

Гелат в третий раз за несколько минут мотнул головой:

— Не нужно. Спасибо, что думаешь обо мне.

После того, как Геллару Зот освободили, она настаивала, чтобы Гелат ужинал с ней каждый день. Чтобы компенсировать время, упущенное, пока им разрешалось встречаться лишь раз в месяц.

Готовила она довольно вкусно. К тому же, блюда из мяса бессмертных зверей и редких растений заметно помогали культивации. И отказываться от прихода к ужину было неудобно уже из-за одной их цены. Так что Гелат и не отказывался. Но порой ностальгировал о том времени, когда мать сидела под домашним арестом.

— Я слышала, что мальчишка Вен помог вам в Трёхсотлетнем Чистилище.

Началось. Удивительно даже, что она не заговорила об этом раньше.

— Уж если дошло до войны, то тут правила простые — каждый ученик стоит за всю секту, личные раздоры побоку, — пожал нечеловечески худыми плечами Гелат.

Геллара поджала губы. Некоторое время осуждающе молчала, прежде чем сказать:

— Я знаю. И что одному или даже тройке, не защитить себя от всех опасностей на поле боя, я тоже знаю. Не считай меня за дуру. Но мальчишка Вен — сын Арамы. И — коварный, расчётливый злодей, что известно всей Секте Шести Печатей. Помнишь, как он в вашем поединке ставил на самого себя, через подставных учеников? Это ты можешь кому-то помочь просто потому, что так будет правильно. Я тебя воспитала достойным практиком. А этот двойной ублюдок, этот Вален — у него наверняка был какой-то умысел. Он, случаем, не пытался внушить, что ты ему за это должен? Не требовал от тебя ничего?

— Нет, — кратко ответил Гелат. И отправил себе в рот сразу три ломтика мяса, показывая, что у его рта есть задача поважнее. Как сама Геллара любила говорить прежде — «когда я ем, я глух и нем».

— Обязательно скажи мне, если потребует. Или просто попытается подбивать к тебе клинья. Обязательно! Если не хочешь, чтобы он тебя обманул и погубил. Сам ты слишком доверчив и наивен, кого угодно готов подпустить к себе, но уж я-то придумаю, как всё обратить против него.

Вечером Гелат лежал на постели, крутя в пальцах маленькую нефритовую плашку. Мелкий змеёныш, спутник Валена, незаметно сунул ему эту плашку, когда они возвращались в Секту Шести Печатей.

Но вот мысли, записанные на духовном нефрите, безусловно принадлежали самому Валену.

Образ разорённого деревенского дома. И чёткие слова:

Кто-то ненавидит тебя так сильно, что хотел убить Ламана просто за то, что он был твоим другом. И убил бы, если б Ламан вовремя не скрылся.

Подумай:

Нет ли рядом с тобой кого-то, кто сеет в тебе недоверие ко всем вокруг?

Нет ли рядом с тобой кого-то, кто хочет изолировать тебя?

Нет ли рядом с тобой кого-то, кто внушает тебе неуверенность в твоих силах?

И будь осторожен.

Даже после того, как Вален и компания спасли жизнь ему и Зоране в Трёхсотлетнем Чистилище, Гелат просто выкинул бы эту плашку. Если бы не одно «но». Гелат смутно помнил, что Ламан был полон страха перед тем, как покинул секту. Смутно — потому, что его собственное физическое и душевное состояние в те дни оставляло желать лучшего. Тогда он списал всё это на последствия самого ужасного увечья на свете, расплавления духовного ядра. Но что если была какая-то другая причина? Что если у Ламана появились подозрения, в которых он боялся даже сознаться?

Так или иначе, сперва надо убедиться, правду ли вообще передал Вален. Надо убедиться, что на самом деле случилось с Ламаном и его семьёй. Сделать это будет не так просто. Секте грозит война, так что учеников постараются держать внутри, не давать заданий, требующих выхода во внешний мир. Но если война всё-таки не начнётся в ближайшие дни, то со временем возможность представится.

Ваннан поднял голову, чтобы посмотреть, кто вошёл в его камеру. Будучи подвешенным на дыбе, и проткнутым множеством игл, запечатывавших его меридианы, даже такое действие было выполнить непросто. Он не узнал вошедшего в лицо, но судя по властным манерам и устрашающей ауре этот гуай-волк в фиолетовом халате был кем-то важным. Возможно и вправду Наставником.

— Я — Наставник Неллан Нан, — гуай тут же подтвердил его мысль. — И я слышал, что ты с необычайным упорством отказываешься говорить, утверждая, что твоя информация не предназначена для ушей простых практиков. Что ж. Ты хотел Наставника, вот он я. Выкладывай, что у тебя есть.

То, что в камере не появился кто-нибудь, владеющий Повелительным Королевским Голосом и способный быстро выжать как лимон даже практика, устойчивого к обычным пыткам, подтвердило мысли Ваннана. Основанные на его приблизительном знакомстве с политикой Секты Шести Печатей. Здесь должен был произойти некий внутренний переворот, чтобы пленники оказались в руках не у рода Кас, глава которого захватил их, а у рода Нан.

— Я могу выложить и перенести на духовный нефрит информацию, которая сильно повредит Наставнику Кайлео, — криво улыбнулся Ваннан. Несмотря на растущую боль в шее, он смотрел прямо на Неллана. — Но у меня есть одно условие.

— Щенок, а в том ли ты положении, чтобы ставить условия? Сейчас наши опытные палачи заняты практиками Алых Крыльев, но и до тебя дело дойдёт. Рано или поздно выложишь всё.

— Если б вы не предпочитали «рано», вы бы сюда не пришли. А кроме того, я хочу всего лишь шанса остаться в живых. Наша выгода здесь будет взаимной. Практики с моим талантом на дороге не валяются. Тем более, практики ненавидящие нынешний род Вен и род Кас.

— Дерзости у тебя хоть отбавляй, — Наставник глубоко вдохнул через нос. — И для гуая в твоём положении ты почти не чувствуешь страха. Хотя и сладкой воню, исходящей от людей, уверенных в собственной хитрозадости и способности вывернуться от тебя не пахнет. Даже любопытно. Неужели это и есть так называемая «смелость»?

Ваннан непритворно задумался, прежде чем ответить:

— Думаю, я не очень смел. Смелый, как я понимаю, готов вступить в неравный бой, не пачкает своей жизни и не отступает перед врагом. Но всё это не про меня. Признаться, я никогда не понимал бойцов, рассуждавших о том, что смерть — не худшее, что может случиться. Тем более, что многие из них потом на коленях умоляли оставить им жизнь. Но здесь же не поля боя, где всё может измениться за миг. Если бы я за столько дней не сумел прийти к внутреннему спокойствию — меня нельзя было бы назвать практиком. Выйду я отсюда живым — прекрасно. Не выйду — ну, я сделал всё, что мне было по силам.

— Пффффахаха! — Наставник не выдержал и расхохотался во весь голос. — Знаешь, учти на будущее, сознаваться в том, что ты негодяй, который превыше всего ценит шкуру, да ещё негодяй хладнокровный — не лучшая политика, когда ты висишь на дыбе. Если прибавить к этому кровь на твоих руках, только ненормальный может выпустить из камеры подобную мразь. Да ещё учитывая хлопоты с выращиванием клона, которого казнят вместо тебя, и всем прочим.

Неллан посерьёзnel:

— К твоему счастью, или, возможно, несчастью, меня нормальным не назовёшь. К тому же, в наших кладовых завалялись, хмммм, средства обеспечения лояльности, которые я давно хотел испытать. Ты будешь жить... при условии, что твой рассказ окажется интересным.

Ваннан улыбнулся шире прежнего:

— О, я думаю, вам понравится. Знаете ли вы, с чьим родным сыном я путешествовал почти два года, прежде чем он сбежал и оставил меня на вашу милость?

Что бы там Наставник Неллан о себе ни говорил, а Ваннан думал, что он принял самое предсказуемое решение. Решение это было обусловлено не только и не столько желанием поскорее разговорить пленника. Информация — лишь специи в блюде. Само блюдо — это тело Ваннана, с двенадцатью звёздами потенциала меридианов. Его ценность слишком велика даже для наставнического рода Секты Шести Печатей, чтобы так просто от него избавляться. Всё остальное в Ваннана не интересовало никого и никогда, как он недавно убедился ещё раз. Но поскольку Наставники не владеют искусствами архидемонов и не могут сохранить лишь тело Ваннана, избавившись от его души...

Люме достигла второго цвета гораздо раньше Валена и Наттара. Уже давно была на завершённости формирования воли. Поэтому неудивительно, что и на третий цвет она прорвалась первой. По сути, ей для прорыва не хватало лишь потока духовной энергии, а уж его Горы Шести Печатей и особенно личный пик Наставницы Арамы, обеспечивали с избытком.

Вален был вполне уверен, что прорыв пройдёт успешно, но всё же ему стоило немалых трудов сохранять видимое спокойствие, пока Люме сидела в гроте. Даже простое чтение шло

плохо, мысли скакали. В конце концов, он направился на кухню, в надежде что-нибудь приготовить к её выходу. Кантос придерживался мнения, что пока на столе есть жаркое и свежие овощи с фруктами, то незачем париться ради чего-то более изысканного, сама Люме хорошо умела заваривать чай, а вот в готовке на четверых была не сильна.

Вален тоже не был силен, но уж потушить мясо в белом соусе, наварить риса с овощами, нарубить салатов, красиво нарезать копчёностей, выбрать лучшие сласти из запасов, и надавать по рукам Наттару, чтоб не таскал еду со стола раньше времени, он мог.

Но время шло, настала ночь, а Люме всё не появлялась. Неудивительно. С третьего прорыва сложность всё круче уходила в небеса. Потому-то не во всяком провинциальном клане имелся один практик трёх цветов, а в малых сектах таких сплошь и рядом считали старейшинами. Поток духовной энергии, которым Люме сейчас пользовалась в гроте, был хорошим подспорьем. Но только подспорьем. Даже с ним прорыв легко мог занять пару дней, а то и больше.

Лишь когда луна уже пересекала Небесную Реку, Вален сдался и позволил всем сесть за ужин. И ни свет ни заря взялся за готовку вновь. На этот раз пряча те блюда, которые можно было есть остывшими, в пространственное кольцо, а себе и остальным мужчинам, готовя отдельно. Дело было не только в том, что он хотел порадовать Люме или отвлечься. Просто в голове у него появилась некая смутная мысль, имеющая отношение не только к кулинарии. И он не хотел упустить нить этой мысли.

Люме, в свежем халате, вся сияющая, появилась у порога к вечеру второго дня. И её ждал небольшой пир. Но перед тем, как садиться за стол, пришлось ещё немного натерпеться страху, пока Кантос оценивал результаты прорыва.

— Где-то десять из двенадцати, — заявил он в итоге. — Сильно лучше, чем я боялся. Так что мои поздравления, Люме.

— И мои, — искренне добавил Вален. — Я тут это, приготовил праздничный обед. До матери мне далеко, но старался как мог. Пойдём, пора тебе отдохнуть.

Увидев накрытый стол, Люме просияла. И это сделало Валена счастливее, чем мысль о том, насколько теперь возросло могущество его верной помощницы.

М-да. Совсем нехорошо. Он старался не думать об этом после чистилища, но не мог больше врать себе. Люме, а в меньшей степени и Наттар, теперь стали его слабыми местами. Из-за них он уже упустил великолепный шанс стать сильнее. Что же дальше-то будет?

Глава 5. Приумножение денег.

Вален был мастером сокрытия собственных мыслей, потому Люме и не заметила в нём ничего необычного.

А вот сама Люме на следующий день после прорыва стала грустной. Вален подождал немного и, убедившись, что это не мимолётный перепад настроения, а посылаемый ему сигнал, спросил:

— Что-то не так? Натерпелась во время прорыва?

— Нет, — покачала головой Люме. Огляделась, проверила, что дверь в комнату задвинута, а сила формации никуда не пропала, прежде чем продолжить. — Ты не забыл случаем: раз уж я прорвалась на третий цвет в Секте Шести Печатей, то теперь я считаюсь внутренней ученицей.

Внешние ученики могли покинуть секту по желанию, если на них не висело долгов. Многие так и поступали, достигнув завершённости формирования воли — кого-то звали во внешний мир обязательства перед родителями и кланом, кто-то был слишком свободолюбив, кто-то предпочитал быть большой рыбой в маленьком пруду, а не маленькой в большом.

Но внутренние ученики считались полноценными и пожизненными членами Секты Шести Печатей. Они должны были отказаться от своих прежних кланов, родов и сект, принести клятву верности и послушания, пройти ритуал посвящения — обычно он проводился раз в год.

— И что с того? — не понял Вален. — Ты же всё равно готовишься сбежать вместе со мной. Какая разница?

— Какая разница? — Люме придала своему прекрасному лицу выражение карикатурной задумчивости, подпёрла подбородок одним пальцем. — Дай-ка подумать. Коварная лиса приносит клятву, заранее собираясь её нарушить и в который раз подтверждает репутацию своего рода. Хмммм, ничего особенного, волноваться тут вправду не о чем.

Вален пожал плечами

— Секта нам вторая семья, но и в семье долг сыновней почтительности не безграничен.

Люме фыркнула:

— Ты цитируешь «Зерцало практика».

— Да, но по моему это написано очень к месту. Если бы Наставник Оритилл не хотел меня уничтожить, ты не стала бы обманывать секту, в которой он теперь распоряжается. Что до репутации твоего рода — одна лиса с тремя цветами духовного ядра её не спасёт и не погубит.

Валену не было дела, что там о гуаях-лисах думают другие, да и ей самой не должно было быть дела, с его точки зрения. Но распространяться об этом он не стал. Ему казалось, это было всё равно, как сообщать, что солнце всходит на востоке.

— Слишком легкомысленно ты относишься к репутации, — Люме неодобрительно покачала головой. — Один раз это тебя уже чуть не погубило. Когда мама в твою дурную репутацию поверила. Уж и не знаю, чем кончится твой нынешний замысел...

Хоть Люме и продолжала ворчать, а всё же после этого разговора её меланхолия постепенно развеялась.

Вален теперь довольно уверенно управлял двумя летающими мечами. Но скорость освоения нового навыка всё равно не радовала. Возможно, дело было в том, что Наттар просто развивался быстрее.

Вот и сейчас он изогнулся так, словно его тело целиком состояло из воды, пропуская мимо себя один меч, отбил второй так, что он улетел слишком далеко, успел заблокировать удар Валена, тут же контратаковал с такой силой, что едва не опрокинул его на траву, не глядя отра-

зил первый меч, успевший вернуться и нацелиться ему в спину, одновременно выбил Валена из равновесия пинком в колено, на расстоянии, которое казалось безопасным. Следующий удар мог бы нанести серьёзное увечье даже учебным мечом, но Кантос успел крикнуть:

— Хватит!

— Ой, — глаза Наттара вдруг расширились, он поспешно отступил на шаг. — Кажется, я опять чуть не перестарался.

Кантос покачал головой:

— Знаешь, некоторые практики, концентрирующиеся на боевых искусствах, тратят долбаные десятилетия, чтобы изучить очищение разума, обнуление мыслей. Для тех, кто культивирует умения рукопашного боя вперёд техник, это может быть ещё полезнее сердца воина. Намерения практика куда сложнее предугадать, если его разум пуст. Скорость реакции увеличивается, когда мозг больше не торчит между чувствами и руками, как гора на ровном месте. А ты, Наттар, осваиваешь очищение разума легче и быстрее, чем младенец учится ходить. Сам даже не знаю, до каких высот можно дойти, если добавить твою технику Текучего Тела... Вот если бы ты ещё лучше контролировал себя в этом состоянии!

— Ээээх, — Наттар устался в землю. — Старший, а вы...

— Если б знал что, уже посоветовал бы. Личного опыта нет, а книги... обнуление мыслей редко, описать его сложно. Пока не нашёл толкового наставления.

Кантос вдруг замер на миг.

— Хм. К нам кто-то пришёл. Точнее, к тебе Вален.

Тренировались они в саду Арамы. Охранная формация в первую очередь защищала дом, но охватывала всю верхнюю часть горного пика. Вален теперь мог просто видеть незримые для простых смертных и начинающих практиков нити энергии в воздухе. Тот, чья циркуляция духовной энергии подключена к формации, сразу чувствовал появление чужаков. В настоящий момент подключена она была у Кантоса и Люме. Управление формациями походило на использование волшебных сокровищ, только гораздо сложнее, формация, защищавшая жилище Наставницы, была весьма замысловатой, а Вален оставался слишком занят, чтобы всерьёз осваивать новое для себя умение. Потому сейчас он и не заметил гостя сам.

Гость оказался учеником в белом халате с гладким, красивым лицом. Простота вышивки на вороте, полах и рукавах указывала на внешнего ученика. Даже на его ауру не требовалось глядеть. А то, что вышивка была стилизованным пламенем — на принадлежность к Залу Пилюль.

Большинство внешних учеников, особенно тех, кто намеревался связать всю жизнь с Сектой Шести Печатей, отчаянно стремились примкнуть к одному из четырёх Залов. Зал Пилюль, Зал Наказаний, Зал Мечей, Зал Исцеления. Был ещё Зал Записей, но Хранитель Тармон почти не нуждался в помощниках.

Конечно, гениям с одиннадцатью или двенадцатью звёздами таланта, с особо ценным даром гуая или иным столь же впечатляющим врождённым преимуществом, Залы были не интересны. Такие самородки едва став практиками получали предложение примкнуть к одному из наставнических родов. Для начала, через личное ученичество, а потом, если ученик или ученица оправдывала ожидания — и через брак.

Но для тех, кому не настолько повезло с потенциалом, наилучшим вариантом было принятие в Зал. Это накладывало дополнительные обязанности, но преимущества намного перевешивали недостатки. Покровительство и наставления Хранителя и старших учеников зала. Немалое содержание. Избавление от большинства муторных и слабо помогающих личной культивации заданий секты, вроде рутинного сбора редких трав. Плюс, особые выгоды конкретного Зала. Ученики Зала Пилюль, например, могли покупать имеющиеся в запасах ингредиенты со скидками.

В общем, те, кого принимали в один из Залов, держались за своё место руками и ногами. Обязанности выполняли на совесть. А в Зале Пилюль основная обязанность состояла в переплавке для секты этих самых пилюль. Для каждого цвета было установлено определённое количество и качество пилюль, которые нужно было сдавать раз в месяц.

— Старший Вален, — ученик вежливо поклонился. — Я, младший Шенар, к вам по делу. Я слышал, что у вас есть запас сапфировой иглотравы. И хотел бы закупиться ею.

Ну наконец-то.

— За тридцать средних стеблей я готов отдать девять слитков серебра, сами понимаете, это почти втрое больше обычной цены.

Ещё до возвращения в Секту Шести Печатей, едва получив деньги, вырученные за торговлю пилюлями, в основном серебро, Вален начал задумываться над тем, как бы эти деньги приумножить. А серебро по возможности превратить в нефрит. Ведь ни ингредиенты для пилюль третьего ранга и выше, ни сокровища, сложнее обычных летающих мечей и пространственных колец, за серебро просто не продавались. Кроме того, если — когда — придётся уносить ноги, запас духовного нефрита займёт на порядок меньше веса в кольце.

Вален набросал в голове сразу несколько возможных схем. Одна оказалась вполне реализуемой. Правда, эта самая репутация, о которой Люме печётся, при её реализации рисковала пробить дно. Если бы его будущее в Секте Шести Печатей оставалось хоть сколько-нибудь надёжным, он бы ещё подумал. Но раз нет...

— Младший Шенар, я гляжу, ты решил закупиться на три года вперёд. Или надеешься перепродать часть стеблей с выгодой?

Стебли сапфировой иглотравы были одним из возможных ингредиентов для пилюль выносливости первого и второго рангов. Эти пилюли входили в норму переплавки для учеников Зала Пилюль. А основным источником сапфировой иглотравы был Свежующий Лес, на территории Секты Нефритового Меча. Она там росла в изобилии, её собирали в придачу к более ценным материалам, просто чтоб место в кольце не пропадало. И продавалась она дёшево. Вот только секты альянса четырёх сейчас прервали всю официальную торговлю с Сектой Шести Печатей. Через некоторое время предприимчивые практики наладят достаточно надёжные пути контрабанды, чтобы удовлетворить даже потребности ничтожных учеников. Но на это уйдёт не один месяц. Те, ученики Зала Пилюль, у кого нет запасов ингредиентов на чёрный день, рискуют невыполнением нормы. В лучшем случае, потерей массы времени и денег при попытках использовать ингредиенты-заменители.

Это если заменители вообще найдутся. Пару основных заменителей Вален тоже скупил, вскоре после возвращения в секту. Их запасы, конечно, будут пополнены быстро, но он не жалел денег, чтобы в решающие дни довести атмосферу отчаянной нужды до максимума.

Конечно, наиболее опытные внутренние ученики Зала Пилюль не хуже Валена представляли, где добываются ингредиенты наиболее ходовых алхимических творений. Их собственная норма выплавки уже не включала низкоранговые пилюли выносливости. Или они предусмотрительно хранили внушительные заготовки всего, что им могло понадобиться. Но почему ни одному из них не пришла в голову та же идея, что и Валену?

На самом деле, она им, конечно, пришла. Но пару-тройку самых лучших, истинную элиту Зала, не особо интересовали заработки такого уровня. Что касается прочих, то у одних не было на руках небольшой горы серебра. Знай они заранее, то быстро накопили бы нужную сумму, но прямо сейчас им бы потребовалось поспешно продавать духовный нефрит или ценные пилюли, неся на этом убыток. Другие колебались несколько дней, до того момента, как о запрете на торговлю объявили во всеуслышание — они не видели произошедшего в монастыре Трёхсотлетнего Чистилища своими глазами и не были уверены, что отношения между сектами испортятся так резко и быстро. Вален и сам не был в этом уверен полностью. Но думал, что

если Оритилл сумеет погасить кризис в зародыше, то ему самому будет уже без разницы, так как его назначат виновником.

Пара внутренних учеников, которые сами любили поторговать ингредиентами, догадались обо всём, но начали действовать слишком поздно. Своих запасов Валену не продали, но и скупить ничего толком не успели. Вероятно, Шенар пришёл к Валену уже после того, как выпал в осадок от цены, запрошенной одним из этих внутренних учеников.

Ему стоило брать, пока продают.

Сейчас он ответил с улыбкой:

— О, какая уж там перепродажа. Мы с друзьями просто решили скинуться, в надежде, что покупка большой партии обойдётся дешевле.

Вален пожал плечами:

— Девять слитков серебра — это три с половиной пластинки духовного нефрита по официальному курсу секты, не так ли? Да, за большую партию я готов сделать скидку. Три пластинки — и можешь забирать свои стебли.

— Пластинки духовного нефрита??! — довольное выражение как ветром сдуло с лица Шенара.

— Ага. Предложение действительно до завтра, — равнодушно ответил Вален.

— Но это же грабёж! Духовный нефрит за ингредиенты такого уровня??!

— Осторожнее, — заметил Вален. — Как бы тебя язык до Зала Наказаний не довёл. А если моя цена не нравится — так поищи другого продавца.

— Восемь слитков за пластину или мечом лети отсюда, — раздражённо сказал Шенару внутренний ученик.

Не прошло и двух лет, с тех пор, как чёрный рынок Секты Шести Печатей подвергся тщательной зачистке. Большинство чрезмерно предприимчивых учеников до сих пор медитировали над своими ошибками в гротах-одиночках. Но свято место пусто не бывает. В том числе, место добрых людей, готовых помочь тем, кому позарез нужен нефрит, да только не хватает ранга в секте, чтобы получить нужное количество через официальный обменник.

— Было же пять! — заорал Шенар. — Я точно знаю, что вы меняли по пять!

Внутренний ученик смерил его таким взглядом, каким мог бы удостоить крикливую птицу. Демонстративно, с хрустом, размял толстые пальцы.

Шенар вдруг осёкся. До него дошло.

— Вы... вы сговорились. Этот гнойный ублюдок крысы с обезьяной, этот затраханный наследничек...

Крики снова оборвались, потому что рот Шенара зажала невидимая рука, разом поднявшая его в воздух. Он забился, пытаясь высвободиться, но все усилия были тщетны.

— Задра! Уже орать. Не практик, а крестьянин на базаре. Будешь платить или нет? А?

Незримая сила исчезла и ноги Шенара вновь коснулись земли. Он пошатнулся, кое-как восстановил равновесие, заскрипел зубами, сжал кулаки, прежде чем выплюнуть наконец:

— Буду.

— Вот странно, — сказал Кантос за завтраком пару дней спустя. — С учеников три шкуры дерёшь ты, а вот чихать от слов, которыми они тебя поминают, хочется мне.

Вален усмехнулся:

— Старший Кантос, скоро ты увидишь, что мой план — не только про деньги. Как ты любишь говорить, в бою каждая атака должна быть опасна сама по себе и подготавливать следующую. А теперь моя жизнь в Секте Шести Печатей — это бой.

Глава 6. Сокращение списка.

— Младшие, а если враг на войне застигнет вас врасплох, неготовыми, у него вы тоже попросите возможности сразиться на условиях, которые вам удобнее? — мрачно поинтересовалась Лерия, Хранительница Зала Пилюль.

Делегация учеников сникла под её уничтожающим взглядом. Её руки были скрещены на впечатляющей груди, а миловидное лицо — искажено праведным негодованием.

— А ведь война, настоящая война, может начаться в любой момент! И как раз на случай войны Секта Шести Печатей копит запасы пилюль низких рангов. Чтобы спасти жизни учеников! Но вы мне теперь говорите, что не в силах выполнить свои обязательства по их переплавке? Просите эти обязательства изменить?

Она немного посверлила младших глазами, давая им возможность как следует подумать о своём поведении, прежде чем подвела итог:

— Хватит уже позорить имя практика. Убирайтесь. Я жду положенных пилюль в положенное время.

Когда делегация убралась, гнев на лице Лерии тут же сменился задумчивостью. Она села на свой рабочий стол, размышляя о том, не переборщила ли она. В конце концов, многим известно, что Вален Вен должен ей большую сумму. Вывод о сговоре с целью обирания учеников Зала Пилюль очевиден и может изрядно подмочить её репутацию.

Точнее, мог бы в иное время. А сейчас Наставники и старейшины уже осведомлены о том, что Вален — не жилец. Во-первых, ему всё равно не хватит времени вернуть ей долг, какие бы хитровыделанные схемы он ни использовал. Во-вторых, его успехи в культивации и обогащении больше не важны. Так что никому не будет дела, если Лерия косвенно поспособствует этим успехам. И её поступок будут оценивать исходя лишь из той логики, которую она сама только что изложила младшим. Формально она полностью права. По сути, она потворствует коварным замыслам и нарушению спокойствия секты — однако же, нарушение это из тех, какие в трудное время старшие поколения сочтут закаляющими характер учеников.

В общем, угрозы минимальны. А вот выгода, если Вален всё-таки выкрутится, или если Арама выйдет из затвора в здравом уме и с семьёй цветами, может оказаться огромной. Благодарность — редкое чувство среди людей и гуаев, но если что-то способно его пробудить, так это поддержка в действительно трудный час, пусть даже маленькая. Почему бы и не сделать рискованную ставку, особенно если риска на самом деле нет и при выпадении неправильных костей, она ничего не теряет?

— Нет денег — продай лишнее. Нечего продать — займи. Больше не дают в долг — значит, ты плохой алхимик и всё равно вылетел бы из Зала Пилюль, — Вален равнодушно глядел на молодого ученика одного цвета, стоявшего перед ним на коленях, лбом в землю. — В любом случае, это не моё дело.

— Я и так уже в долгах! Я только две луны назад записался в Зал, печь и ингредиенты стоят дорого. И секте я тоже должен. Даже уйти не смогу. Если не закупаться по ценам Зала, так вообще не расплачусь!

Вален хмыкнул:

— Думаешь, ты первый догадался рассказывать жалостливые истории? А что не добавил про бедных, больных родителей, разорившихся, чтобы отправить тебя в Секту Шести Печатей.

Ученик не поднял головы:

— Это была бы неправда. Но если я застряну во внешних учениках, с долгами, которые десять лет выплачивать, то моей культивации конец. И своим младшим братьям с сёстрами я ничем помочь не успею.

Вален хмыкнул снова:

— Ну, хоть не врешь. Это хорошо. Честному человеку я пожалуй могу продать сапфировую иглотраву в долг. Но учти — долг придётся отрабатывать.

Ученик поднял голову и глянул на Валена не с облегчением, а с подозрением.

— Не волнуйся, ничего извращённого и страшного делать не заставлю. Побудешь годик-другой подручным. С утра надо будет приходить сюда, ждать часок, если у меня найдётся поручение — сбегать по нему. И всё. Обычное же дело, не?

Дело действительно было обычным. Среди богатых и перспективных учеников многие обзаводились подобными прилипалами. Хотя мало кто покупал их настолько прямо.

— Конечно! Я согласен!

— Не нравится мне та сторона, которой ты раскрылся сейчас, — заметила Люме тем вечером. Они сидели за книгами в её комнате.

— Я слишком суров?

— Ты слишком мягок! Да, я знаю, ты изучил записи об учениках Зала Пилюль, можешь понять, когда тебе лапшу на уши вешают, — её собственные лисьи уши дёрнулись пару раз, — а когда нет. Только что с того? Эти ученики всё равно нужны лишь чтобы у прихвостней Ори-тилла пупок развязался отслеживать всех, кто ходит в наш дом. Или ты собираешься им чего-то серьёзное поручать? Нет? Я так и думала. А почему же ты позволяешь разжалобить себя тем, кто кажется достойным? Я бы вот покупалась только на смазливые, заплаканные мордашки девушек. Тогда бы ищейки подумали — да этот Вален просто похотливый подонок, который хочет затащить кого-нибудь в постель. Напоследок. И расслабились бы! А теперь подумают — да он что-то замышляет, ему нужны люди. И будут глядеть в оба глаза.

— А ты бы что подумала, если б я покупался на смазливые мордашки?

— Вален, милый, мы вместе уже не первый день. Я-то знаю, что смазливой мордашкой тебя не пронять. Или, если взглянуть на вещи с другой стороны, слишком ты подозрителен, и женщину к себе подпустишь не раньше, чем она тебе пару раз жизнь спасёт. Я бы подумала, что ты просто следуешь своему замыслу наилучшим образом.

Вален усмехнулся:

— А за репутацию мою уже не боишься, Люме?

— Поздно за неё бояться! — она всплеснула руками. — Я боюсь за тебя самого. Потому что твоя репутация твоему настоящему характеру не подходит!

Вален посмотрел на неё с вопросительным видом.

Люме отложила книгу в сторону, пригладила волосы, глянула на него в ответ.

— Можно я начну чуточку издалека?

Вален кивнул. Люме продолжила:

— Я, как гуай лисей природы, знаешь ли, кое-что понимаю в дурной репутации. Мне самой повезло, я выросла в роду, обладающем богатством и властью, моя мать и дяди с тётями меня любили, да ещё я всегда была сильнее своих однолеток. Только придя в Секту Шести Печатей наслушалась того, что некоторые про нас думают, — она коснулась длинных ушей кончиками пальцев.

— К тому же, я женщина. Многим мужчинам неважно, что перед ними чудовище, если у чудовища большие сиськи, — её пальцы сместились вниз, подчеркнув своим движением размеры упомянутой части тела. — Но, всё-таки, хоть мне, скажу снова, повезло, я на своём опыте немного почувствовала, каково это, жить, когда тебя считают в лучшем случае коварной шлюхой, а в худшем зверем, который только притворяется гуаем. По временам было вправду

тяжело, и тогда я читала наставления предков-лис. Мне запомнились слова старейшины Призрачное Пламя. Если память меня не подводит, он говорил так...

Обычная речь сменилась размеренной декламацией:

— Когда весь мир считает тебя чудовищным дьяволом, может показаться, что лёгкий путь — вправду стать им. Отнюдь нет! Такой путь лёгок лишь для тех, чьё сердце лежит к нему изначально, для тех, кто в глубине души любит есть людское мясо и запивать слезами, для тех, кто желает найти удобное оправдание собственной жестокости. Но такие не станут читать мои наставления. Если же сердце гуая в своей основе праведно и стремится к добродетели, преклоняясь ко злу лишь по слабости и под весом обстоятельств, то такой путь не принесёт ему ничего, кроме горя и одиночества.

Люме развела руками:

— Ты недоверчив, замкнут, можешь быть беспощадным, иногда даже бесчувственным. В тебе есть сильный гнев, хоть ты пытаешься его скрывать. Но сердце у тебя доброе. Как я сегодня убедилась снова. Так что же ты не жалеешь своей репутации? Практик с добрым сердцем и дурной славой — это практик, который от путей добродетели и злодейства взял худшее!

— А злобное сердце и добрая слава — это, значит, взять лучшее?

— Вот не знаю, — она пожала плечами. — Помнишь покойного Онуота? Его обман и притворство кончились для него не то чтобы хорошо. Я так думаю, действительно злой практик, долго обманывающий всех вокруг, рано или поздно сорвётся. Привыкнет считать себя единственным умным существом и не устоит перед искушением. Искушением сорвать большой куш, например. Или искушением поглумиться над своими жертвами. Или всё сразу. Может если бы мы жили недолго, дела обстояли бы иначе. Но просто ли носить маску лет, хотя бы, сто?

Вален пожал плечами в ответ:

— Твои наставления звучат, конечно, очень разумно. Уж не знаю, доброе ли у меня сердце, зато знаю, что поначалу, когда только очнулся после потери памяти, я хотел сберечь хотя бы доброе имя. Но увы. Было поздно. Теперь остаётся лишь хитростью извлечь все выгоды, какие можно извлечь, прежде чем мы сбежим отсюда. Думаю, что если я когда-нибудь потом и вернусь в Секту Шести Печатей, то вернусь как могущественный старейшина. Тогда моя репутация во времена ученичества будет уже не важна.

Но слова девушки заставили его задуматься. В частности, над тем, кто это опять пытается оттолкнуть его от Люме, представить их связь как слабость. Похоже, что не стоит слишком откладывать визит вовнутрь собственной головы.

Но кто знает, как там пойдут дела. Возможно, его выведет из строя на день или дольше. Так что, сперва, надо разобраться со всем этим коммерческим предприятием. И ещё одним делом, связанным с Залом Пилюль.

То, что Лерия не стала мешать его схеме обогащения, было хорошим знаком. Но очень незначительным хорошим знаком. Такое крохотное одолжение никак не мешает зловещим замыслам, если она их питает.

Валену понадобилось не один день изучать тяжёлые тома, в которых описывались разнообразные варианты пилюль и нескончаемые множества ингредиентов, прежде чем он составил минимально надёжный план проверки её истинного отношения.

Кстати, а почему тяжёлые тома, а не лёгкие нефритовые таблички? По той же причине, по которой Вален решил пользоваться записанными на духовный нефрит техниками лишь в самом крайнем случае. У слов на бумаге есть большое достоинство — они не передают мысли, чувства и понимание практика. Только знания, изложенные так, чтобы мог понять любой, обладающий достаточным интеллектом. Потому избежать заражения разума чужими идеями, решениями и предубеждениями пользуясь печатным словом неизмеримо проще, чем переда-

вая образы себе прямо в мозг. В случае алхимических рецептов и образов всяких там редких трав опасность меньше, чем с техниками, но всё равно существенна.

В эти дни Вален нередко появлялся в Зале Пилюль. Брал почитать книги и выполнил пару определённых покупок. И не раз вспоминал слова Люме, замечая на себе ненавидящие взгляды. Впрочем, если бы ему предложили заново выбрать между простым безразличием всех этих учеников и получением выгоды ценой их ненависти, он бы ещё раз выбрал второе. Не моргнув и глазом. Люме сама слишком добрая и честная, вот и о нём судит по себе. А чем для неё закончилась бы попытка жить по чужим правилам, если бы не повезло встретиться с ним? Гибелью, причём вместе со всей семьёй.

Но надо признаться — если мысли без конца возвращаются к тому разговору с ней, значит, какую-то струну в душе она всё же зацепила.

Вален как раз думал об этом, когда один из служителей Зала приказал ему явиться в кабинет Хранительницы.

Лерия сидела за столом, положив подбородок на скрещенные руки. Она смотрелась всё так же роскошно, хотя теперь её красота уже не оказывала на Валена прежнего, почти гипнотического эффекта.

— Младший приветствует старшую. Чем обязан приглашением?

Лерия поглядела на дверь позади Валена, видимо, проверяя, надёжно ли она задвинута. Ведь если останется хоть щёлка, то заклинание звукоизоляции не заработает.

— А ты угадай, младший Вален.

Когда он ответил лишь искренне-недоумевающим взглядом, она недобро улыбнулась:

— О, ты, как я погляжу, из тех мальчиков, которые любят изображать невинность до самого последнего момента. Тебе это не идёт.

Она выложила на стол нефритовую табличку:

— Записи значимых покупок в Зале за три прошедших дня. Вален, милый мой, ты вправду думал, что если разбить покупки нужных тебе ингредиентов на части и смешать с ингредиентами ненужными, то никто не догадается, какие пилюли ты хочешь сделать?

— Прошу уважаемую Хранительницу просветить меня — какие же пилюли я хочу сделать.

— Не ломайся. Я же говорю, такое тебе не идёт, — Лерия постучала ногтем по табличке. — Позавчера среди твоих покупок была чешуя шестиногого хамелеона. Сегодня — эссенция призрачных маков. И то, и другое — типичные компоненты для пилюли Заметания Следа. Нет, не надо отговариваться. Ты здесь вообще-то, не на допросе. Но это здесь. Вален, ты уже не маленький. Думаю, ты догадываешься, что Наставник Оритилл поручил мне внимательно следить за твоими покупками и хочешь проверить, как я отреагирую на попытку запастись ингредиентами пилюль побега. Думаю, если бы я не вызвала тебя для этого разговора, ты бы счёл меня его верной прислужницей.

— Склоняюсь перед мудростью старшей, — Вален и вправду чуть поклонился. — И приношу извинения. Но... вы не рискуете сейчас? С этим предупреждением?

— Рискую, но не слишком сильно. Просто на будущее придумай... более элегантный способ запастись подобными ингредиентами. Я тебе и не враг, но и не настолько друг, чтобы напрямую потворствовать твоим схемам. Ты сбежишь, а мне в Секте Шести Печатей ещё жить. Ты у нас умный юноша, я верю, ты сможешь что-нибудь сообразить. Да, кстати, ищейки, которые ходят за тобой по пятам, не смогут переступить порог Зала Пилюль, не вылетев из своих техник сокрытия. Но об этом ты ведь и сам догадался, не так ли?

Выйдя из кабинета Хранительницы, Вален потёр подбородок, сохраняя задумчивый вид, словно и не испытывал никакого душевного подъёма. А на самом деле ему хотелось улыбнуться.

Он действительно проверял Лерию, только вот его подозрения были гораздо мрачнее, чем она предположила. Вален не раз думал о том, что у ссоры Лерии с Арамой может быть не двойное, а тройное дно. На вид посторонних — глубокая ссора, если копнуть — незначительная женская размолвка... Но что если под этими слоями Лерия прячет смертельную вражду? Ведь как автор покушения на арене она выглядит слишком идеально. Опытный алхимик, у которой может быть мотив. Лерия легче всех могла втайне изготовить пару редких пилюль и своевременно подсунуть их кому надо. А сведения о состоянии Арамы к ней, с учётом её положения и связей, могли попасть кучей разных способов — не настолько страшный секрет.

Но если бы Лерия вправду испытывала к Араме глубокую ненависть, распространяющуюся не только на её сына, но и всех, кто связан с её сыном, сейчас ей больше не было нужды так тщательно притворяться. Как там сказала Люме, сложно носить маску без конца? Лерия, будь она виновной, либо просто донесла бы обо всём Оритиллу, либо предложила бы Валену помощь в приготовлениях к побегу из секты, только чтобы сдать его с потрохами в критический момент. Скорее второе.

Но ничего такого она не сделала. Значит, из краткого списка подозреваемых её можно вычеркнуть.

Глава 7. Ненормальный Вален.

За время странствий по владениям Секты Шести Печатей, Вален не раз пытался воссоздать условия для тренировок в грёзах. Результаты оказались нулевыми. Кантос этого не одобрял, считал слишком рискованным, но кое-каких советов всё же подкинул. По его мнению, секретным ингредиентом могло быть наличие во внутреннем мире противостоящей практику действительно независимой воли. Без неё грёзы неминуемо скатывались, ну... в грёзы. Место, где сбываются потаённые желания, а не место, где можно закалить себя. Вероятно, старейшины, которые с помощью всего лишь особой медитации могли вообразить целый мир, не любили этот способ из-за нежелания впускать такую волю себе в голову. Добровольно отказываться от почти непробиваемой ментальной защиты, создаваемой их духовной энергией. Вернувшись в Секту Шести Печатей и поговорив с отцом, Кантос подтвердил, что всё действительно так.

Но Валену не приходилось сравнивать тут риски и выгоды: чужая воля и так сидела в голове, её оттуда не выкинуть. Если с худом ничего не поделать, остаётся извлечь из него хоть сколько-нибудь добра.

Кантос снова был против:

— Послушай, Вален, — как-то сказал он. — Я тебе говорил, что даже хороший человек или гуай может зайти на тёмный путь, если желает стать сильнее и оттого берётся за средства, которых лучше и пальцем не трогать? Говорил. Метка Печати Зеффара — это, чтоб меня сожрали, не простое тёмное искусство, которое потихоньку развращает душу по сути своей. У неё есть подобие разума. Определённая хитрость. До сих пор ты поступал правильно, посылая её подальше на каждом шагу. А сейчас хочешь сам дать ей шанс?

— Секта Шести Печатей пользуется же Печатами Зеффара, — этот ответ Вален дал с умыслом.

— И зря! — Кантос вдруг осёкся, словно сболтнул лишнего. На миг Валену показалось, что на лице учителя промелькнула слабая тень испуга, которую он раньше не видел никогда.

Промелькнула ненадолго:

— Печать Печати рознь. Только Личина сама запускает когти в душу носителя. Думаешь, до тебя никто не пробовал с ней общаться? Кончалось всегда плохо.

— Но я не собираюсь с ней общаться, или что-то у неё просить, — пожал плечами Вален.

А ведь соблазн сделать это был велик. То, что у Кантоса вырвалось сейчас, странные слова Ваннана перед сражением со Стражем и просто впитываемые Валеном знания о том, как работают некоторые виды волшебства практиков — если всё это сложить, то возникали очень неприятные мысли. Так и хотелось воспользоваться случаем, проверить подозрения у самой Печати Зеффара, пусть у него и был лишь её осколок, метка.

Но делать этого было нельзя. Печать, конечно, соврёт. Даже если технически скажет правду, то расставит акценты таким образом, чтобы привести Валена к неверным выводам и повергнуть в отчаяние. Воспользуется недостатком информации и заполнит пробелы наихудшим образом. Вернёт ему его собственные подозрения, дополнительно приукрасив.

Почему, кстати, Вален всегда был убеждён в этом и с ходу отвергал любые слова Печати? На то имелись четыре причины. Во-первых, никогда нельзя доверять тому, кто «совместную жизнь» начал с атаки, попытки подавить его волю грубой силой. Во-вторых, метка Печати — это крохотный, но осколок Зеффара, а Зеффар был живым воплощением тёмного пути, если слово «жизнь» применимо к такому существу. Он попытался сожрать всё и всех. Если волк настолько ослабел, что вынужден натягивать овечью шкуру и блеять, это ещё не значит, что он стал травоядным. В-третьих, даже если бы не было первых двух пунктов, конфликт между

двумя волями в единственном теле никогда не был бы разрешен мирно. Ведь контролировать тело может лишь одна. К тому же, состязание очень неравно. Валену не под силу раздавить, поглотить или подчинить фрагмент Печати Зеффара, такое не удавалось ещё ни одному практику. А Печати Личины под силу постепенно разесть его разум и захватить контроль. Потому любой компромисс, любая сделка будет приближать её победу.

Ну и четвёртая причина состояла в том, что Печать при первой встрече лицом к лицу попыталась подделать его самого. Это лишний раз доказало враждебные намерения, и просто вызвало крайний гнев.

В общем, Вален дорого бы дал, чтобы не видеть эту тварь никогда больше. Вот только чем усерднее он тренировался, тем острее понимал, что ему не хватает времени. Угроза гибели может встать перед ним в любой момент.

К счастью, пока Оритилл и его сторонники завязли в сложных, многосторонних переговорах. Насколько было понятно из общеизвестной информации и того, что сообщал Кантос. Альянс четырёх сект желал прошупать воду, прежде чем решаться на действия, которые невозможно будет просто откатить, если что-то пройдёт не так. В конце концов, истинного настроения Досточтимого Юбериса никто не знал. Его видимая пассивность могла оказаться западней. Так что альянс стремился проверить надёжность союзников и получить конкретные обещания поддержки от церкви Древних Божеств, разозлённой убийством гостей в пределах их монастыря. Секта Шести Печатей пользовалась этим, пыталась внести раскол во вражеские ряды и привлечь к себе значимые малые секты, винящие альянс четырёх в смерти своих учеников. Обе стороны обращались к могущественным силам за пределами Перерождающегося Континента — Стальной Империи, Храму Восточного Неба. В общем, шкура Валена оставалась картой, которую слишком рано разыгрывать, пока положение Секты Шести Печатей не выяснится со всей определённой. Когда даже не ясно предъявят ли Секте суровый ультиматум, или удастся добиться посредничества третьей стороны.

Так что топор казался зависшим в воздухе над шеей Валена. Но расслабляться нельзя. Старейшины, прожившие лет по двести, могут быть медлительны и осторожны, но рано или поздно к чему-то они придут. И Оритилл в любое время может решить: политические игры не стоят свеч, надо просто избавиться от опасного архидемона. Совсем не показывать видимых признаков развития, чтобы не навлекать его подозрений — нереально. Значит надо развиваться быстрее, чем он считает возможным. При этом создавать впечатление поспешной культивации, стоящей на непрочной основе. Например, с явным перекосом в алхимию. Успехи в этой области будет нереально скрыть совсем. И при этом необходимо реально достигать намного большего, чем типичный ученик на том же этапе.

Но у Валена лишь убогие семь звёзд потенциала меридианов. Как достигнуть экстраординарных результатов ординарными методами, да притом сделать это незаметно?

Никак.

Единственный выход — методы тренировки, о которых старейшины даже не думают. Например, бросить вызов Печати Личины во внутреннем пространстве своих грёз.

Вален уже успел убедиться, что встретиться с ней лицом к лицу не слишком просто. Обычной медитацией её не вызвать, в снах она не появляется. Но вот если довести себя до абсолютного физического изнеможения тренировками, а потом пропустить через своё тело сильный разряд духовной энергии, повторяя большинство условий их первой встречи... На этот раз в собственной комнате, под присмотром Кантоса.

Расчёт сработал. Когда в голове прояснилось, Вален обнаружил, что стоит на выжженной земле, под затянутым тяжёлыми тучами небом. В прошлом здесь, наверное, был лес, но теперь от деревьев остались лишь обгорелые пеньки. Воздух вонял гарью и чем-то незнакомым, но мерзким, вызывавшим ассоциации с алхимической лабораторией.

Двойник, появившийся прямо перед ним, снова был одет в странную одежду: куртку и штаны цвета грязи, с тёмными и светлыми пятнами-разводами. Он ухмыльнулся:

— Я знал, что ты явишься ко мне, как только тебя действительно прижмёт. Ну что... ой!

Он успел отскочить, так что пинок Валена не выбил ему колено. Но всё же, для человека полученный им удар должен был быть довольно болезненным.

— Ты что твори...

Вален взмахнул руками — и рядом с ним возникли два летающих меча. А третий появился в руке. Повинуясь его жесту, летающие мечи устремились на двойника. Но в последний миг, тот поднял руку ладонью вверх — и рядом с ним тоже возникли летающие мечи, отразившие мечи Валена. Как и предполагалось по прежнему опыту, двойник мог имитировать его текущие способности.

— Ты рехнулся?

— Нет. Просто подумал — ты столько раз говорил, будто ты — это я. Значит, боль ты тоже можешь чувствовать? Похоже, что да.

— Чокнутый ублюдок! Решил использовать меня как тренировочную куклу! Меня!

Вместе с криком двойника по воздуху поползли незримые волны. Летающие мечи и меч в руках Валена заколебались, словно отражения на поверхности воды. Но на этот раз Вален был готов к попытке изменить правила игры, ограничить возможное в пространстве грёз. И на этот раз пространство грёз не было создано из многих разумов заклинанием Кантоса, а существовало лишь в его собственной голове. Вален сконцентрировался, сфокусировал ум на желаемом образе себя — и незримые волны тотчас улеглись. А летающие мечи сорвались с места, устремившись к двойнику. Тот еле успел защититься своим клинком. Остриё не до конца отбитого клинка распорол ему рукав и кожу.

— Попробуй этот фокус снова. Выйдет неплохая тренировка моей воли.

Двойник зарычал. В его руке появился меч, точная копия меча Валена и он прыгнул вперёд. Клинки столкнулись, выбив снопы искр. Летающие мечи двойника попытались зайти на Валена с боков, чтобы пронзить его. На этот раз уже Вален заблокировал их своими собственными — и обнаружил, что это весьма ненадёжный приём. Завертевшийся в воздухе клинок распорол ему спину. Да, Кантос был прав, говоря, что меч в полёте лучше не использовать для защиты.

Вален закрутил меч противника, навалился, пытаясь перейти в ближний бой, но тот успел отступить, сперва шагнул назад, а затем и вовсе прыгнул на дюжину шагов.

— Ненормальный!

— Правда? Не ты ли говорил, что хочешь дать мне силу, во имя нашего общего выживания? Смотри, у тебя есть отличная возможность!

Вален вновь послал летающие мечи на врага, вот только эта атака была отвлекающей. В следующий миг он сорвался с места Лёгким Шагом, чтобы появиться за плечом двойника и нацелить в него чудовищный по силе удар. Тот сам применил Лёгкий Шаг, возник за спиной Валена — но тот предугадал его контратаку и успел обернуться. Мечи снова столкнулись с оглушительным звоном. Теперь уже двойник подался вперёд, связывая клинок Валена, попытался ударить свободной рукой, окружив кулак незримой оболочкой из воли и духовной энергии. Вален ответил зеркально. Волны невидимой силы разметали пыль и мусор. Оба противника отлетели на дюжину шагов и покатались по земле, выплёвывая кровь. Хорошо, что здесь, в грёзах, ранения залечиваются сами собой, пока их не слишком много и они не слишком тяжёлы.

— Погоди! Ты не понимаешь...

Летающий меч, пробивший горло двойника, послужил самым эффективным «заткнись».

— Давай уже, восстанавливайся. Так легко ты от меня не отделаешься.

Вален не имел понятия, сколько субъективного времени прошло здесь, и сколько реального, во внешнем мире. Он знал лишь, что дошёл до контроля четырёх летающих мечей одновременно. И что его силы на пределе. Он упал на одно колено. Остатков энергии едва хватало, чтобы не упасть совсем. Двойнику тоже досталось — его одежда, незаметно обратившаяся в синий халат, точь в точь как у самого Валена, давно сделалась кровавыми лохмотьями. Но он ещё мог стоять на ногах.

— Понял теперь, в чём разница между нами? Ты — наполовину изнеженный мальчишка. Ты путаешь отмороженность и готовность нападать без предупреждения с внутренним стержнем. А здесь сила определяется внутренним стержнем и волей. Мои закалены...

Вален звучно сплюнул накопившуюся во рту слюну:

— Хах. Не носи ерунды, Зеффар. Твоя сила здесь — отражение моей. Но ты можешь использовать её полнее, потому, что ты беспощаднее к своему воплощению, — Вален заскрипел зубами, с усилием поднимаясь на ноги, принимая боевую стойку. Упавшие на землю мечи снова поднялись в воздух. — Спасибо за урок.

— Да что с тобой вообще такое! — заорал двойник и бросился вперёд, замахаясь для рубящего удара.

Теперь сражение ни секунды не напоминало элегантный танец сверкающих клинков и стремительных перемещений. Вален и двойник раз за разом отсекали друг друга конечности, протыкали друг друга летающими мечами, наносили чудовищные удары, отправляющие противника в полёт. Такое было возможно лишь в грёзах, в реальности никакие исцеляющие пилюли и техники не справились бы с таким потоком ранений. Умом Вален понимал, что продолжать бой теперь бесполезно и даже может создать губительные привычки. Но его сердце требовало бороться до предела.

— Ты сожжёшь себе мозг! — выплюнул двойник в тот момент, когда они рухнули на промокшую от крови землю в паре шагов друг от друга, лишившись своих левых ног. Тело его казалось полупрозрачным. Вален глянул на свою руку — то же было и с ним самим.

— Какой надрыв! Значит, это опасно и для тебя.

— Вправду надоело жить? Не верю!

— Хочешь проверить?

— А как же гуаи, с которыми ты связался? Как же твоя лиса? Готов их бросить?

— Пока я слаб — я лишь гиря, которая тянет их всех на дно. Так же, как вышло с матерью! Если я не приобрету силу — лучше мне сдохнуть!

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Восстановление теперь тоже занимало всё больше времени.

— Да что ты от меня хочешь, безумец? — воскликнул двойник наконец. — Ты сам не пользуешься силой и знаниями, которые я пытался тебе давать!

— Заканчивай блокировать воспоминания старого меня! И сиди тише воды, ниже травы! Запомни раз и навсегда — мне моя жизнь дорога лишь пока живы те, кто мне дорог. Толкнёшь меня под руку, чтобы погубить их — сдохнешь сам!

В обычной ситуации Вален никогда не сказал бы этого. Да что там, это даже не оформилось бы как осознанная, искренняя мысль. Когда он планировал заход в грёзы он подумывал о том, чтобы давить на Печать Личины подобным образом, но решил, что не сможет блефовать достаточно убедительно. Помогло лишь сочетание крайнего умственного напряжения и места, где на поверхность лезло скрытое в душе.

Двойник заскрипел зубами, прежде чем выплюнуть:

— Ладно, твоя взяла! Возвращайся! Смотри, твоё психическое воплощение уже почти распадается!

Вален не удивился, когда открыв глаза увидел перед собой Кантоса, сидящего с весьма тревожным видом. Зато удивился тому, с какой скоростью Кантос ринулся запихивать ему в глотку успокаивающие пилюли, едва заметил, что он шевелится.

Это было последней мыслью Валена. В прошлый раз боль в голове после возвращения из грёз была такой, что он потерял сознание. Теперь же она оказалась такой, что он даже отключиться сразу не смог. Словно каждый нерв и меридиан заменили на раскалённую проволоку. Наверное, такие мучения испытывают души грешников, когда проходят испытания Хозяина Чистилищ. После такого не то что забвение перевоплощения, но и небытие покажется желанным.

Да и очнувшись Вален почувствовал себя так, словно с него кожу содрали. Медитация не помогала. Помогли лишь пилюли, погрузившие его в мутное полузабытие. Он отлёживался четыре дня. И только на второй узнал, что провёл в перед этим в грёзах целых три.

— Уж не знаю, смог ли ты там развить свои умения, — сказал Кантос. — Но проверяй их с большой осторожностью.

— Лучше в гроте исцеления, — ответил Вален. — И шпионы не подсмострят, и откачивать меня будет легче, если что.

— Сдаюсь! — воскликнул Наттар, когда острия сразу четырёх висящих в воздухе мечей припёрли его к стене грота.

— Надеюсь сдаёшься сейчас, а не вообще, — хмыкнул Кантос. — Вален, ты как?

Вален потёр лоб. В голове ломило, но не слишком сильно.

— Куда лучше, чем боялся.

Глава 8. Двойная и тройная игра.

Пока Вален валялся в полубессознательном состоянии, Люме отвлеклась от своей собственной культивации и экспериментов в области создания сокровищ, чтобы сидеть с ним. Лишь вечером, когда он уснул более-менее здоровым сном, лиса перебралась на кухню. Заварила себе чай, безо всяких сухих фруктов и ароматных трав, которые нравились Валену, зато десятерной крепости — из особого сорта, росшего в богатой энергией неба и земли долине. Прошедшие четыре дня подействовали на неё слишком сильно. Она не находила себе места, пока Вален опять рисковал жизнью.

Мать учила её, что внешность станет её важнейшим преимуществом, если она научится вызывать чувства в мужчинах, сохраняя при этом холодную голову. Она благословлена внешностью, отклоняющейся от идеала красоты ровно настолько, чтобы ни у кого не возникало мысли «а как она выглядела до первого прорыва?» Если правильно разыграть свои карты, использовать контраст между репутацией распутства, окружающей гуаев-лис и поведением недотроги, то можно будет...

Да что уж теперь думать, если вышло строго наоборот. Она сама втрескалась в Валена прямо по лисьи уши, а он за время, проведённое с ней, ещё не продемонстрировал ни капельки чувств. Зеффаров сухарь, рисковать жизнью и разумом, не спросив её и даже не заверив, что всё будет в порядке!

Хотя Люме уже достигла трёх цветов, и её чувства снова стали острее, она настолько углубилась в собственные мысли, что не заметила, как на кухню вошёл Кантос. Пока тот не начал задвигать за собой дверь. А заметив, чуть не расплескала чай. Спасла только фантастическая ловкость.

— Ай-яй, — старший гуай покачал головой. — Если бы на моём месте был убийца, сейчас ты уже лишилась бы головы, а твоё духовное ядро он отчищал бы от крови, прежде чем спрятать. Садись, поговорить надо.

Тон Кантоса не подразумевал возможности отказаться от разговора. Как и выражение его лица и осанка, и запах — Люме теперь замечала ещё больше мелких деталей, чем на формировании чувств. Так что она без споров села за стол. Поставила чашку перед собой.

— Вам тоже налить, старший?

— Если только вина. Послушай, Люме. Если я хоть немного врубаюсь в то, как думают наши дорогие Наставники, то очень скоро к тебе и Наттару подкатит кто-нибудь с предложением шпионить за Валеном и доносить о всём, что происходит в этом доме. Или уже? Нет? Хорошо. Так вот, ты откажись. Вежливо, но чётко.

— Но почему? Я могла бы согласиться и кормить их ложью.

Кантос фыркнул:

— Вален тоже думает, что обман стоит поручить тебе. Но, если по-моему, это он думает не той головой.

— Неужто вы не доверяете мне потому, что я лиса? Или потому, что я женщина?

— Пфффф. Себя саму послушай. Вон как заговорила, чуть что не по тебе. Вправду думаешь, что сможешь с матёрым Наставником в игры играть?

— Я просто беспокоюсь сейчас! И уже не первый день... — голос Люме утих, она сама поняла, что её оправдания звучат жалко.

— К тому же, лисе и женщине такое вправду поручать не стоит. Знаешь почему? Потому, что я смотрю на женщин свысока? Ничего подобного. Потому, что от тебя будут ждать хитростей, коварства и тройной игры. Предателям и предательницам вообще не доверяют. Как ни

странно. Но порой могут про недоверие и забыть. Если считают предателя наивным простаком, с одной извилиной в голове.

— Наттар — гуай-аспид, их тоже полагают коварными по природе.

— Он на три года младше тебя. Наши враги могут расспросить его прежних товарищей по классу и узнать, что его считали сильным, но тупым. Наконец он — парень.

— Старший Кантос, не низко ли считать нас, женщин, коварными, когда вы сами провели столько учениц? Неужто ваша мать вас ничему не учила?

Кантос так выразительно помолчал секунду, что Люме поняла — она сболтнула лишнего. Сильно лишнего.

— Женщин мне обманывать ни разу не требовалось. А моя мать расплатилась мной за долги своего клана и кое-какие услуги. Я стал довеском к условленному сроку, который она провела у отца. Даже не помню её лица. И поверь, в роду Кас я навидался вещей куда похуже. Меня по крайней мере, не травили в детстве алхимической дрянью в надежде поднять талант, не пытались убить просто за то, что я не получил метку Печати, не науськивали на единокровных братьев из-за каких-то женских ссор двадцатилетней давности.

— Прошу прощения, старший, — Люме поспешно поклонилась. — Я не знала...

— Но сказала. Почему? Потому, что не хотела проигрывать спор. Ещё одна причина, по которой не тебе обманывать старых монстров.

— А мальчишке Наттару, значит, обманывать? — хоть Люме и сгорала от стыда — а может именно поэтому — ей овладел гнев.

Кантос усмехнулся:

— Голова у него, конечно, варит не слишком быстро. С воображением плохо, это даже освоению техник мешает. Если бы ему пришлось самому придумывать ложь, то его вмиг раскусили бы. Подловив на запинках и противоречиях. К счастью, за него придумаем мы. А вот соврать он может не моргнув глазом, не пропустив удара сердца. Точнее нет. Не соврать. Сказать то, что считает правильным. Даже если это неправда. В общем, сама скоро убедишься.

Люме заявила Кантосу, что согласна с его позицией, прежде чем вернулась в свою комнату. Но в душе она всё ещё сомневалась. Некоторое время ходила из угла в угол. Наконец, решила погадать на картах. Прояснить себе если не будущее, то свои собственные мысли.

Люме хранила в пространственном кольце прихваченную из дома колоду, из глянцевого картона, расписанную яркими красками. Обычная колода, с четырьмя традиционными мастями — люди, гуаи, звери и демоны. Ровно ничего волшебного. Значения, приписываемые картам шарлатанами, для настоящих практиков были просто средством взглянуть на запутанную ситуацию с новой стороны.

Люме нашла карту, представляющую себя. Теперь это — тройка гуаев, три цвета. Кинула её на тумбочку. Не глядя перетасовала колоду, сняла сверху одну карту и положила её поверх собственной, перетасовала снова, сняла другую. Быстрыми движениями руки, перевернула снятые карты рубашками вниз.

Поверх её личной карты — извивающийся в нечестивой пляске Одержимый, младшая из фигур демонической масти. Поверх него — свился кольцом на картоне Бескрылый Дракон, вторая по старшинству фигура масти звериной. Хмммм. Одержимый — это, среди прочего, символ хитрости, обмана и предательства. Непримиримого врага, скрывающегося под маской дружбы. Все карты демонов имели негативные значения. А она сейчас использует простое гадание, без возможной инверсии, если карта выпадет перевёрнутой. Идём дальше. Бескрылый Дракон... возможно, это просто Наттар? Нет, просто Наттара обозначила бы двойка гуаев. Бескрылый Дракон — это символ могущества, особенно грубой силы и счастья, особенно слепой удачи. Что получается в итоге? Хитрость и обман довлеют над ней, но они не устоят перед силой и везением? Или, ей не стоит полагаться в делах на хитрость, так как ей

будут благоприятствовать методы простые и прямолинейные? Или, ей не стоит пытаться обманывать могущественного баловня судьбы?

Похоже, что карты — и скрытые течения её сердца через них — в целом соглашались с Кантосом.

Люме фыркнула, замешала три карты обратно в колоду и выложила вместо них двойку людей. Не погадать ли на Валена?

Как и всякая женщина, гадающая на любимого человека, Люме хотела бы знать, чем и кем занято его сердце. Но на этот раз расклад вышел вообще странным. Повелитель Душ на чёрном троне, вторая по старшинству фигура демонов, а над ней — семёрка людей. Не притянешь ни к «любит — не любит», ни к ожидающим их испытаниям. Знак борьбы между добром и злом в его сердце? В которой добро побеждает? Нет, в этом случае демоническая карта была бы равна по значению или ниже.

Люме фыркнула снова, и убрала колоду. Ладно, никто и не обещал откровений. Остановимся на том, что ей и вправду лучше отказаться от роли лже-предателя.

Наттар выходил в секту довольно часто. Вален считал, что вероятность покушения на него крайне незначительна. Затаившийся враг не станет размениваться на второстепенную цель, когда это насторожит самого Валена. Вдобавок, если догадки верны, то ресурсы врага куда меньше, чем можно подумать.

В общем, ничто не мешало паре старших учеников в жёлтых халатах перехватить Наттара в уединённом проходе и предложить отойти в сторонку. А Наттару ничто не мешало последовать за ними — он ведь заранее ожидал чего-то подобного, благодаря сделанным ему предупреждениям.

Но ни Вален, ни Кантос, не ожидали, что когда Наттара препроводят в уединённый и давно заброшенный грот, он обнаружит там самого Наставника Оритилла, стоящего с равнодушным видом, сложив руки за спиной.

— Младший приветствует старшего! — незамедлительно воскликнул Наттар, согнувшись в поясном поклоне и накрыв ладонью кулак.

— И старший видит младшего, — спокойно ответил Оритилл. Лишь благодаря отточенному столетиями самоконтролю он не поморщился. Ощущения от громкого возгласа в маленьком гроте были такие, словно ему сверлили уши ржавыми свёрлами.

Впрочем, не привыкать.

— Мои доверенные потомки пригласили тебя сюда, так как я хотел бы объяснить тебе лично определённые важные вещи, которых ты, учитывая твой возраст и недостаток опыта, можешь не осознавать.

Наттар кивнул, показывая, что он слушает и Оритилл продолжил негромким, ровным голосом:

— Пару лет назад, Вален Вен благородно спас твою культивацию и твоё будущее, добыв для тебя пилюлю Небесного Равновесия у Хранительницы Лерии. Сколько я знаю, он упорно уговаривал Хранительницу, которая не хотела продавать пилюлю из-за своего разлада с Арамой Вен, и взял лично на себя половину от долга в шесть тысяч небесных нефритов. Так что теперь на тебе висит и денежный долг, признаваемый сектой, и долг благодарности.

Наставник еле слышно фыркнул:

— Я думаю, ты уже и сам потихоньку догадываешься, что перед тобой разыграли спектакль, в котором всё было фальшью, от начала и до конца. Начнём с того, что Наставница Арама и Хранительница Лерия лишь изображают ссору. Настоящая ссора между женщинами-практиками уровня старейшин выглядит совсем не так. Как самое меньшее, она включает в себя попытки опозорить друг друга перед всей сектой. Натравливание детей и учеников друг на друга. В действительности же, Арама и Лерия уже очень давно сговорились делать

вид, что между ними размолвка, чтобы Зал Пилюль мог сохранять видимость нейтралитета в политике Секты Шести Печатей. А два года назад этот сговор им пригодился, чтобы поймать тебя в сеть долга. Долгов.

Оритилл ожидал вопросов или возмущённого отрицания на этом этапе, но мальчишка просто настороженно смотрел на него. Неморгающий змеиный взгляд, сердцебиение ускоренное, но без резких изменений в конкретные моменты — не уловить ничего действительно полезного. К тому же мальчишка успел пройти формирование чувств... и прошёл его очень хорошо. Читать его эмоции, не говоря уж о мыслях, было не так-то просто. Пока он стоял на месте, без движения, сохраняя концентрацию, даже Уши Зеффара не могли ясно различить его внутренний голос. Оритилл продолжил:

— Так что если бы Арама Вен вправду хотела помочь тебе из сострадания к твоему тяжёлому положению, ничто не мешало ей оплатить пилюлю самой. Даже необходимость притворяться, что они с Лерией в ссоре — продажу можно было бы провести тайно. Но на деле она желала лишь связать тебя обязательствами перед своим сыном, чтобы у этого сына появился послушный и преданный телохранитель. Она выбрала тебя, вместо кого-то из более талантливых кандидатов в ученики потому, что ты был ещё очень молод и в своём классе пользовался репутацией гуая простоватого.

Сердце Наттара ненадолго забилось чаще, указывая на всплеск эмоций. Уши Зеффара немедленно уточнили характер всплеска — гнев. Ого. Мальчишка не любит, когда его считают тупым мальчишкой.

— Конечно, любой из нас поначалу прост, особенно если не рос в секте и не набирался опыта с раннего детства. Арама и Вален всё хорошо продумали, вплоть до того, что Вален взял на себя половину долга. Для наследника рода Вен три тысячи духовных нефритов — невеликий расход. А вот для тебя и оставшаяся половина будет неоплатной. Скажи, младший, сколько ты накопил за эти два с лишним года?

— Меньше десятка, — осторожно сказал Наттар.

— Вот видишь. Не спорю, если ты прорвёшься снова, достигнешь третьего и, тем более, четвёртого цвета, то три тысячи духовных нефритов станут для тебя подъёмной суммой, весьма значительной, но подъёмной. Но при условии, что ты сможешь выбирать для себя прибыльные занятия. А пока ты целиком привязан к Валену Вену, ему совсем несложно будет отрезать тебе доступ к таким занятиям. Потом, когда срок выплаты закончится, Вален легко расплатится за тебя. А ты станешь обязан ещё сильнее. Таков его замысел.

Мальчишка всё так же продолжал глядеть, как змея на сапог потревожившего её чело- века. Это уже раздражало.

— Ты можешь сказать себе: какая разница. Благодеяние есть благодеяние. Истинно добродетельный практик тепло принимает любую помощь и никогда не требует от других помогать ему, без ожидания выгоды в ответ. Но на самом деле разница есть, — Оритилл взмахнул двумя пальцами перед лицом Наттара. — Одно дело — купить чью-то помощь в открытую. Спасти практика в критической ситуации, в расчёте на то, что он станет подчинённым твоего рода. Так поступают многие. Другое дело — обманом плести паутину всё более тяжёлых обязательств, чтобы связать ею ничего не подозревающего и наивного ученика. Так приобретают не подчинённых, у подчинения которых всегда есть пределы и уж тем более не друзей, а марионеток, которые должны быть готовы без колебаний пожертвовать собой ради господина. Скажи, Вален или Арама хоть раз интересовались твоими собственными мыслями и желаниями? О твоей семье позаботились вообще? Или только перевезли её туда, где она будет окружена практиками, лояльными роду Вен?

Лицо Наттара оставалось бесстрастным, но вертикальные зрачки глаз самую малость сузились. И Оритилл мог слышать нарастающий в нём гнев. Похоже, что он попал в точку.

— Зачем же тебе, младший, калечить собственную судьбу, сохраняя верность таким людям? Не лучше ли принять моё покровительство и начать докладывать мне обо всём, что происходит в доме Арамы? По крайней мере, я буду с тобой честен.

Наттар чуть заметно потупил глаза. Это не укрылось от Наставника:

— Возможно, что Вален и его советчики из рода Кас, уже предвидели это моё предложение. Возможно и даже вероятно, они сказали тебе согласиться для виду, а на деле обманывать меня, передавая мне ложную информацию. Это снова доказывает: Вален тебе не друг. В ином случае, разве стал бы он навлекать лично на тебя мою вражду? Одно дело — отказать в сотрудничестве и помощи, сохранить верность прежним хозяевам, другое — обещать и обмануть. Второе любой старейшина будет помнить до гроба. Вероятно — гроба, в который положат обманщика. Младший, можешь ли ты взглянуть мне в глаза и сказать, что готов дальше прислуживать такому человеку?

Наттар и вправду взглянул Оритиллу в глаза. Прошло довольно много времени, прежде чем он ответил:

— Не могу.

Глава 9. Понимание и воля.

— А ещё, когда я смотрел ему в глаза, показалось, нуу, словно сердце вдруг застыло, не понял даже, миг прошёл или минута, — поделился Наттар с остальными. — Он не мог меня, там, заколдовать? В голову мне залезть?

— Если бы незаметно покопаться у практика в голове было как два пальца, то на свете давно не осталось бы путей кроме тёмного пути, — ответил Кантос. — Слишком многие старые уроды пользовались бы возможностью. А вот загипнотизировать и наложить какую-нибудь печать-маячок он легко мог. На первый взгляд всё чисто, но Наставник семи цветов — это тебе не мелочь пузатая. Сегодня я проверю твоё тело до последнего меридиана. Если найдётся что-то безобидное, просто для слежения, то мы, конечно, такую печать трогать не будем, до поры до времени.

— Ааааа... а прямо сейчас он не может нас слушать?

— Под формой дома Арамы, используя волшебство настолько слабое и скрытное, что сразу не разглядеть? Не думаю.

Наттар покивал. Потёр лоб:

— Может я зря беспокоюсь, нооооо... почтенный Наставник Оритилл мне показался, ну, глупым. В общем, не верится, что всё так просто.

— Пффхахаха, — Кантос чуть не разбрызгал вино из чашки, которую уже поднёс было к губам. — Эк ты его приложил. Но не волнуйся. Я думаю, что наш злодей в жёлтом халате всё проглотил и принял твои слова за чистую монету. Потому что он — злодей.

— Мы не в сказке, — заметил Вален.

— Вот именно. Это только в сказках злодеи хитроумны, проницательны и знают мир. А в жизни, всё ровно наоборот.

— Старший Кантос, а можно пояснить эту мысль? Поподробнее? — с искренним интересом спросила Люме.

— Охо-хо, — Кантос потёр щёки, опять заросшие щетиной. — Пояснить, говоришь. Как бы оно подойти-то... Слушайте: Наставница Арама однажды, когда я был моложе вашего, прочитала мне притчу из жизни Досточтимого Золотые Одежды. Если вкратце, без красивых и нудных слов, суть её такая: Досточтимый искал способа увидеть истину. Мир, как он есть. Без предубеждений, без иллюзий, которые туманят нам глаза. Однажды нашёл. Может, хорошая выпивка попалась. И найдя, целый день сидел столбом на циновке. Всё разглядывал чашку у себя в руке и руку, и стол и занавесь, и чем дольше смотрел, тем больше видел. А когда отошёл, сказал, что к истине его глаза и разум не готовы.

Кантос одним глотком допил своё вино и продолжил:

— Она, кажется, прочитала её, чтобы я не так жалел о своих выгоревших глазах. И это лишний раз доказывает основную мысль притчи: истина так сложна, что вместо неё каждый из нас создаёт у себя в голове её подобие. Оттого каждый слышит всё чуточку по-своему. Или не чуточку. Вот Оритилл услышал твои, Наттар, чувства и подумал, наверное, что успешно разжигает в тебе гнев против Валена. Ну а дальше быстренько дорисовал в голове всё, что ему хотелось. Вместо этого, он мог, конечно, проверить тебя тщательнее. Запутать все извилины длинным разговором и разобраться в том, что ты реально думаешь. Но не стал. Почему? А потому, что злодей. Что главное в злодее, настоящем таком, матёром злодее, а не мелком червяке, жрущем плоды просто от того, что хочет и может?

Кантос поднял указательный палец в жесте поучающего наставника:

— Главное — это полная уверенность в том, что он знает истину. Кстати, без разницы вообще, считает ли он себя защитником всего мира, или готов этот мир захватить, как только

отрастит хавальник по размеру. Вторым, поверьте моему опыту, ещё важнее думать, что уж они-то знают точно, как на этом свете всё устроено. Ну, а если практик возомнил себя знающим истину, разве будет он сомневаться, когда ему говорят то, что и должны сказать? Если он сводит мотивы людей и гуаев к самым низким и поганым, то разве сможет не поверить, что ты, Наттар, готов предать друзей и Наставницу ради спасения шкуры и местечка потеплее?

Вален вдруг усмехнулся. Когда Кантос направил на него невидящие ледяные глаза, пояснил:

— Но ведь и ты полностью уверен, что знаешь истину. Истинную натуру Наставника Оритилла, во всяком случае.

Кантос резко помрачнел:

— Да уж пришлось его натуру узнать. Но как — рассказать не могу. Эта тайна принадлежит не мне. Спрашивайте... спрашивайте весь совет Наставников, если уж так интересно. Разрешение на передачу ученикам вашего цвета и ранга секретов внутреннего круга может быть дано лишь по согласию большинства.

Кривая усмешка на его лице намекала, что скорее жареный петух закукарекает, чем такое согласие будет дано. А затем лицо стало каменным:

— Но чтобы самим не уподобляться Оритиллу, мы сочтём, что он догадывается о тройной игре и ложном предательстве. В идеале, тебе, Наттар, придётся напрямую соврать ему только один раз. Один, но решающий. Остальное время будешь говорить чистую правду, только не всю правду. Так что давайте думать, что можно рассказать без опаски. Я полагаю, что уж если он выполз обрабатывать Наттара, то о подготовке побега, — Кантос кивнул в сторону Валена, — он уже подозревает. Есть идеи, как ему всё подать, чтобы не вызвать желания просто закинуть вас всех в темницу?

Ущелье, в котором среди нагромождений валунов и растущих прямо на камнях деревьев тёк быстрый горный поток, выглядело красивым. С расстояния. Вблизи оно тоже так выглядело, но забредшим туда путникам моментально становилось не до красоты. Ущелье располагалось высоко в горах, недалеко от Секты Шести Печатей, поток энергии земли и небес в нём был силён и эта энергия успела пропитать обитавших здесь комаров. По живучести и скорости они теперь превосходили шершней. Каждый комар по отдельности не тянул на бессмертного зверя, но стоя без труда могла заесть насмерть любого человека или обычное животное с серым духовным ядром. Даже обладателям первого цвета ядра пришлось бы поспешно уносить ноги.

Сейчас голодные, крупные полосатые комары сплошным ковром покрывали тело Валена, уже добрый час сидевшего в позе лотоса на большом плоском камне. Но он не обращал на них никакого внимания. Конечно, эти твари, в отличие от обычных насекомых, могли прокусить его кожу. Даже когда он находился в сознании и циркулировал духовную энергию. Вот только невидимая оболочка в миллиметре над телом не давала им до кожи добраться.

Тренировка в мире грёз с двойником не только усовершенствовала боевые навыки Валена, но и сильно продвинула процесс формирования воли. Настолько сильно, что ему приходилось скрывать свой истинный уровень. Это было одной из причин, по которой он теперь сидел здесь.

Поддержание барьера воли, когда практик пребывает в спокойной неподвижности — самая простая часть его освоения. Тот, кто освоил лишь это, не может считаться достигнувшим завершённости стадии формирования воли. Более того, талантливый и перспективный практик обычно сразу начинает с обучения созданию барьера в движении — ведь именно так барьер придётся применять. Или вовсе пытается его создавать, когда его уже крутит, либо вот-вот скрутит чудовищная боль. Настоящая воля — это воля, способная оставаться непоколебимой и спокойной в любой ситуации, так? И завершённость её формирования — это способность

не просто выбрасывать духовную энергию взрывным образом, а обеспечивать равномерный поток, даже когда твоя шкура шкворчит на огне, верно?

Вален изначально был согласен с этими мыслями, которые изложил Кантос. А тренировку в комарином ущелье выбрал с двумя целями. Во-первых, показать соглядатаям, что его формирование воли идёт тяжело и до истинной завершённости осталось ещё долго. Во-вторых, это был хороший шанс продолжить культивацию техники Расцвета Разума.

Валена не устраивало его продвижение в этой области, замедленное разными переделками. Расцвет Разума оставался ключевым элементом его нынешнего и будущего развития как алхимика. Но пока он не зашёл дальше почти фотографической памяти и умения на ходу выполнять в уме сложные вычисления. А ему требовалась предполагаемая способность видеть закономерности. Лучше, чем их могли видеть обычные практики. Кроме того, Вален хотел освоить Расцвет Разума до степени, позволяющей применять его в критических ситуациях. Начальной точкой здесь будет использование техники, одновременно с поддержанием барьера воли.

До этого уровня он дошёл почти сразу. Но — возможно как раз потому, что Расцвет Разума уже оказывал некоторое полезное действие — он натолкнулся на ещё одну мысль во время сидения здесь.

Возможно ли, что обычные способы культивации барьера воли были попытками учить молодых практиков бегать, когда те и ходить-то толком не научились?

Валена могла навести на эту мысль и другая причина. Он обладал всего семью звёздами потенциала меридианов. С таким посредственным врождённым талантом немногие вообще становились практиками. Те, кто становился — обычно становился ими в малых сектах и провинциальных кланах, где отбор был менее жёстким, а наставления — более поверхностными. В общем, очень редки были такие ученики как Вален, которые постоянно и остро чувствовали нехватку у себя духовной энергии; при этом обладая достаточно гибким умом и обширным теоретическим фундаментом, чтобы задумываться о способах её экономии, обладая усидчивым, методичным подходом к культивации, позволявшим внимательно анализировать каждый свой шаг. Даже если у тебя над головой висит топор.

Неудивительно, что до Валена мало кто всерьёз думал о вопросах расхода духовной энергии на барьер воли. Тем более, что уже на следующей стадии, стадии внутреннего единства, практик начинал куда меньше уставать при выдаче больших, но не пиковых, потоков духовной энергии. На ней обладатели более-менее приличного таланта и так могли держать барьер подолгу. А если кто-то всё-таки думал, то не передал своих мыслей никому, кроме личных учеников.

Вален глубоко вдохнул, а затем позволил невидимой плёнке из воли и духовной энергии лопнуть. Тут же вскочил, отчаянно отмахиваясь от комаров. Кровопийцы взлетели тучей, злобно жужжа. Он мог бы поддерживать барьер до ночи, а возможно и дольше, но тогда соглядатаи определённо заметят необычный уровень формирования воли.

Тренировочные поединки в доме — плохая идея. Из их четвёрки Вален был самым слабым физически. Но всё-таки он достиг второго цвета после вполне приличной закалки тела. Мог поднять в рывке тонны полторы. В общем, стоит им разгорячиться, и любое неосторожное движение пробьёт стену. Защитная формация не пострадает, её основы внизу, в камне горного пика, но жить в разгромленной комнате — удовольствие маленькое.

Но сейчас важно было то, что пока прикрыты окна, в дом не проникнут чужие взгляды — и чужие шпионские техники. К тому же, поединок шёл по правилам, при которых разворотить что-то сложно.

Скорость и сила движений Люме на третьем цвете были бы слишком высоки, чтоб с ней тренироваться. Хорошо, что она уже научилась у Кантоса понижать свой цвет ядра на

время. И всё равно сейчас, когда Вален должен был просто стоять на месте и выдерживать её атаки, он пропускал массу стремительных выпадов пальцами. Теперь не помогали до конца даже обостренные чувства, накладывавшиеся на предвидение и усиливавшие его эффект. Люме продолжала упражняться в боевых искусствах и новая стадия культивации позволила ей достигнуть более эффективного владения собственным телом, сохранявшегося, даже когда духовная энергия уменьшалась. Вален видел это чётко, по движениям её мускулов и разрядам света, пробегавшим по её меридианам. По тому, что поддерживая настоящую бурю атак в течение нескольких минут, она ещё не начала потеть.

Вот два сложенных пальца с коротко подстриженными ногтями снова коснулись узлов меридианов на его шее и плече... коснулись бы, если б не упёрлись в барьер воли, не достав до тела. Даже такие лёгкие удары заставили барьер заколебаться, но он выдержал. Миг спустя Вален отбил в сторону ладонь, направленную ему в живот. Люме, конечно, не собиралась создавать волну силы, способную перевернуть вверх дном всю комнату — достаточно лишь обозначить удар, который мог бы легко преодолеть тонкий барьер и прогуляться по внутренностям Валена.

Новый вихрь выпадов — Вален обращал всё меньше внимания на тычки пальцами, ожидая нового замаха ладонью. А когда тот последовал — перехватил запястье Люме. Лишь на миг. Барьер воли заколебался и лопнул как мыльный пузырь, едва она дёрнула руку назад. А Вален охнул — его собственная правая рука отнялась от молниеносного тычка в меридиан.

— Довольно, — проворчал Кантос, стоявший у стены и внимательно наблюдавший за происходящим. — Вален, понял уже, что захват тоже истощает барьер? Хорошо. Но ты держал его почти шесть минут. Для практика двух цветов, да ещё с посредственным талантом, это... неслыханно. Твой барьер слабее обычного, конечно, но обычный тоже не держит хороший удар.

— Я направлял в него...

— Да, да. Ровно столько силы, сколько нужно, — Кантос покачал головой. — Видать не зря старейшины распинаются, что путь культивации мало того, что бесконечен, так ещё и и бескраен. На каждой стадии можно найти что-то новое. И твоя завершённость формирования воли, Вален, превосходит завершённость обычного практика.

— Садись, дай я разомну, — вздохнула Люме, глядя на не слишком успешные попытки Валена растереть пострадавшую руку.

Он сел. И лишь тогда сказал то, что уже некоторое время было у него на уме:

— Не знаю насчёт бескрайности. Но... я думаю, что и сейчас ещё не достиг завершённости. Я думаю, что можно добиться большего. Ой!

— Извини, я перестаралась.

— Ты осторожнее, — погрозил Люме пальцем Кантос. — Зависть ещё бывает полезна практику, а вот от сожаления об упущенном толку нет никому и никогда.

Злость, промелькнувшая в Люме, была понятна. Возвращаться к предыдущей стадии после прорыва — в принципе, возможно, но крайне сложно и даже опасно. Может внести хаос в весь процесс возвышения.

— Извини, — Люме придвинулась ближе к Валену, только что голову на плечо не положила. — Это было не нарочно. Ну, почти. Ну, ты понял.

— Ничего страшного. Ты не вини себя, что до такого не додумалась — даже маме такое не удалось. Кстати, Кантос, а почему?

— Наверное потому, что Кайлео гнал её по своей программе культивации, не давая передохнуть, — пожал плечами Кантос. — Как видишь, у суровости его обучения есть свои недостатки.

Вдруг он резко обернулся, распахнул дверь и выглянул в коридор.

— Никого, — объявил он, задвигая её обратно. — Что-то дёрганым я становлюсь со всеми нашими тайными замыслами.

Глава 10. Отцы и дети.

Когда Кайлео и Оритилл встречались для личного разговора, будь то разговор о делах, или дружеская беседа, в гости всегда заходил именно Кайлео. В конце концов, он никакого особого дискомфорта в покоях Оритилла не испытывал, а вот тому приходилось хуже в помещениях без особых материалов стен и заклинаний, поглощающих звук. Каковы бы ни были их разногласия, Кайлео никогда раньше не опасался совершать эти визиты, ни в малейшей мере не страшился западни.

А вот сегодня, когда Оритилл пригласил его к себе, он испытал смутное нехорошее предчувствие. Что-то странное и дурно пахнущее было в этом слишком неожиданном приглашении. Впервые Кайлео задумался, разумно ли идти в самое логово Оритилла, средоточие его силы. Но не смог найти никаких рациональных причин, по которым носителю Печати Ушей понадобилось бы прибегать к насилию прямо сейчас, когда на его стороне был полный перевес в политической игре. Никаких возможных выгод.

Но с приходом в подземный покой дурное предчувствие лишь усилилось. Оритилл принял его самым любезным образом, неспешно заварил чай, вежливо поинтересовался обычными пустяками. Но на этот раз в манере собрата-наставника чувствовалась едва уловимая наигранность.

В конце концов, Кайлео не выдержал:

— Ты пригласил меня не просто так.

Оритилл склонил голову:

— Прошу прощения за мой недостаток решительности. Дело неприятное и приступить к нему мне не хочется. Но слышу, что тебе моё хождение вокруг да около уже кажется попыткой повытягивать нервы. Так что скажу всё прямо.

В длинных пальцах Оритилла появилась нефритовая табличка, и он аккуратно положил её на стол:

— Здесь копия. Если хочешь, потом можешь ознакомиться с деталями. Говоря вкратце: помнишь вольного практика, Ваннана, который после окончания сражения в монастыре Трёхсотлетнего Чистилища был схвачен, по подозрению в убийствах других учеников? Помнишь, что ты притащил его в Секту Шести Печатей, вместе с захваченными тёмными сектантами? Этот Ваннан рассказал лично Наставнику Неллану весьма неприятную историю. Точнее говоря, часть этой истории. Но додумать остальное, на основе имеющейся у нас информации, не стоило труда.

— И что же вы услышали и додумали? — спокойно спросил Кайлео.

Оритилл картинно вздохнул:

— Услышали мы, что Карм, сын Лараны, ещё жив и вполне здоров. Ты соврал всей секте, заявив, что он стал третьим из ваших сыновей, которого она свела в могилу с помощью запретных пилюль, предназначенных для повышения потенциала меридианов. Конечно, конечно, мы и так постоянно врём всей секте. Меня гораздо сильнее обижает то, что ты соврал мне. Не можешь же ты всерьёз думать, что я, после всего, что мы пережили вместе, не помог бы тебе в экспериментах на твоих детях? Ты хотел создать секретное оружие, направленное, в том числе, против меня? Или втайне стремился получить знания, позволяющие вырастить наследника с идеальным телом? Я не хочу в такое верить, но пока что все доказательства указывают на один из этих двух вариантов. Ты даже сжёг кучу учеников альянса четырёх, подставив под удар всех нас, лишь потому, что тебе нужно было отвлечь всеобщее внимание от того, что твой Карм натворил в Трёхсотлетнем Чистилище и того, что он вообще до сих пор жив. Что у него за талант, если ты готов на подобное?

Кайлео вздохнул:

— Карм вряд ли ко мне расположен, о чём должен был сказать его товарищ. При нашем расставании, он был готов сожрать моё сердце сырым. Сомневаюсь, что время его смягчило. Как это укладывается в вашу теорию?

— Если тебе требуется просто отследить развитие Карма и убедиться в отсутствии катастрофических побочных эффектов в долгосрочной перспективе, то его расположения совсем не требуется. Достаточно располагать способом изловить его в нужный момент. Какой-нибудь отслеживающей печатью, скажем, на внутренней поверхности позвоночника, которую даже старейшина пяти цветов заметит с большим трудом. И только если будет знать, что высматривать. Ну а изловив Карма в нужный момент, ты изучишь его тело и, при удаче, поймёшь как применить его способ повышения потенциала меридианов на других мальчишках. Карм с самого начала был бесперспективным для твоего рода, потому что родился человеком. Его неудача в получении метки Печати Глаз, не должна была стать для тебя разочарованием. Потому ты и выбрал его, как раньше других сыновей Лараны, в качестве материала для экспериментов.

Число меток у одной Печати было ограничено. Если наследников с метками становилось больше десятка, резко снижалась вероятность того, что другие дети носителя этой Печати получают метку при становлении практиками. Во внутриродовых интригах на детей, не унаследовавших меток, часто возводили обвинения в незаконнорожденности. Но Наставники знали, что это чушь.

— Ларана травила наших сыновей алхимией сама, — спокойно ответил Кайлео. — Не спрашивая меня. Ей хватило ума, чтобы готовить особые пилюли тайно, но не хватило, чтобы понять, как на самом деле работает Секта Шести Печатей. Видя, что мне, согласно хроникам, уже за двести тридцать, она мечтала сделаться матерью моего настоящего наследника, обладающего такой силой, что никто в роду не осмелится бросить ему вызов. Место в жизни неплохое, что и говорить. Дважды она потерпела неудачу, потому что хотела слишком многого.

Оба искушённых Наставника прекрасно знали, что с помощью пилюль совсем несложно привести будущие меридианы детского тела в хаос и резко изменить процессы их роста. С помощью куда более редких и дорогих пилюль, тело потом можно стабилизировать. Если повезёт, то это закончится повышением потенциала меридианов, а не его понижением. Но у изменений были пределы. Потенциал редко сдвигался более чем на одну звезду. Вероятность повышения была тем ниже, чем выше исходный потенциал ученика. При попытке повторения процедур, риск рос экспоненциально. В общем, даже если ты готов принести в жертву десятки тысяч детей с хорошим талантом, вряд ли ты получишь на выходе хотя бы одного истинного гения. Союз Теней в этом убедился, перед своим поражением.

— На третий раз, с Кармом, признаки отравления и алхимического хаоса в теле были ясны даже идиоту. Всё вскрылось, Ларана отправилась на плаху, — тем же ровным голосом продолжил Кайлео. — Кого бы я ни приглашал обследовать моего сына — ты тогда, кстати, сидел в затворе — все думали, что ему конец. Все ошиблись. Карму невероятно повезло. Его тело восстановилось — с талантом даже выше того, что измерители оценивают на двенадцать звёзд. Оритилл, так, ради интереса, скажи своё мнение, что бы сделал совет Наставников, услышь вы тогда правду?

Оритилл пожал плечами:

— Все кроме Арамы и, как теперь понятно, тебя, подошли бы к проблеме... осторожнее. Мы бы попытались выяснить, как именно тело мальчика претерпело такую трансформацию, не выпуская его из-под замка и тщательно охраняя.

— В общем, вы из него все жилы вытянули бы экспериментами. Даже если позволили бы ему когда-нибудь культивировать, то он к тому времени сломался бы... или жил бы на чистой ненависти. И ты сам только что сказал — трансформация тела может лишь с виду быть иде-

альной. А побочные эффекты возьмут, да и выскочат через несколько лет. Или через несколько цветов. Если окажется, что замысел Юбериса всё-таки неисполним, что Секте Шести Печатей нужно искать свой путь и для нас бесценны методы усиления меридианов... Сделав сказанное тобой, вы бы — при успехе — поставили будущее секты на метод, последствия которого не изучены до конца. Ты вправду думаешь, что это был бы верный шаг? Серьёзно?

Оритилл в задумчивости потёр подбородок:

— Но уж мне-то, как старому другу ты мог бы всё рассказать.

— Старому другу? Хех. Друзья не зовут к себе друзей, чтобы их шантажировать.

Оритилл помахал тонким пальцем:

— Кайлео, мы уже не дети. Давай защищаться нападением, перекладывая вину на другую сторону, ты будешь перед кем-нибудь поглупее. Именно твои поступки создали критическую ситуацию, в которой мы сейчас находимся. Так что именно тебе стоило бы их объяснить.

Кайлео пожал плечами:

— Зачем я скрыл Карма и переправил его подальше, ты уже понимаешь. Зачем я решил держать язык за зубами? Внезапно выдернуть тебя из затвора это всё равно, что заорать на всю секту: дело не так просто как кажется. Вдобавок, я не был уверен, что ты решишь. Вдруг вынесешь всё на совет? Что решил бы совет ты уже сам растолковал. А теперь представь себе — что бы Арама тогда подумала обо мне и обо всех нас?

Оритилл покачал головой. Долго молчал, прежде чем сказать:

— Арама — несомненный талант и пример того, что талант не сводится к одному лишь потенциалу меридианов, но из-за твоего снисходительного отношения, она уже становится большей проблемой, чем был Вальдор Вен, с его неугасимо разгорающимся безумием. Свидетельства этого всё множатся. Если бы не она, то ты бы даже не стал предлагать Юберису...

— Друг мой, — спокойно, но твёрдо перебил Кайлео. — Ты ведь пригласил меня сюда, чтобы подальше отжать меня от дел секты и добиться новых уступок, а не чтобы начать вражду не на жизнь, а на смерть? Я прав? Или нет?

Некоторое время оба сидели и молчали. Наконец Оритилл заговорил:

— Прошу прощения. Что ж. Раз ты сам упомянул об этом, то перейдём к вопросу уступок.

У Нельды Нан ни разу в жизни не было времени учиться игре на музыкальных инструментах, пению, плетению иллюзий или прочим пристойным способам развлечения мужчин. Впрочем, её отца и не интересовали развлечения. По крайней мере, пристойные. Наставнику Неллану нравилось, когда женщина его внимательно и с неподдельным интересом слушает, не забывая при этом подливать вина. Казалось бы, удовлетворить такие запросы сможет почти кто угодно. Вот только Неллан был носителем Печати Носа Зеффара. И чувствовал эмоциональное состояние собеседницы намного острее обычного практика. Попробуй от него спрячь скуку или раздражение.

А прятать приходилось, потому что за кубком вина Наставник в основном болтал о всяких пустяках. Приходилось многим, но не его дочери. Худшая эмоция, которую он мог почуять от Нельды — смиренная готовность терпеть. Да и то когда он напивался настолько, что речь его уже теряла связность.

Сейчас до этого было ещё далеко:

— Можешь поздравить своего отца. Благодаря мне старик Кайлео будет сидеть тише воды ниже травы. Не скажу почему, а то если проболтаешься, то ждёт тебя кара неминуемая. Скажу лишь, что Оритилл уже обещал мне пару особых магических сокровищ, по моей цене. Я ведь уже говорил тебе не раз, что мы всё никак не могли сойтись в вопросе оплаты?

— Говорили, господин отец, — кивнула Нельда.

Неллан отхлебнул из кубка, уставился в пространство. Продолжил задумчиво:

— Не могу только понять, почему Оритилл ещё не отстриг голову младшему Валену.

Нет, всё же Неллан влил в себя достаточно вина, способного уложить простого гуая с полглотка. До этого вечера он говорил о Валене с дочкой лишь однажды, когда был очень пьян. А протрезвев, строго предупредил, чтобы не болтала о подозрениях в одержимости.

— Даже свободы не лишил, если так взглянуть. Если кто-то вправду хочет «Валена» убить с такой силой — это ведь косвенное доказательство, что он уже не Вален. Ну кому может быть настолько нужен простой мальчишка, с очень сомнительными шансами унаследовать Печать, а? Эх, хорошо хоть прис... Нельда, с тобой что-то не в порядке?

— Ничего особенного, господин отец, — тут Нельда заметила, что её руки дрожат и сжала кулачки сильнее. — Кажется, я не выпалась и слишком много времени провела за алхимической печью сегодня.

— Надо было сказать об этом раньше. Я что, чудовище-людоед, чтобы пугаться моего недовольства? — Неллан теперь чуял вспыхнувший в дочери страх. — Иди, отдохни. Это, кстати, приказ.

До своих покоев Нельда дошла спокойно. Аккуратно задвинула за собой двери. Огляделась кругом. Комната её была обставлена не слишком богато, но красиво и со вкусом. Она не допускала сюда слуг, прибиралась всегда сама и не держала здесь ненужных вещей.

В общем, здесь не имелось ничего, на чём можно выместить закипающий внутри гнев. Не вызвав опасных вопросов. Нельда было даже заорать так громко, как ей хотелось — могут услышать и сквозь звукоизолирующее заклинание.

Где-то в этот момент, она заметила, что её ногти так глубоко вонзились в ладони, что на пол капает кровь. На глаза навернулись слёзы. Не от боли, от разочарования, обиды и страха. Она знала, что рано или поздно откат техники Внутреннего Рая застигнет её на людях. Сразу после её освоения она могла уверенно назначать время отката. Теперь откаты следовали всё чаще, становились всё более сильными и менее предсказуемыми. Кто знает, сколько ещё она сможет скрывать своё состояние? Явно не до бесконечности. Но почему первые волны негативных эмоций пробились именно в тот момент, когда папаша начал, ради разнообразия, говорить нечто крайне важное??!

Нельда топнула ногой так, что задребезжали письменные принадлежности на её столике. Испустила глухое, волчье рычание. Её называли любимицей судьбы, принцессой рода Нан. Порой даже сама Нельда в это верила. Но при каждом откате вспоминала, что она — злосчастнейшая из учениц Секты Шести Печатей. И сегодня эта мысль была особенно яркой.

В этот вечер не одна Нельда испытывала чувство всепожирающего, но бессильного гнева. Просто Наставник Кайлео куда лучше контролировал себя. Его эквивалентом буйного приступа ярости, с швырянием вещей об стены и дикими воплями, было хождение из угла в угол своей палаты для тренировок.

Ну, или массовые убийства. Но сейчас под рукой не имелось врагов, на которых можно выместить свои чувства.

Да и вообще гнев был направлен в первую очередь на самого себя. Что толку злиться на Оритилла за абсолютную уверенность, что он, Кайлео, способен замучить собственного сына? У этой уверенности достаточно оснований. Старый друг просто ненароком поднёс зеркало к его лицу.

Из-за внутреннего смятения, Кайлео поздно заметил постороннее присутствие в палате. Даже несмотря на технику Поиска. Впрочем, это присутствие действительно было очень искусно скрыто от любых форм обнаружения. Убийца? Но какой убийца может обладать такими невероятными навыками?

Кайлео стремительно развернулся. Глаза Зеффара уже пылали в его глазницах, готовые выбрать самый неблагоприятный для подкравшегося к нему противника из всех возможных вариантов будущего.

Но едва успев развернуться, он замер в изумлении. Таком изумлении, что полсекунды он стоял без движения, прежде чем сжать веки и воскликнуть:

— Ты?

Глава 11. Королева Мёртвых.

Фанмаара, бывшего Алого Наставника, чей титул стал бессмысленным, так как Секты Алых Крыльев больше не существовало, теперь снова мало кто смог бы узнать в лицо. Не потому, что он изменил свою внешность волшебным образом — при встрече с искушёнными практиками такая маскировка только привлекла бы внимание, особенно на том, кто притворяется слабаком двух цветов.

Нет, просто Фанмаар переоделся в местную одежду, сменил манеры и акцент. Теперь лишь чрезвычайно внимательный наблюдатель усомнился бы в том, что он прожил на острове, где сейчас обосновался, всю жизнь. А если бы такой наблюдатель попытался подтвердить свои подозрения расспросами, у Фанмаара уже готова была замысловатая, правдоподобная и трудно проверяемая биография практика-торговца, сбежавшего сюда, спасаясь от возникшей на родине смуты.

Остров этот был одним из самых северных Срединных Островов. Из окон маленькой усадьбы, которую купил Фанмаар, открывался вид на Седое Море, за которым, на севере, лежал Сверкающий Континент. Гористый остров жил торговлей — и по морю, и, главное, через телепортационную формацию, которая связывала Стальную Империю за морем с землями могущественных сект на южных островах и западном краю Перерождающегося Континента.

На первый взгляд — не самое безопасное место для человека, с которого половина Перерождающегося Континента хочет спустить шкуру. На взгляд Фанмаара — как раз едва ли не самое безопасное. Большой город с округой, где живут миллионы простых смертных и тысячи, даже десятки тысяч практиков, где постоянно появляются люди и гуаи с тугим кошельком и тёмным прошлым, где более-менее соблюдаются законы и даже чужаки могут пользоваться их защитой, но при этом существует обширный преступный мир... В таком городе ещё один пришелец не привлечёт ровно никакого внимания, пока будет скрывать своё истинное число цветов духовного ядра и тратить деньги умеренно.

Единственный способ спрятаться надёжнее — сбежать в безлюдную глушь и сидеть в пещере лет двадцать, надеясь, что за это время тебя забудут. Фанмаар всерьёз рассматривал его. Но ему уже сто пятьдесят три года. Много, слишком много, даже с учётом лишней сотни лет от пяти цветов духовного ядра. Больше чем на четыре десятилетия активной жизни рассчитывать не стоит. Ну, шесть десятилетий. Прорыв на шестой цвет был уже делом решённым, оставался лишь длинный ряд технических вопросов. Всё равно очень малый срок для того, чтобы подняться и на седьмой цвет, а затем найти путь ещё дальше. Если не считать особых случаев, вроде Наставников Секты Шести Печатей, практик обретал истинную силу, власть и долголетие лишь выйдя за пределы семи цветов, пройдя путями, которых нет ни на каких картах, и удостоившись имени Досточтимого. Ни на что меньшее Фанмаар согласен не был.

Потому и отбросил идею похоронить себя в глуши. Вдобавок, его козырь сейчас — богатство. Пусть попытка убить Валена Вена провалилась и стоила ему секты, которую он выстраивал добрых полвека. С оставшейся частью задатка и унесённой в пространственных кольцах казной Секты Алых Крыльев, он всё ещё очень богат. Чтобы превратить деньги в ресурсы для культивации, необходимо находиться в большом центре торговли. Ну, это начальное требование. Ничего действительно ценного на высших цветах кому попало не продадут, сколько духовного нефрита ни выложи. Тем важнее не терять времени и как можно раньше приступить к выстраиванию новых связей. Которые позволят и покупать, и продавать ценные вещи.

Вспомнив о ценных вещах, Фанмаар машинально прислушался к происходящему на заднем дворе поместья — ровному дыханию и воздуху, разрываемому при выполнении ударов. Мальчишка Вайнар отрабатывал каты. Фанмаар считался теперь его учителем. После того, как

спас его от старика Шо, собиравшегося вырвать ученику ядро. Конечно, Фанмаар сам заставил подлого старика действовать раньше времени. И мальчишка ему был нужен лишь из-за одной редкой особенности его тела. Редкой и, при определённых условиях, очень ценной. Но самому Вайнару про это знать не требовалось.

Вероятно, через некоторое время он начнёт подозревать недоброе. Если уже не подозревает. Всё-таки, дядя с тётей его продали, купивший его практик сперва прикидывался строгим, но благожелательным учителем, а потом попытался вспороть грудь... Тут даже самый наивный мальчишка станет недоверчивым. Глядя на бледно-голубое небо за окном, Фанмаар задумался — не стоит ли организовать спектакль, который убедит Вайнара в благих намерениях нового наставника? Да, стоит. Его ценность не раскроется до минимум трёх, а скорее четырёх цветов ядра. А к тому времени практик уже способен взбрыкнуть всерьёз, если чувствует опасность.

Пока Фанмаар думал об этом, он заметил, что по небу плывут не только облака, но и летающая лодка. Похоже, направляющаяся к его усадьбе. Он не ожидал гостей прямо сейчас. Но рядом с большим городом тебя могут посетить и без приглашения. По куче вполне невинных причин, начиная от желания познакомиться с новым соседом. Как только он закончит те усовершенствования формации поместья, которые не страшно вносить, прикидываясь практиком двух цветов, надо будет поскорее нанять слуг. Они станут, среди прочего, фильтровать визитёров.

Летающая лодка и вправду направлялась к нему. Хозяин... нет, хозяйка, вежливо посадила её за оградой. К этому времени Фанмаар уже вышел наружу.

— Чем обязан визитом, госпожа... простите, не знаю вашего имени? — сказал он, открыв калитку.

Госпожа была среднего роста, молодой и привлекательной на вид. Тёмные волосы, тёмные глаза, бледноватая кожа. Судя по ауре и движениям — только два цвета. Но кто знает, вдруг она, как сам Фанмаар, намеренно подавляет ауру. Одета по моде местных практиков, но не слишком богато. Вместо привычных на Перерождающемся Континенте длиннополых халатов, здесь носили свободные куртки с широкими рукавами и украшали их замысловатым шитьём. Какая-то странность была в её холодном лице, но прежде, чем Фанмаар сумел приглядеться и понять, она ответила:

— Конечно не знаешь.

Слова она произносила чётко, хотя левая половина её рта двигалась... странно. Как если бы лицевые мышцы там онемели. А затем она повела пальцем по воздуху.

И в тот же миг Фанмаар почувствовал, словно тысячи незримых нитей, каждая тоньше волоса и прочнее стального каната, вдруг оплели его со всех сторон, связали по рукам и ногам, впились в плоть, пережали меридианы, заблокировали циркуляцию. Он не смог оказать и намёка на сопротивление. Но ведь его реальное число цветов — пять! Даже если перед ним сама Досточтимая Тысяча Уловов, решившая отомстить за ущерб, нанесённый альянсу четырёх сект, глупцам, пляшущим под её дудку... Откуда у неё такое невероятное волшебство?

Гостья улыбнулась половиной рта:

— Пойдём. Не болтать же посреди двора.

Потянула пальцем что-то невидимое, и Фанмаар почувствовал, что его ноги задвигались сами собой.

— Ты, наверное, ломаешь голову, как это я скрутила тебя одним пальчиком? — сказала она чуть позже, когда они сидели в его защищённом от подслушивания кабинете. Точнее, она сидела, причём на столе, заложив ногу за ногу, а он стоял как статуя.

— Всё просто. Мик — надеюсь, он извинит меня, что я сокращаю его божественное имя, право слово, о полную версию язык сломать можно — так вот, Мик, тот старейшина, который нанимал тебя убить Валена Вена, вручал тебе пространственные кольца целых девять раз. Помнишь, должно быть, принятые от него задатки и окончательные выплаты? В каждом

кольце была его паутинка. Маленькая, бессильная и незаметная для простого духовного зрения. За годы и десятилетия паутинки росли и соединялись, незримо оплетали твои меридианы и духовное тело. И вот, результат. Сам он не может за тобой гоняться, так что передал главную нить наложенного волшебства мне. Вечно я делаю грязную работу за мужиков! По этой нити тебя легко и просто было выследить. А когда я оказалась рядом, стоило за неё потянуть — и ты стал всё равно что марионеткой. Которая, наверное, в уме костерит меня последними словами, да только губы их произнести не могут.

Женщина была не права. Сейчас разум Фанмаара был слишком занят отчаянным поиском пути к спасению, чтобы отвлекаться на какие-то там ругательства. Его не убили сразу, с ним разговаривают — уже хорошо. Теперь главное понять, что именно от него хотят.

— А ещё, я думаю, ты гадаешь, что нам от тебя нужно.

Она пожала плечами:

— Нам нужно, чтобы ты доделал работу, за которую тебе было заплачено. Нам нужна смерть Валена Вена. К несчастью — твоему несчастью — ты слишком скользкое животное. Твои обещания не стоят и гроша. Поэтому если хочешь выйти из этой комнаты живым, то придётся тебе поддаться технике Духовных Оков. Ну и получить печать отслеживания.

На Фанмаара накатила волна облегчения. В технике Духовных Оков ничего хорошего нет, конечно. Того, кто ей подчинился, хозяйка сможет убить одной мыслью и на любом расстоянии. Но эта техника — всего лишь взрывающийся ошейник на его шее. Разум останется незатронут. Даже в сочетании с печатью отслеживания, это оставит ему определённую свободу действий. Если он будет достаточно хитёр, то когда-нибудь сможет сбросить это ярмо.

Движение пальца — и к нему вернулся контроль над его ртом и горлом.

— Духовные Оковы или смерть — разве тут вообще есть выбор? Худшее, что могут сделать Духовные Оковы — это убить меня. Какой смысл торопить кончину?

Женщина улыбнулась. Нехорошей улыбочкой на пол-лица. Похоже, она из тех, кто наслаждается властью над другими. Но так ещё и лучше. Эта будет оттягивать его казнь ради возможности поглумиться лишний раз даже в ситуации, где более рациональный практик давно развеял бы его духовное тело. Ну а предстоящие боль и унижение... к таким вещам Фанмаар относился спокойно. Истинный последователь тёмного пути должен быть готов переплыть реку кипящего дерьма, если это поможет прожить подольше и обрести больше сил.

— Могу ли я узнать имя моей завоевательницы и повелительницы?

— Какой ты шустрый. Погоди, сперва закончим с техникой. Так, Духовные Оковы легче наложить, если у меня есть кусочек твоего тела. Я сегодня в хорошем настроении, так что обойдётся ногтем. Пожалуй, с указательного пальца. Что стоишь, подай мне его.

Фанмаар почувствовал, что вновь контролирует свои руки. Жаль, что этого было совершенно недостаточно для внезапного нападения. Двумя пальцами правой взялся за ноготь указательного пальца левой. Нарочно потратил три попытки, прежде чем ноготь с хрустом отломился и он протянул его женщине с болезненной гримасой. Если ей нравится видеть чужую боль, показательной стоицизм её только разозлит.

Она аккуратно взяла ноготь, чтобы не испачкаться в крови:

— Пожалуй, этот я сохраню.

А в следующий миг её рука вдруг сдавила горло Фанмаара. В ней чувствовалась физическая мощь, способная легко свернуть шею даже практику пяти цветов. Но страх ему внушило совсем не это. А то, что от мест соприкосновения её пальцев с кожей по телу пополз чудовищный, невообразимый холод. Такой, который должен был сразу превратить его в ледяную глыбу. Но воздух не заполнился паром, кожа не заледенела, кровь продолжала течь по жилам. Холод ощущали лишь его меридианы!

— Что, грязное животное, решил, если мне нравится смотреть, как вы дёргаетесь, то я ради этого забуду о деле? Дам тебе шанс вывернуться и провести меня? Это я-то? — оскал

женщины расплзся чуть ли не до уха. Правого. Хотя... левая половина её лица теперь тоже начала оживать. Чем ужаснее становился холод, сковывавший Фанмаара, тем менее асимметричным делалось её выражение. И тут, впервые за предки знают сколько лет, бывший Алый Наставник, давно, как он полагал, отучившийся бояться, почувствовал необоримый ужас.

— Быстро ты догадался, — женщина наслаждалась собой и происходящим. — Да-да, твоя духовная энергия сейчас становится некротической энергией. Через минуту-другую ты умрёшь и твоя душа отправится в ничто. А твоё тело, со всеми твоими знаниями, воспоминаниями, навыками и уровнем самосовершенствования, станет моей послушной марионеткой, лишённой воли, неспособной даже вообразить себе неповиновение. Культивировать дальше оно не сможет, ну да и не нужно.

Фанмаар, с его глубокими познаниями искусств тёмного пути, слышал лишь про одно существо, когда-то пользовавшееся этой чудовищной техникой:

— Ты... Королева Мёртвых! Архидемон! Но ты же в заточке...

В следующий миг пронзающие его тело холод и боль многократно усилились. При всей стойкости Фанмаара, сейчас он заорал бы, если б только язык и горло не перестали слушаться.

— Ммм... хорошо-то как. Ты считаешь себя мудрецом, а не в курсе, что уроды из Храма Восточного Неба на самом деле так и не научились запечатывать нас. Они просто погружают наши тела в гибернацию, держат между жизнью и смертью, не позволяя нашим душам перевоплотиться. Тело в холодном сне может прожить тысячелетия... но оно не бессмертно. Когда-то лишь двое оставались свободны, а сейчас... Кстати, если ты даже узнал меня, почему ты не знаешь, что «архидемонами» нас зовёте вы, невежественный скот! Уж если не припомнил моего божественного имени, так мог бы просто назвать Повелительницей Душ! Тогда бы твоя смерть пришла быстрее и легче. Ой, да ты и так уже мёртв.

Она с некоторым сожалением отняла руку от шеи Фанмаара. На том не осталось никаких физических повреждений, даже синяков. Лишь исчезло всякое выражение, ссутулились плечи, да немного изменилась аура. Но в эту эпоху почти не было практиков, способных заметить эти изменения или понять их значение.

Она глубоко вздохнула, сладко потянулась. Мимика левой половины её лица теперь стала нормальной.

— Я чувствую присутствие на заднем дворе тренирующегося мальчишки. Зачем он тебе.

— Его духовное ядро обладает атрибутом девятикратного яда. В случае успешной культивации...

— Особый атрибут ядра? Ого. Запиши на табличку информацию, что он даёт. Придумай, как передать мальчишку другому учителю, не вызвав подозрений. Это во-первых. Во-вторых, с этого момента всегда говори в той же манере, что при жизни. И мимику используй ту же. И в-третьих, мне нужны твои соображения по охоте на Валена. Свежую информацию можешь просмотреть на этой нефритовой пластинке...

Глава 12. Понимание.

Вален аккуратно поставил на кухонный стол поднос со стопкой горячих лепёшек. Махнул одним пальцем — от верхней отвалилась треть, словно срезанная острейшим ножом.

— Ууух ты! — восхитился Наттар. — А меня так направлять волю научишь?

— Если хочешь и хватит усердия, — пожал плечами Вален. — Хотя пока это просто красивый фокус и не знаю, станет ли он чем-то большим. Тебя такое лезвие едва оцарапает. При столкновении с настоящим клинком — или Телом-Клинком — немедленно рассыплется.

— Барьер воли тоже ломается с одного хорошего пинка, а пользы от него порой выше крыши, — возразил Наттар.

— Как знаешь. Ты лепёшку лучше попробуй.

Потребность практика в еде и сне уменьшалась по мере подъёма по цветам. Обычно. В случае Наттара, всё пока выходило наоборот. На втором цвете его аппетит только усилился — и при этом он оставался худ как щепка. Он также чувствовал себя вялым без минимум восьми часов сна. Даже Кантос не мог сказать, в чём здесь дело. В другое время можно было бы проконсультироваться с Наставником Юламаром, более опытным по части культивации и её отклонений. Но сейчас тот отвернулся от Кайлео и доверять ему в деликатных вопросах не приходилось.

Так что Наттар продолжал есть за троих. Вален не возражал. Есть на ком испытывать свои кулинарные эксперименты. Может, молодой гуай и не был гурманом-дегустатором, зато честно сообщал о впечатлениях.

— Вкуснее на этот раз, — заявил Наттар, схрумкав кусок. — Корочка по краям так хорошо запеклась.

— И отлично. Сейчас, погоди, достану масла, мёда и мягкого сыра, не пустой же хлеб есть...

Уже не первый день Вален замечал в глазах Наттара невысказанный вопрос, когда тот приходил на кухню. Сперва он полагал, что если собрату-ученику чего-то надо, тот спросит сам. Но тот всё не спрашивал, и это уже начало беспокоить Валена. Так что выставив на стол всю еду, он поинтересовался:

— У тебя есть какой-то вопрос ко мне?

Наттар несколько секунд смотрел на него немигающими глазами. Даже жевать перестал. Наконец, проглотил то, что было во рту и заговорил:

— Эммммм, нууу да, есть. Но мне кажется, что этот вопрос глупый.

— Как же ты хочешь научиться задавать умные вопросы, если не будешь сперва задавать глупые? Валяй.

Наттар помолчал немного и сказал:

— Старший брат, а зачем ты всё тратишь время на готовку? Разве у нас его с избытком? Раньше тебя от тренировок палками надо было отгонять. Мммм, мне кажется, я не понимаю что-то такое, что Кантос и Люме понимают. Они-то думают, что так и надо. Нуууу, насколько я вижу.

— Ты ешь, ешь. У моего объяснения будут две части. Первая короткая, а вторая подлиннее. Слушай первую: путь культивации суров, но если превратить его в непрерывное самоистязание, то рискуешь сам заблокировать своё развитие, начав ненавидеть все тренировки. Порой необходимо отвлекать ум на что-нибудь сравнительно несложное и приятное. Для мамы это была кухня — как по мне, неплохой выбор.

Вален улыбнулся и продолжил:

— Что до второй части... когда я готовил пир по случаю прорыва Люме на третий цвет, я задал себе один вопрос. Почему моя еда не такая вкусная, как у мамы? Или вот смотри. Я уже который раз пеку эти лепёшки. По одному и тому же рецепту. Простому рецепту, ему сможет последовать любая хозяйка. Из одних и тех же ингредиентов. В одной и той же печи. Но почему же сейчас их вкус лучше, чем раньше?

— Нуууу, ты стал более умелым?

— А что значит — «стать более умелым»? Разве выпечка лепёшек и прочая готовка — это сложное дело, требующее каких-то особых приёмов и хитрых техник?

Наттар только пожал плечами в недоумении. А Вален продолжил:

— Почти любой повар может отобрать продукты, которые среднему человеку покажутся качественными, тщательно их отмерить и приготовить блюдо по рецепту. Но даже среди простых смертных умелыми поварами считаются те кто идут дальше. Те, кто действительно понимают процесс приготовления пищи. Кстати, как я выяснил, процесс особенно важен именно для булочек, лепёшек и пирогов. Понимание, что там происходит в печи, меняет всё.

Наттар мыслил прямолинейно и даже шаблонно, но тупицей он не был. Мог понять явный намёк.

— Ты хочешь сказать, в алхимии всё точно так же?

— Ага. Мои особые духовные чувства могли бы стать для меня, как для алхимика, западнёй, если б я не дошёл до этой мысли. Если бы подумал, что можно подняться на вершину просто помножив на опыт ту способность точнее соблюдать рецепты, которую дают эти чувства. Кстати, если на то пошло, то книги по алхимии, доступные в Зале — это просто сборники рецептов. Хм, надо бы обсудить всё с Хранительницей. Надеюсь, она не прикажет мне катиться.

— Молодец, — сказала Хранительница Лерия, когда Вален изложил ей свою концепцию.

Сказала не глядя. Внимание её было обращено на стеклянный сосуд, стоявший перед ней на столе. В сосуде клубилось и переливалось вырважно яркими цветами странное вещество, казавшееся то жидкостью, то густым облаком газа.

— Аплодирую сообразительному юноше. Ты у нас прямо мудрый феникс из притчи, к которому пришёл молодой оленёнок и спросил, как ему уберечься от свирепого тигра и коварного охотника, выживающих его из родного леса. Феникс ответил, что достаточно оленёнку прожить каких-нибудь полтысячи лет, как он станет могучим бессмертным зверем и никакой охотник не посмеет подойти к нему даже близко. А на вопрос, как же прожить полтысячи лет, если шкуру с тебя спустят уже завтра, разгневался и закричал, что его дело — давать мудрые и правильные советы. А кто этим советам не следует, тот сам виноват.

Лерия подняла глаза на Валена, стоявшего с каменным лицом, скрестила руки на впечатляющей груди:

— Вален, не пойми меня неправильно. Ты вправду молодец. Очень немногие доходят до подобных мыслей в твоём возрасте и без подсказок. Вот только знаешь почему наставления по алхимии похожи на сборники рецептов?

Она сделала многозначительную паузу, вероятно, не ожидая ответа. Но Вален сказал:

— Потому что алхимики всё ещё слишком далеки от истинного понимания алхимических процессов, кроме, возможно, самых простых?

Лерия вздохнула:

— Согласно древним легендам, основы алхимии и все базовые рецепты были получены от Владыки Даров. Многие поколения алхимиков создавали новые рецепты на основе существующих, методом проб и ошибок, полуслепых экспериментов, движимых полушарлатанскими теориями. Рецепты пилюль, которые ты можешь прочитать в книгах, написаны кровью тех,

кого пробы приводили к ошибкам. Если бы проникнуть в суть того, что происходит в наших печах, можно было простым желанием, разве пришлось бы нам идти таким трудным путём?

— Но вы, госпожа Хранительница, конечно, пытались? Вы же явно и глубоко думали над этим.

— Лстивый наглец! — Лерия картинно всплеснула руками. Но голос её смягчился. — Да, пыталась и пытаюсь. Желаеть почитать мою подборку книг и писем по алхимической теории? Предупреждаю — многого ты на втором цвете просто не поймёшь, возможностей мозга не хватит.

— А всё же я попробую. И буду безмерно благодарен старшей за её доброту.

Похоже, что внутренний враг испугался угроз Валена. И немного ослабил контроль над воспоминаниями прежней жизни. Вален снова увидел необычайно яркий, подробный сон, с трудом отличимые от яви.

Воздух умирающего леса был напитан смрадом, заставлявшим слезиться глаза, почти что удушающим. Но откуда-то он знал, что это — преимущество. Последнее преимущество, оставшееся у него, измотанного, покрытого синяками и ссадинами, лишившегося всего оружия, кроме ножа. Между стволами, во мраке ночи — чьё-то стремительное движение. Он прижался спиной к дереву, пытаясь выровнять дыхание. Прислушаться. Откуда-то он знал, что смрад лишает нечисть осторожности, наводит на них слепое бешенство. Даже без ночного видения, у него ещё есть шансы, если он сумеет услышать шаги твари.

И он действительно услышал треск веточки, зацепившейся о мохнатый бок. Потому был готов, когда тварь появилась справа — тень с горящими изумрудными точками глаз. Взметнулась когтистая лапа способная с одного удара превратить его голову в кровавое месиво.

Из оружия — только нож в руке и адреналин в жилах. И решимость. Он рванулся навстречу, подныривая под удар, так что когти рассекли воздух в сантиметре над его макушкой. Нож вошёл в грудь, пробил толстую шерсть и скользнул между рёбрами. Раздался не рык, а хриплый, почти человеческий стон.

Тяжёлое тело рухнуло на землю, извиваясь в судорогах. Изумрудные глаза на миг вспыхнули ярче, а затем погасли навсегда.

Он опустился на одно колено. Краткое усилие забрало остатки энергии. Накатила тошнота, то ли от слабости, то ли от смрада. Нет, нельзя раскисать, надо подниматься и идти, если он хочет дожить до утра...

Вален проснулся в холодном поту. Хотя содержимое сна не казалось пугающим по сравнению с тем, чего он успел навидаться в реальности. С другой стороны, в реальности он стал практиком, прежде чем столкнулся с настоящими опасностями и ужасами. А во сне был, похоже, простым смертным. Или не совсем простым, но явно уступавшим даже самому зелёному практику одного цвета.

Как-то опять не бьётся с образом могущественного архидемона. Может, конечно, он увидел эпизод из ранней молодости своей первой жизни... Но это уже не первое крупное расхождение. Например, он не привык распоряжаться и приказывать, склонен уходить в тень, а не брать ответственность на себя.

С другой стороны — он упорен, целеустремлён, не боится физической боли, не колеблется перед лицом опасности, способен убивать, не моргнув и глазом. Не павший повелитель, а скорее опытный солдат.

Хммм, это что же тогда получается — деловая жилка и гибкий ум достались ему от его молодой половины? Да не может такого быть! Или может? Люме говорила, что прежний Вален показался ей весьма умным и сообразительным, хотя и несобранным.

Вален потёр виски. Нечего забивать голову лишними размышлениями. В этом мире существует перенос разума и души из одного тела в другое, чему доказательством сами архи-

демоны. Значит существует и рабочее понимание того, что из себя представляют разум и душа. Вот когда он его обретёт, то и поймёт, что в нём от кого. А пока заикливаться на этом — лишь давать внутреннему врагу шанс для атаки. Может фрагмент Печати Личины и не в силах подделать воспоминания целиком, но кто знает, не способен ли он исказить их восприятие.

Вален насторожился когда кто-то постучал в дверь дома. Да, он всё ещё не умел подключаться к защитной формации, так что и не должен был получить предупреждения о приближении чужака. Но посетители из числа его новоприобретённых клиентов почтительно ожидали появления хозяев на лужайке. Больше никто в гости не заходил. Нарлано и Нарелла с головой ушли в тренировки. Других знакомых, не говоря уж про друзей, вроде как не имелось. А хозяевам не было нужды стучать.

Так что он подошёл к двери и открыл её, ожидая увидеть официального посланника секты — вряд ли с хорошими новостями.

Но вместо напыщенного посланника на пороге оказалась рослая девушка в одноцветном синем халате, со строгим лицом, серыми глазами, собранными в конский хвост и волосами, яркими, как алое золото. Аура её была спокойной, но оттого ещё более устрашающей. Валену даже не требовалось глядеть на её меридианы, чтобы осознать — она как минимум на уровне Кантоса. Как минимум.

Догадаться, кто именно перед ним, было несложно, но такая сила в таком возрасте заставила его онеметь на секунду. И девушка заговорила первой:

— Здравствуй, братик Вален. Как ты вырос.

Глава 13. Вальтия Вен.

Ещё никогда Вален не чувствовал такой неловкости за обеденным столом в доме Арамы. Не исключая своего самого первого завтрака здесь. Поначалу Вальтия, его вернувшаяся старшая сестра, вела себя... ну, наверное как и полагается вести себя сестре, не видевшей брата много лет. Но чем дольше они говорили, тем холоднее она становилась. А когда вернулись остальные, то и вовсе превратилась в ледяной столп, вымораживающий всё вокруг. Всякий раз, когда Наттар ел слишком жадно, или Люме подавалась слишком близко к Валену, или сам Вален упоминал достоинства очередного собственноручно приготовленного блюда, на них устремлялся осуждающий взгляд серых глаз. Вместо обычных разговоров, за столом воцарилось гнетущее молчание.

Вален мог примерно понять, чем вызваны такие перемены. Не слишком приятно вернуться в родительский дом и обнаружить, что мать почти на смертном одре, даже повидаться с ней нельзя, брат стал совершенно незнакомым человеком и под твоей крышей полно чужаков. Кантоса она, конечно, знала, но, судя уже по тону её приветствия, привязанности к нему не испытывала.

Понять одно дело, что-то сделать по этому поводу — совсем другое. Вален не очень представлял, как разговаривать с сёстрами. Тем более в таком тяжёлом случае. И надо признаться, раньше он вообще не думал о Вальтии — лишь помнил, что она существует. Когда Арама говорила о его сестре в последний раз, он и саму Араму воспринимал как опасную незнакомку. С тех пор он не знал покоя, ему не хватало времени и умственных сил даже для решения многих насущных задач — куда уж там вспоминать о сестре, которую не видел ни разу в жизни. К тому же ученице самого сильного практика в мире — её-то учитель в обиду точно не даст.

Но, как жизнь не раз его учила, некоторые вещи надо делать, готов ты или нет. Если на то пошло, родственница, обладающая такой силой, ученица такого гуая, была слишком полезна, чтобы терпеть разлад с ней на пустом месте:

— Вальтия, ты извини, что я не приготовил твоей любимой еды. Я действительно не помню, — раскаяние в голосе Валена звучало очень искренне. — Или ты должна соблюдать особую диету для культивации?

— Если бы мне требовалась особая еда, я бы предупредила об этом, — холодно ответила Вальтия. — И я думаю, что ты зря возишься на кухне. Разве у тебя, как у практика, времени с избытком?

Наттар уже открыл было рот, чтобы вступить за названного старшего брата, но Вален предугадал это намерение и успел пнуть его под столом. Люме только глазами сверкнула. Лицо Кантоса не выражало ничего, кроме, возможно, желания оказаться где-нибудь в другом месте. Но Вален ответил спокойным, сочувствующим тоном:

— Я знаю, тебе сильно досталось. Я бы, наверное, умер или застрял на одном из прорывов, если б мне пришлось так усердно совершенствоваться. Тратить каждую минуту бодрствования на медитацию и тренировки — моих скромных сил на такое хватит. Но уж если я, порой, отдыхаю, разве плохо пользоваться этим, чтобы сделать жизнь моих близких чуть слаще? Твою жизнь? Разве плохо брать пример с мамы?

Суровости во взгляде Вальтии не убавилось, но голос её стал чуточку теплее:

— Вален, тебе нельзя расслабляться. Ты знаешь, что учитель Юберис отпустил меня сюда на одну луну не просто так? Он сказал, что в Секте Шести Печатей тебя со всех сторон окружает опасность.

— Ага. Теперь понятно, — заговорил Кантос. — Он переслал с тобой некое послание, не так ли? Не будут же шавки Оритилла досматривать и допрашивать его личную ученицу. Я даже думаю, что это послание не для одного Валена.

— Верно. Вот только это послание — лишь для самых надёжных ушей, — она поглядела на Люме с Наттаром. Вроде бы в её словах и не содержалось явного оскорбления, но вот выражение её лица было таким, будто за столом вдруг обнаружились две кучи гниющего мусора.

— Здесь нет ненадёжных ушей, — твёрдо заявил Вален. Чуть твёрже и резче, чем хотел. Вальтия скривилась:

— Что ж, если таково твоё суждение, то мне остаётся лишь ему довериться.

— Эээй! — на этот раз не дать Наттару вскочить и заговорить можно было только таким пинком, который сломал бы лодыжку — не под силу Валену при всём желании. — Причём здесь суждение старшего брата? Меня приняла в личные ученики сама Наставница. Пусть ты наследница и великий талант, кто сказал, что тебе позволено оскорблять мать и главу рода? Намекать, что она возвысила недостойного? Это дочерняя непочтительность!

С точки зрения этикета практиков и порядков Секты Шести Печатей, претензия Наттара была сформулирована верно. Только стоило ли её заявлять, да ещё так дерзко? У Вальтии дёрнулось веко. Но заговорила она преувеличенно вежливым тоном:

— Вот как? Значит ученице не позволено высказывать свои мысли под этим кровом? А позволено ли ей на деле проверить навыки, благодаря которым собрат-ученик заработал синий халат?

Вален мысленно застонал ещё прежде, чем Наттар открыл рот. Он заранее знал, каким будет ответ.

По прошествии пары минут, они все стояли на самой обширной из лужаек в саду Арамы. Вальтия, уже заблокировавшая большую часть своей духовной энергии, опустив себя до уровня двух цветов, извлекла из пространственного кольца копьё с отполированным древком из красного дерева и наконечником, волнистым, как язык пламени. Крутанула его в руке словно лёгкую тростинку.

— Чтобы всё было честно, я не стану использовать никакие техники, только силу и чувства физического тела. А то ещё засмеют потом в Секте Грозового Пика. Надеюсь, ты не станешь предлагать боя на тренировочном оружии? — слова «на тренировочном оружии» она произнесла как грязное ругательство.

— А вот я предложу, — вмешался Кантос. — Мне можно, меня-то никто не упрекнёт, что я выпущенных кишок не нюхал и по остриям мечей не бегал.

— Учитель Юберис однажды сказал, что тренировочное оружие чувствуется неправильно и вырабатывает вредные привычки, а раны от боевого клинка всё равно залечат пилюли, если только не разбить ядро или не исказить меридианы. Но такое сделать очень сложно без особых техник.

— Вот оно как? — Кантос потёр подбородок. — А я вот думаю, что валяясь, пока пилюля зарастивает в тебе дыру, ты теряешь время тренировки. Синяки и переломы снимаются несравнимо быстрее.

— Ну, так здесь же не тренировка, старший, — вмешался Наттар. — Хочет на остром — ладно.

Вален с трудом сохранял невозмутимость. Людские дела ещё сложнее алхимии. Только тебе кажется, что понял процесс — как всё взрывается к Зеффару, прежде, чем ты хоть глазом моргнуть успеешь!

А Наттар меж тем тоже достал меч, подаренный Арамой, и принял защитную стойку, нацелив остриё на противницу. Кантос шумно выдохнул и отошёл в сторонку, освобождая пространство для боя.

— Давай, — Вальтия махнула копьём, так что по траве пронёсся ветерок. — Нападай.

— Ты захотела меня проверить, тебе надо, ты и нападай, — спокойно отозвался Наттар, оставаясь в стойке.

Вальтия фыркнула и сорвалась с места. Зрачки Валена расширились — на долю секунды ему показалось, что она нарушила обещание и воспользовалась Лёгким Шагом. Но нет — это была её природная скорость! Если бы не острота его духовного чувства, если бы не предвидение, Вален сейчас не смог бы отследить её движение, когда она побежала по дуге, обходя Наттара. Казалось, что её ноги едва касаются земли.

В предвидении Наттар далеко уступал Валену. Зато превосходил в запасе духовной энергии и закалке тела. Так что реакции ему хватало — впритык хватало — чтобы видеть движения Вальтии. Пусть он и не мог померяться с ней проворством, его глаза и остриё меча оставались нацеленными на неё.

Вальтия немедленно заметила, что лёгкой победы за счёт чистого преимущества в скорости тут не добьёшься. Не завершив одного круга вокруг Наттара, она пнула низкую траву под собой с такой силой, что комья земли разлетелись как от взрыва — и большая их часть понеслась прямо в лицо Наттару. Духовное чувство не отвязано от прочих чувств: внезапно ослепив или смутив иллюзией противника, ты нарушаешь работу предвидения.

Наттар инстинктивно шагнул назад — в тот же миг, когда ему в колено устремился летающий меч, появившийся из пространственного кольца Вальтии. Вовремя сдвинув ногу, он избежал расставания с ней — но на долю секунды это заставило его неудачно перенести вес тела, ограничило движения, не позволяя уйти от копья Вальтии прыжком или Лёгким Шагом.

А она уже наносила удар. Финт в плечо, тут же мгновенная смена направления и настоящий выпад в бедро. Потом, разбирая бой в уме, Вален восхитился стремительностью и чёткостью её движений. Пришёл к выводу, что сам он почти наверняка оказался бы проткнут. А сейчас всё происходило слишком быстро для анализа.

Наттар извернулся невероятным образом, словно его тело не то что было бескостным, словно оно на миг вообще обратилось в жидкость. И тут же ответил молниеносной контратакой — в момент выпада рука вполне буквально удлинилась. Молодой гуай медленно осваивал техники и пока владел лишь двумя — Лёгким Шагом и Текучим Телом. Но похоже, что проблема тут состояла не только в недостатке воображения, а и в определённом избытке тщательности. Немногие практики двух цветов смогли бы воспользоваться Текучим Телом так быстро и уверенно.

Вальтия отскочила на пятнадцать шагов. Очень правильная реакция — если противник неожиданно поймал тебя на контратаку или ещё как-то сломал твой план, то лучше разорвать контакт. Но её лицо потемнело от ярости. На левой щеке набух кровью длинный порез. Наттар же невозмутимо вернулся в прежнюю стойку.

Прежде чем Вальтия успела справиться со своими чувствами и напасть вновь, Вален выкрикнул первое, что пришло на ум:

— Сестра, как тебе не стыдно??! Ты уже ограничила себя по самое некуда! И всё равно целишься в конечности! Зачем тогда просила сражаться на боевом оружии? Совсем брата Наттара за бойца не считаешь? Хотя ты и лучшая, но нельзя же так!

Вален покраснел, ему казалось, что он несёт полную чушь. Но Вальтия выдохнула, пальцем попыталась стереть кровь со щеки, лишь размазав её сильнее, поклонилась Наттару, потом Валену и сказала спокойным тоном:

— Теперь я вижу, что вправду оскорбила недоверием и собрата-ученика, и родного брата и, главное, главу рода. Приношу мои извинения.

— Я их, эм, принимаю, — Наттар неожиданно смутился, поспешно ответил поклоном на поклон. — Не сильно зацепило?

— Царапина, — ответила Вальтия. В голос её вернулся прежний холод, но ненадолго. — Тебе никогда не говорили, что ты храбрец? Даже в Секте Грозового Пика почти все ученики боятся отвечать мне всерьёз.

— Да ладно, что такого, — Наттар смутился ещё сильнее.

Вален поспешно пришёл ему на помощь:

— Ты, конечно, гений среди практиков сестра, четыре цвета в твоём-то возрасте. Всегда знал, что ты поднимешься высоко. Но пилюлю ты всё-таки съешь. Гений гением, внутреннее единство внутренним единством, но ранения сами собой зарастают лишь на пяти цветах, а у тебя четыре. Вот, эту я сам выплавил.

— Ты меня захваливаешь ещё сильнее, чем в детстве. В нашем возрасте это уже выглядит наглой лестью, Вален.

Но пилюлю взяла и проглотила.

— Ладно, пойдём в дом. Мы не договорили.

— Ну надо же, ты способен делать девушкам комплименты, если всерьёз напряжёшься, — шепнула Люме на ухо Валену, когда они проходили в дверь.

— Как станешь звездой нашего поколения, я тебя вдвое сильнее расхвалю.

— Ловлю на слове.

Вальтия вернулась к посланию Юбериса, едва они снова расселись на кухне, под надёжной защитой формации. Она выложила на стол сразу две нефритовые таблички.

— Учитель дал мне их три, для Наставника Кайлео. Одну я уже вручила привратникам рода Кас. Вторая — чтобы предъявить, когда Оритилл захочет ознакомиться с тайным посланием, которое, конечно, должно быть. И третья — на случай, если он сочтёт, что первая версия тайного послания должна быть ложной.

— Но где же тогда настоящее послание? — удивилась Люме.

— Само собой, на той табличке, что я передала привратникам, — с оттенком превосходства ответила Вальтия. — В роду Кас наверняка есть шпионы. Но разве им под силу незаметно вскрыть печать Досточтимого? А если решат вскрыть как сумеют, то послание сотрётся. Разгадай Оритилл замысел, всё равно не узнает ничего важного. Учитель говорил, что ты, Кантос, заслуживаешь доверия. Вот ты и передай эти таблички с ложными посланиями своему отцу. Ну, или тем, кто попытается их отобрать у тебя.

— Хмф. Видать плохим я был собратом-учеником, если нужны слова Юбериса Юона, чтобы ты мне доверилась. Но как насчёт опасности, грозящей Валену? Что ты о ней знаешь?

Вальтия снова чуть покраснела. Ответила не сразу:

— У Учителя есть одно предположение. И способ выманить врага. Того, кто покушался на Валена прежде.

Кантос и Вален переглянулись. Похоже, что Юберис не осознаёт, что главнейшей угрозой Валену являются Оритилл и совет Наставников. А если осознаёт, то ему плевать. Иначе просто прислал бы настоящее предложение отпустить брата в гости к сестре. Или открыто заявил: я, дескать, поддержу Кайлео во всём. Или что-то такое. Но зачем тогда весь этот опасный план? И вообще, он что, вправду сумел вычислить организатора попыток убийства? Как?

Дом Арамы был довольно велик. Но сейчас в нём и так уже жили четыре практика. Пришлось отвести Вальтии комнату, где раньше спала сама Наставница. Вален заглянул к ней едва сестра закончила там обустраиваться.

— Что-то ещё важное? — устало сказала она.

— Нет. Или да, — Валену не понадобилось подделывать смущение. — Сегодня я много расспрашивал тебя о твоей жизни. Но как-то забыл спросить о своей. А я так мало помню. Я хоть был хорошим братом?

Вальтия убедилась, что дверь надёжно задвинута, прежде чем отвечать:

— Ты был вредным сопляком. А иногда превращался в подлизу. Чего ещё ждать от десятилетнего?

Она покачала головой:

— Скажи лучше, как ты держишься против метки Печати?

— Однажды оказался на грани, но вроде держусь. А ты? Извини, дни после твоего прорыва на первый цвет я тоже не помню, но мама говорила, что тебе пришлось очень плохо...

— Сейчас куда лучше, — ровно ответила Вальтия. — Стараюсь, вот, оставаться хорошей, вежливой девочкой. Так проще контролировать и отмечать искажения восприятия и... перепады настроения. Верно же?

Конечно. Вален уже осознал, что разум сестры должен подвергаться сильнейшему давлению. Судя по его собственному опыту и рассказу о том, что отправило Араму в уединённую медитацию — настраивающее её против всех и выставяющее события в наихудшем свете, чтобы вызывать психические срывы. А он почему не подумал заранее, сразу, после обмена приветствиями и не предупредил остальных? Потому, что сперва Вальтия показалась ему вполне нормальной?

— Ты сейчас каешься, что слишком поздно об этом вспомнил? — и конечно, на своих цветах, со своим талантом, Вальтия обладала большой наблюдательностью.

— Есть такое. Извини.

— Мне надо извиняться. С моими-то силами, это я должна уберегать мою семью от неприятностей.

В голосе её, однако, не чувствовалось родственного тепла.

— Одержимый Вален Вен и наследующая ученица Вальтия Вен уже дважды покидали дом Наставницы Арамы вместе, — доложил Оритиллу Хранитель Зала Наказаний. — Я считаю это большой угрозой. Наследование Печати Личины может быть отсечено одним ударом. Кроме того, Вальтия Вен без сомнения заметила слежку, хотя пока не изъявляла намерений ускользнуть от неё. Заняться их охраной следует лично мне или кому-то из Наставников.

Оритилл покачал головой:

— Слежка останется на прежнем уровне. Даже больше, внуши своим практикам, что они должны быть ненавязчивыми. Если уж оставаться незаметными им умения не хватает. Незачем нам лишний раз раздражать и оскорблять наследницу Вальтию и её учителя. Кроме того, ты крайне недооцениваешь её способности. Я не думаю, что кто-то ниже Хранителя одного из Залов сможет с ней справиться. Тем более, прежде чем придёт помощь. Мне сложно представить себе покушение, которое будет представлять для неё реальную опасность.

Про себя он вздохнул.

Досточтимый Грозовой Пик опять подкинул им проблем. Даже не прикладывая для этого особых усилий. Похоже, что брат и сестра неплохо ужились друг с другом. Теперь просто убить Валена — значит заранее испортить отношения с будущей Наставницей Вальтией.

Глава 14. Ещё одно покушение.

— Мы могли бы с тем же успехом поговорить о нашем детстве там, в доме, — заметил Вален.

Вальтия не ответила. Только щёлкнула пальцами, и в круге из собранных камней заплясал волшебный огонь.

По прикидкам Валена, они отделились от секты километров на сто. Вальтия не пользовалась летающей лодкой. Она могла призывать огромную птицу с телом из меди и крыльями из пламени, способную преодолеть такое расстояние за считанные минуты. Вален сел рядом с огнём, ещё раз энергично потёр застывшие от встречного потока воздуха щёки и подумал, что когда ему понадобится техника для быстрого перемещения, он постарается выбрать что-нибудь покомфортнее. Возможно, кстати, что Вальтия вполне могла сделать их полёт к заросшей цветами маленькой долине между двух покрытых лесом гор, приятнее для него. Просто не пожелала.

— Или ты хочешь увериться, что я не сбегу на середине разговора?

Вальтия в сердцах пнула небольшой камушек, так что тот со свистом рассёк воздух, срезал полдюжины цветочных стеблей как косой и улетел на другую сторону долины.

— Если ты такой умный стал, так чего же не подумал о маме, прежде чем драться на арене, а?

Вален уже давно ожидал подобного вопроса. То, что Вальтия ни разу не заговорила о том, почему и как Араме пришлось уйти в уединённую медитацию, изначально было плохим предзнаменованием. Он неоднократно думал о том, чтобы взять инициативу, объясниться первым, но на ум неизменно приходили какие-нибудь отговорки. Правда, он не ожидал подобного вопроса именно сейчас. Но уж если он был задан...

— Потому что счёл себя самым умным и оказался неправ. Думал выманить на живца врага, желающего моей смерти — а только навлёк на удар безо всякого проку. Думал, что смогу снять Гелату голову одним неожиданным нападением — ошибся. Не знал, насколько маме тяжело и заставил её на всё это смотреть. Вот такая вот история. Хотел бы я попросить у тебя прощения, да только что толку, даже если я отобью земной поклон посередине этого костра?

— Сперва попробуй отбить, там и будет ясно, что толку... Нет, стой, стой! — воскликнула она, увидев, что Вален действительно поднимается со своего места. Помотала головой с такой силой, что собранные в хвост волосы метнулись из стороны в сторону. — Нашёл вре... придумал тоже!

Вален пожал плечами и принялся извлекать из пространственного кольца нехитрые припасы для пикника. Хотя разум сообщал ему, что отношения с Вальтией крайне важны, продолжать этот разговор было тошно. Уж лучше вправду в костёр лицом ткнуться.

Так что он постарался не обращать внимания на мрачную и неловкую атмосферу, на то, что воздух между ними казался буквально потрескивающим от напряжения.

— Ты знаешь, почему я так усердно занимаюсь культивацией? — спросила Вальтия некоторое время спустя, отряхнув крошки с халата.

— Не знаю. Ты об этом не говорила.

— Да, и вправду. Слушай: я хочу превзойти Учителя Юбериса. По крайней мере, в одном. Когда-то он смог достигнуть таких высот, что даже Печать Зеффара подчинилась его воле, перешла не к нему, а к его единокровному брату. Хотя разницу в их силе увидел бы и слепец, а Печать обычно наследует достойнейший, сильнейший. Но для Учителя это оказалось максимумом. Я хочу достигнуть большего. Унаследовать Печать при жизни прежнего хранителя. Мама уже достаточно натерпелась. Но пока я не достигла семи цветов, о таком чуде можно

даже не мечтать. Тут нужна настоящая культивация души, а она может начаться лишь на седьмом цветке.

Вален не вздрогнул, когда в правой руке Вальтии вдруг появилось копьё, нацеленное ему прямо в центр груди. Не вздрогнул потому, что не чувствовал от неё убийственного намерения, не наблюдал угрожающего напряжения мышц, не видел в её меридианах — необычайно ярких и чётких — движения энергии, указывающего на возможность удара.

— Так что я буду очень, очень рада, если за те годы, которые мне ещё понадобятся, ты не загонишь маму в гроб.

— Знаешь, я тоже буду рад, — развёл руками Вален.

Вальтия фыркнула. Резко встала. Взмахнула оружием, так что порыв ветра едва не задул волшебное пламя.

— Будь серьёзнее, брат!

А в следующий миг Вальтия крутанула копьём в руке и ударила им назад. Зрачки Валена расширились. Не потому, что остриё копья вошло прямо в тело практика, пытавшегося незримо подкрасться к Вальтии со спины. А потому, что перед ударом он не заметил ни убийственного намерения, ни угрожающего напряжения мышц, ни подозрительного движения энергии в меридианах.

Долю секунды спустя, его зрачки снова сжались в точки, когда в глаза ударила ослепительная вспышка. Поток пламени мгновенно превратил в головёшки несколько сосен за спиной неудавшегося убийцы. Про него самого и говорить нечего — на землю осыпались пепел и почерневшие кости.

— Я тебя чувствую! — выкрикнула Вальтия. — Выходи, или стори вместе со всем лесом!

Из-за деревьев выступил практик в белом халате и овальной белой маске Зала Наказаний. Блестящая, как горный снег, ткань халата была забрызгана свежей кровью с правой стороны.

— Такое самодовольство не пристало птичке, угодившей в наши силки.

— Держись позади меня, — шепнула Вальтия Валену. — У него четыре цвета.

Это Вален видел и сам, так что последовал совету без возражений

А она воскликнула в полный голос:

— Кто это здесь угодил в силки? Случаем, не тупые чайки, налетевшие на выставленную им приманку?

Вальтия и Юберис, чьими словами она говорила, были вполне убеждены: покушения на Валена, по крайней мере покушения в пределах Секты Шести Печатей, были организованы культом Зеффара. Ветвь передачи Печати Личины была под явной угрозой отсечения, идеальный момент для первого и решительного шага к восстановлению их божества. Если поместить обоих наследников Печати в одно место, от такой приманки одуреет даже самый осторожный культист. А талант Вальтии так велик, что разделаться с убийцами не составит труда. Их истребление если не напроць избавит Валена от грозящей ему опасности, то сильно её уменьшит.

Сам Вален не был согласен ни с одним из этих тезисов. В первую очередь он не верил, что его пытались убить последователи Зеффара. Иначе он не пошёл бы так просто играть роль приманки. И сейчас его охватило изумление. Он лихорадочно озирался по сторонам — культисты, раз уж они действительно присутствуют в Секте Шести Печатей, не могут быть идиотами, несмотря на всё своё безумие. Если им хватает хитрости, чтобы десятилетиями скрываться, значит хватит и додуматься, что нельзя против Вальтии Вен выставить лишь двух практиков, из которых один был, кажется, ниже её по цветам.

На месте сестры он бы вообще не стал болтать, а напал немедленно. Может она и не просто красуется, может она играет от обороны, не желая отходить от него, Валена, пока враг не выложит все карты. Но всё равно это ошибка.

Все эти мысли промелькнули в голове Валена за время, какое нужно, чтобы обменяться парой фраз. Культист, меж тем, глухо расхохотался:

— Самонадеянная девчонка! Сегодня вашу приманку схватила не птица, а сам Алый Огонь!

Дальше всё произошло так быстро, что Вален успел разглядеть едва ли половину. Вальтия сложила пальцы левой руки в колдовской знак, и в воздухе вокруг неё возникли десятки огненных копий. Культист взмахнул руками, исполняя собственное заклинание. В тот самый момент, когда Вальтия повела пальцами и копья устремились частью на него, частью к местам, куда он мог отскочить, он воскликнул:

— Оковы Зеффара!

Обе его руки взорвались кровавым дождём и языками багрового пламени. Спустя краткий миг, кровь, мясо и пламя слились и смешались жутким и неестественным образом — словно из плеч культиста теперь росли шесть извивающихся, пылающих сколопендр. И все шесть устремились к Вальтии, непрерывно удлиняясь на лету.

Весь склон горы мгновенно превратился в ад. Вален отшатнулся, в ушах его звенело от взрывов. Под ударами огненных копий трескались тяжёлые валуны, а старые деревья в один миг взрывались фонтанами искр и пылающих углей. По долине пронёсся раскалённый ветер, от которого замертво падали на лету бабочки и засыхали лепестки цветов. Но культист остался почти невредим, только белые одежды почернели в нескольких местах. Огненные копья, столкнувшиеся с его сколопендрами, мгновенно рассыпались, испустив лишь слабые хлопки.

Ноги Вальтии уже напряглись, чтобы вынести её из-под удара. Техника предателя из Зала Наказаний была поразительно сильной. Но против техник, разрушающих собственное тело практика, есть очевидный и почти всегда действенный контрприём. Просто уйти от столкновения и позволить врагу ранить самого себя впустую. ... Вот только сейчас за спиной Вальтии был Вален. Он точно не сможет сбегать из-под атаки пылающих сколопендр, которая ей самой казалась пугающе быстрой.

Стиснув зубы, она стремительно завертела копьём. Порывы ветра, резкие как невидимые клинки, исполосовали землю и заставили цветы взлететь тучей изрубленных стеблей и лепестков на десять шагов вперед. Пламевидное остриё рассекло четырёх стремящихся к ней тварей. Две успели изогнуться в воздухе, уходя от ударов. Одна обвилась вокруг её предплечья, другая вокруг бедра. Багровое пламя тут же перекинулось на Вальтию.

Конечно, простой огонь уже давно не мог ей навредить. Потребовался бы жар, способный мгновенно превратить в пепел всю долину, чтобы преодолеть сопротивление, создаваемое четырьмя цветами, исключительным талантом и сродством с элементом огня. Увы, пламя Оков Зеффара было куда ближе к призрачному пламени техник Секты Незримой Звезды, чем к простому огню. Вальтия замерла как статуя, окутанная дрожащей багровой аурой. Самые отчаянные усилия лишь заставили её конечности чуть дёргаться, не сдвигаясь с места.

— Попалась! — воскликнул культист. Из-под его белой маски вдруг потекла кровь. — Агх! Оковам Зеффара под силу запечатать любого практика, который не выше по цветам! Твой драгоценный талант тебе не поможет!

К этому моменту Вален уже успел выхватить из пространственного кольца меч и рубануть по сколопендре, тянущейся от плеча культиста к ноге Вальтии. Снопом брызнули багровые искры, Валена отбросило на три шага. Ещё не успев восстановить равновесие, он тут же метнул летающий меч во врага. Если тот вообще мог сдвинуться с места, то не стал и пытаться. Одна из уцелевших сколопендр удлинилась на пару метров, извив её тела хлестнул по клинку с громовым лязгом и отбил его прочь.

— Осторожно, Вален! — Вальтия сумела заставить двигаться лишь свой язык. — Он сам содохнет через минуту! Не лезь!

— Кха! — культист снова сплюнул кровь. — Мои единоверцы зарубят вас обоих раньше!

Вален проследил его взгляд — и увидел четверых практиков, стремительно приближающихся на летающих мечах, от гребня горы, ограничивавшей долину с другой стороны. Все четверо — двух цветов, судя по аурам. Явно прятались на большом расстоянии, так как иначе не надеялись укрыться от внимания Вальтии. Сейчас Вальтия заметила их присутствие даже будучи под Оковами Зеффара.

— Вален! Лети отсюда! Куда тебе одному против четверых!

Вален не ответил на её слова. Лёгким Шагом он сместился ей за спину. Повёл руками по воздуху и перед ним возникли сразу четыре летающих меча. Выкованных посредственно, по сравнению с подарком Арамы, который всё ещё служил ему основным клинком. Но вполне адекватных своему назначению.

Вален совсем не чувствовал себя героем, радостно вступающим в неравный бой. Никто ведь не сможет предъявить ему никаких упреков за бегство — какой же из него защитник для сестры, при их колоссальной разнице в силе? Даже мать всё поймёт. Просто если Вальтию сейчас убьют, воспользовавшись её незащищённостью, освободится практик четырёх цветов. Даже если ему не прожить больше минуты, он и за несколько секунд легко настигнет Валена. А часть приближающихся двухцветных может погнаться за ним с самого начала. Ведь последователям Зеффара непременно надо убить их обоих. Празднуя труса он не спасёт себя. А вот смело вступив в бой, он покажет себя любящим братом и приобретёт уважение Вальтии. Когда вероятность сдохнуть в равной мере огромна, зато один из вариантов может дать немалый выигрыш, выбор между ними вполне очевиден. Притом логичен и рационален!

— А ну подходите, твари! — заорал Вален. — Пока я жив, вы сестры и пальцем не коснётесь!!!

Он немного покраснел, то ли от боевой горячки, то ли от стыда за банальность собственных слов. Опять он при Вальтии несёт такое, чего обычно бы в жизни не сказал.

Вместо того, чтобы сразу рваться в ближний бой, культисты соскочили с мечей на землю шагах в тридцати. Как Вален и надеялся. Двое в белых халатах, один в фиолетовом, одна в красном. Все незнакомцы. Да и не было сейчас возможности тщательно разглядывать лица. Потому что все четверо тут же начали призывать атакующие техники.

Один из белых халатов топнул ногой, сложив пальцы рук в сложный знак — из земли тут же вырвался валун размером втрое больше человека, чтобы устремиться на Валена, стоило практику выставить руки вперёд. Вокруг поднятых к небу рук культистки в красном, чей длинный хвост выдавал гуайшу кошачьей природы, обвилась пылающая тёмным огнём крылатая змея, взметнулась в воздух, разрастаясь до многих метров, уставилась на Валена багровыми глазами — разинув пасть понеслась к своей жертве. Практик в фиолетовом выкрикнул пару слов — и над его головой появился огромный чугунный котёл, весь содрогающийся от бурления раскалённого варева внутри, готового вырваться наружу, лишь только он ударит в цель. Только второй белый халат, который, ещё спрыгивая на землю, принял форму полузверя-оленья, применил технику причудливую, а не прямолинейную. По мановению его рук, цветы на дюжину шагов вокруг него немедленно превратились в почерневшие сухие стебли, даже земля под ними тут же высохла и растрескалась, и в воздух взмыли струйки белёсого пара, устремившиеся к Валену.

Вален знал все эти техники кроме последней. Вот только заключённая в них сила оказалась необычно большой и пугающей для техник двух цветов. А ведь культисты активировали их чуть ли не щелчками пальцев, безо всяких длинных заклинаний! И ауры всех четырёх в процессе стали куда резче — уже не два цвета, а на полпути между двумя и тремя. Тут явно не обошлось без каких-то очень сильных стимуляторов.

Раз уж в числе культистов оказался служитель Зала Наказаний, его товарищи не могли не знать, что на Валене висят защитные сокровища исключительного — среди тех сокровищ, что потянет практик двух цветов — качества. Что у него есть Фантомный Крюк. И что радиус

действия устрашающих фантомов не так уж велик. Увидев, что мальчишка готов драться как загнанная в угол крыса, они решили вынудить его пустить в ход защитные сокровища волной сильных техник. Уклоняться ведь он не сможет, пока прикрывает сестру! Ну а затем без лишнего риска закидать атаками с расстояния или просто подождать, пока сокровища не истощат его духовную энергию, и он не рухнет сам.

И, конечно, они ожидали, что Вален контратакует их. Практик, у которого есть хоть немного смелости, в такой ситуации положится на свою защиту и за время её действия попытается выбить побольше врагов. Сейчас лишь нужно, чтобы они не заподозрили подвоха в такой странной атаке — по летающему мечу, устремившемуся на каждого из них. Вместо того, чтобы сосредоточиться на одном. Ведь если неприятель делает нечто бессмысленное — возможно, ты просто не понимаешь его замысел.

Потому, когда клинки преодолели половину расстояния до целей, Вален сделал жест и каждый из них окружило с полдюжины иллюзорных дубликатов, созданных техникой Призрачных Мечей. Вот это уже больше походило на атаку, имеющую надежду попасть. Вален намеренно активировал технику чуть раньше, чем было бы идеально для протыкания неприятелей. Практик, не успевающий по убийственному намерению владельца распознать настоящий меч в рое иллюзий, может ещё успеть уклониться Лёгким Шагом. Вален хотел, чтобы противники не пытались уклоняться. А пытались отбить его летающие мечи, не отвлекаясь от создания новой волны техник. Это желание сбылось на три четверти: гуай-олень в последний миг исчез.

А затем Вален ослеп и оглох от грохота, когда атаки обрушились на него. Если бы не барьер, созданный кольцом Наставника Оритилла на его пальце, то даже пепла и кровавых ошмётков от него не осталось бы. Но и так Вален отступил под ударом на пару шагов. Он уже не видел, как сразу три летающих меча взорвались, едва лишь враги отразили их.

Глава 15. Родственные чувства.

Алхимические бомбы, которые делал Вален и встраивала в его летающие мечи Люме, были довольно мощными. Сравнимыми по силе с одиночной огненной стрелой техники Вспышки. Но лишь культистка в красном отбила меч голой рукой — и даже так он взорвался на некотором расстоянии от тела. Двое других парировали оружием. У Валена было время на эксперименты. Он успел убедиться, что взрывы очень быстро теряют силу с дистанцией. А также что бомбам, которые достаточно малы, чтобы не изменять полёт меча и не излучать заметной ауры, вообще не хватает убойной мощи. В конце концов, одиночная огненная стрела Вспышки может серьёзно ранить практика двух цветов прямым попаданием, но вряд ли убьёт. Если практик не конченная посредственность, или не успел вымотаться, то вряд ли даже сразу выведет из боя.

Так что после возвращения из Трёхсотлетнего Чистилища Вален закупил целую связку летающих мечей заурядного качества. И Люме занялась экспериментами по их усовершенствованию, на основе его идей. Результатом стали мечи-сюрпризы, которыми Вален воспользовался сейчас. Бомбы у них скрывались не в навершии, а в рукояти. Это помогало создавать осколки. Но, главное, теперь бомбы были окружены смесью из смол, добытых в чистилище. И когда смесь сгорала от взрыва...

Едва Вален выскочил из-за валуна, расколовшегося о созданный кольцом на его пальце барьер, как увидел, что двое из четырёх врагов лежат на земле, скрючившись в кровавом кашле. Рыжий дым, который они невольно вдохнули, был в чём-то опаснее полученных ими ожогов и ранений. Самое коварное в нём то, что когда ты пытаешься выхаркать собственные лёгкие — ты не можешь проглотить пилюлю, способную очистить тело, отчасти восстановить силы или начать исцеление.

К сожалению, на земле лежали только двое. Практик-человек в белом халате покрылся оболочкой из серого камня и выглядел как ходячая статуя. Его движения стали медленными даже для простого смертного с серым ядром, но взрывы и яд не нанесли ему никакого видимого вреда. А практик-гуай, успевший выскочить из-под удара...

Он появился в стороне и махнул рукой, посылая летающий меч в цель. Целью этой был не Вален, а Вальтия. Отчаянный прыжок — и Вален оказался на пути меча. Тот бессильно отскочил от бледно-голубой плёнки волшебной силы, окружавшей тело и одежду. Кольцо Наставника Оритилла работало превосходно. Появись тут не четыре, а четыре раза по четыре таких культиста и примени они формацию для совместной атаки, они всё равно не смогли бы проломить его барьер. Проблема состояла в том, что барьер не продержится дольше пятнадцати секунд. И по их завершении Вален, скорее всего, свалится мешком от духовного истощения. Невелика проблема, пока остаёшься на людях в Секте Шести Печатей, когда важно лишь пережить первое нападение убийцы. Но здесь, где помощь задержится ещё неизвестно насколько...

Вален уже потратил четыре секунды, если не пять.

Гуай-олень снова сместился Лёгким Шагом и метнул в Вальтию новый меч, появившийся из его пространственного кольца. И снова Вален едва успел стать живым щитом для сестры. План гуая был понятен — не лезть в бой с временно неуязвимым противником, а сковать Валена атакуя Вальтию. Барьер и силы Валена кончатся куда раньше, чем она освободится от Оков Зеффара! И это даже если практик элемента Земли, в его каменной броне, не доберётся до неё прежде.

Ещё одна секунда потрачена, но больше плясать под чужую дудку Вален не собирался. Звон в ушах и разноцветные пятна в глазах в основном исчезли, его предвидение вновь работало. Не успел гуай в очередной раз сместиться Лёгким Шагом, как обнаружил прямо перед

собой приближающийся меч Валена, в окружении десятка фантомов. Обычный летающий меч. Дело в том, что разработка, проверка и создание мечей-сюрпризов нового образца требовали времени. Люме пока сделала только пять. Три взорвались, один улетел далеко и сейчас возвращался, повинувшись жесту Валена.

Общеизвестный признак глубокого постижения Лёгкого Шага — способность применять его много раз подряд. Теоретически эта техника не требовала времени на «перезарядку», проблема, помимо накопления усталости от чрезмерного использования, была в возможности потери ориентации и нервах. Мало какой практик может уверенно применить технику перемещения, способную искалечить и убить его самого, не убедившись сперва, что перемещается куда нужно. Настоящие мастера, судя по книгам, порой делали десятки Лёгких Шагов подряд. Гуай-олень на настоящего мастера не тянул, но был весьма неплох. Он вовремя скакнул прочь, не принимая атаки.

Вот только и Вален очень далеко ушёл от своих первых, робких Лёгких Шагов. До сих пор он изучил лишь четыре техники, и лишь две из них были боевыми. Мало для практика уже довольно давно прорвавшегося на второй цвет и достигшего завершённости формирования воли. Зато уровень владения каждой из техник был действительно незаурядным. Едва гуай-олень завершил Лёгкий Шаг, как увидел перед собой Валена, замахвающегося для удара.

Он исчез вновь, когда меч-сюрприз был уже на волосок от шкуры. За следующие три секунды Вален и его противник переместились Лёгкими Шагами больше дюжины раз, словно исчезающие и появляющиеся призраки. Гуай-олень успел достать меч из пространственного кольца, но не парировал им удары Валена. Проницательный ублюдок! Пару раз Вален пытался просто столкнуться с ним в середине их Лёгких Шагов, надеясь, что его самого защитит барьер, а от врага останется только оленьё рагу. Но гуай был слишком быстр, смещался слишком далеко с каждым применением техники, слишком чётко читал его намерения.

А всё же не сумел угадать, что Вален сделает, едва лишь второй оставшийся меч-сюрприз вернётся в его руку. Вален начал мах ещё уходя в Лёгкий Шаг. А когда он с гуаем опять появились в шаге друг от друга, два взрывающихся меча в его руках столкнулись.

Бабах! Вален вновь ослеп и оглох на миг. Основная сила взрыва, конечно, пришлась на него. Но жар и ударную волну блокировал барьер от кольца Оритилла. С ядовитым дымом справилось второе выданное ему защитное сокровище — талисман на его шее. Лишь шум и вспышка доставили проблем.

А вот гуай-олень, не успевший активировать новый Лёгкий Шаг, отлетел прочь и покатился по траве. Его шерсть дымилась, халат мгновенно превратился в кровавые лохмотья, один глаз вытек, меч вырвался из руки и упал в стороне.

Недостаточно, чтобы наверняка свалить практика, но добивать его не было времени. Боковым зрением Вален видел, что культист в каменной броне уже в паре шагов от Вальтии, уже замахивается для удара гигантским гранитным молотом, появившимся в его руках! Снова Лёгкий Шаг, хотя обе ноги теперь пронзала боль. Вален знал в теории и уже убедился на практике, что доживающий последние секунды барьер не только очень прочен, но и придаёт его телу большую меру устойчивости. Пора проверить, насколько большую.

Прежде чем культист успел сделать ещё один шаг и нанести удар, Вален появился прямо перед ним, выставив раскрытые ладони вперёд. Они столкнулись с грохотом, немногим менее гулким, чем звучавшие только что взрывы. Ноги Валена ушли в землю до середины голени. Но тяжеловесный разбег культиста не просто был остановлен — его отбросило на шаг, он утратил равновесие. По серому каменному панцирю побежали бесчисленные трещины, от оставшихся на груди отпечатков ладоней. Начали отваливаться куски.

Не было времени дожидаться, пока защитная оболочка, созданная техникой Земли, исчезнет полностью. Уже бросаясь наперерез каменному гиганту, Вален позвал к себе свой обычный летающий меч. Он прилетел вовремя, Вален как раз успел высвободить ноги из земли.

Стремительный рубящий удар обеими руками прошёл через потрескавшуюся каменную броню и мгновенно отделил голову культиста от тела!

— Зеффар ждёт! Агхкхакха...

Упорство гуая-олени не уступало его боевому искусству. Он выглядел так, что краше в гроб кладут, после двух слов всё тело содрогнулось в судороге кровавого кашля, но он сумел подняться на ноги и сложить пальцы в сложную фигуру. Оставшийся глаз вспыхнул алым огнём — и кровь, текущая изо рта и носа, вдруг превратилась в клубящийся кровавый туман. Туман же за один миг свился в змеящееся багровое облако, которое понеслось к Вальтии.

Едва оно сорвалось с места, как пущенный Валеном летающий меч пробил сердце гуая-олени. Только тот и так уже оседал на землю, истратив все силы на последнюю технику. Скорость кровавого тумана ничуть не уменьшилась, облако не стало терять форму. Лёгким Шагом Вален преградил ему путь...

...и едва не рухнул на колени, когда его объяла чудовищная слабость. Окружавший его барьер исчез. Защитное кольцо вытянуло почти всю духовную энергию хозяина и отключилось. Вероятно, с ним отключился и талисман, очищавший тело от любых ядов, болезней и паразитов. В лучшем случае, он сейчас работает на одну двадцатую от своей обычной эффективности. А кровавый туман почти наверняка является именно ядом.

— Уворачивайся, дурак! — нечеловеческим голосом закричала Вальтия. Она сумела повернуть голову достаточно, чтобы видеть происходящее.

Мысли Валена двигались на порядок быстрее, чем его тело. Уворачиваться? Неплохой совет. У Вальтии на два цвета выше, её родной элемент Огня выжигает яды из тела, чего бы не позволить именно ей ловить эту атаку лицом? Вот только её духовная энергия сейчас полностью подавлена. Кровавый туман — это не просто ядовитая техника, это явно техника Воды, которая гасит Огонь. А главное, как ты тут увернёшься, если ноги вполне буквально не идут? Упасть лицом вниз и пропустить атаку над собой?..

Вален был для этого уже слишком занят, поспешно запихивая в рот все пилюли антитоксина, которые успел достать из пространственного кольца. В следующий миг багровое облако налетело на него и немедленно впиталось в кожу.

Надо сказать, боли Вален почти не почувствовал. Его разум помутился прежде, чем тело зарегистрировало её.

Ясность ума имеет ключевое значение для практиков. У них не бывает галлюцинаций и бреда... если, конечно, не брать случаев, когда духовная энергия истощена до предела, а тело поставлено на самую грань смерти.

Сюрреалистические картины сменяли одна другую в мозгу Валена. Алый гигант с пылающими крыльями, вздымающимися выше горных вершин. Глыба льда, единственное светлое пятно в вечном мраке, висящая на чёрных цепях. Облако в небе в формах которого угадывалось смутное узнаваемое лицо — лицо, преисполненное любви и одобрения. Повелитель в тёмно-багровых одеждах, на троне окружённом горами золота и горами костей. Луна, зловещая и угрожающая, словно скалящийся в небесах череп. Дьявольская лиса ростом с гору, окружённая роем из воющих душ. Глыба льда, единственное светлое пятно в вечном мраке, висящая на чёрных цепях. Маленький чёрный паук плетущий свою паутину в тёмном углу и большой белый паук, нависающий над маленьким. Ангел из золотого света, парящий над семью разноцветными огнями. Чёрное солнце, окружённое языками багрового пламени, столь пугающее, словно зловещая луна лишь отражала испускаемый им ужас. Глыба льда, единственное светлое пятно в вечном мраке, висящая на чёрных цепях. Кукла с застывшим в вырезанной улыбке лицом, ведущая за собой армию кукол. Алые сколопендры, кишачие в развалинах величественной крепости. Исхудававший лев, чьи глаза не видят свежих окровавленных туш вокруг. Глыба льда, единственное светлое пятно в вечном мраке, висящая на чёрных цепях.

Уютный маленький домик, ожидающий заплутавшего в ночи путника — и ждущий за его дверью устрашающий мертвец в древних доспехах. Чудовищная длань, подобная потоку бурлящей грязи, тянущаяся из бесконечности к пульсирующему хрустальному сердцу. Небесная Река... нет кровоточащая рана в плоти ночного неба, кишащая фосфоресцирующими насекомыми.

В общем, Вален предпочёл бы очередную встречу со своим двойником. Тот, наверное, просто стал бы обвинять его в идиотской жертвенности. И это несмотря на то, что все действия Валена, ну, не считая изначального просчёта при оценке возможности покушения, были целиком рациональны и просчитаны!

Но на этот раз Вален двойника не увидел. Вместо этого он почувствовал нарастающий жар. Он что, вправду мёртв и на нём накопилось достаточно грехов, чтобы его душа угодила в руки Хозяина Чистилищ, как предупреждают последователи Древних Божеств?

А затем глаза Валена открылись. И он понял, что жар исходит от ало-золотого свечения, окружающего его распростёртое на траве тело. А свечение стекало с ладоней склонившейся над ним Вальтии. Она выглядела невредимой — и рыдала как последняя смертная девчонка. Слезы падали бы прямо на Валена, если бы не испарялись в создаваемой техникой свечении. Едва она заметила, что Вален вдохнул глубже и его глаза открылись, как её лицо исказилось ещё сильнее:

— Братик, ты идиот! Совсем свихнулся??! Принять на себя такую технику!

В голове у Валена стало яснее, а вот тело оставалось до невозможности слабым. Предельное истощение духовной энергии техники и даже пилюли — кроме пилюль опасных — так просто не снимали. Слова дались с трудом:

— Ну видишь же, всё кончилось хорошо.

Объяснять, что если бы яд свалил её саму, то культист четырёх цветов перед смертью несомненно добил бы его, Валена, одним щелчком, не было сил. Да и неразумно. Пусть себе верит в большую братскую любовь. Люме он тоже не стал разубеждать в доброте своего сердца...

Тут Вальтия сжала его в объятиях с такой силой, что едва не захрустели кости. Лишь сейчас Вален осознал изменение в её ауре.

— Пять цветов?

— Я... мы... хнык, хлоп... я прорвалась несколько лун назад. Думала, если что, сниму ограничение, подниму цвет за пару движений! Но... ноооо та техника была слишком быстрой! Извини, извини Вален!

Ага. Стоило догадаться раньше. Но он счёл предположения Вальтии и Юбериса изначально неверными, потому и не особо раздумывал о том, что придаёт сестре абсолютную уверенность в способности отбиться от последователей Зеффара. Если у неё в действительности не четыре, а пять цветов, то, при её таланте, никто ниже Наставников Секты Шести Печатей с ней даже рядом не стоит.

Вот если бы она ещё не затягивала своё представление, надеясь выманить всех убийц...

—Ничего. Извиняю, — Вален обнял её в ответ. Всё равно, что обнять ожившую статую, не тело, а сплошной металл. — Просто, знаешь, в будущем больше уважай наших врагов.

В небе замелькали вспышки, ауры практиков на летающих мечях. В секте проснулись, наконец-то. А ведь с момента, когда Вальтия подожгла полгоры уже прошло как бы не минут пять. Возможно куда больше, смотря сколько он валялся под действием яда. Оритил там, случаем, не решил предоставить культистам Зеффара возможность избавить его от головной боли? Очень вряд ли. Скорее, кто-то спал на посту.

— Сестра, одна просьба, — быстро зашептал он ей на ухо. — Говори всем, что это ты сама прикончила всех врагов. А я был бесполезен.

— Низший сообщает: всё было исполнено согласно приказу великого повелителя.

— Я уже знаю.

В разговоре, который на самом деле не является разговором, возникает некоторая пауза. Наконец, повелитель обращается к подчинённому:

— Я чувствую запах сомнения в твоих посланиях. Ты не уверен, стоило ли приносить в жертву всех известных нам собратьев-Последователей в Секте Шести Печатей. Особенно когда эта жертва не должна была увенчаться успехом

— Низший недостойн рассуждать о таких вещах.

— Не хитри и не прибедняйся сверх меры. Отвага этих шести, как и тех пятнадцати, что пожертвовали свои тела, духовную энергию и ядра ради увеличения мощи старших собратьев, даруй им всем покой и забвение неотвратимый Зеффар, не пропала зря. Когда оставшиеся Наставники найдут все трупы, они решат что их драгоценная секта на время свободна от нашего присутствия. Что проникшие в неё Последователи все до единого принесли себя в жертву ради попытки отсечь наследование Печати Личины. И не заподозрят меня в критический момент. Тогда, вместо негарантированной — да, она не гарантирована — возможности вернуть владыке один похищенный аспект, мы достигнем всего и сразу. Понял теперь? Хорошо. Жди дальнейших указаний. Зеффар спит.

— Зеффар ждёт!

Глава 16. Мечты о невозможном.

Вальтии понадобилось некоторое время, чтобы перестать отводить глаза от Валена. Ну ещё бы — слух о том, что гений нынешнего поколения, взрослая женщина, в конце концов, утратила всякое самообладание и рыдала как девчонка над раненым братом, уже наверняка обошёл всю секту. Такая реакция даже начала смущать самого Валена. Так глядишь, Люме поймёт всё неправильно и станет ревновать. Он видел — лиса и так уже ищет достойного повода закатить скандал его взбалмошной сестре. Неудивительно, учитывая опасность, в которую та вовлекла его. Конечно, горе и раскаяние сестры были слишком неподдельными, чтобы сразу же осыпать её обвинениями. Вот потому-то и требовался повод.

К счастью, на людях Вальтия теперь вела себя очень вежливо и никаких поводов для враждебности больше не давала. Да и при общении с Валеном один на один в ней теперь чувствовалось искреннее дружелюбие. Это не помешало ей прямо спросить — с какой это стати Вален не желает, чтобы о его подвиге стало известно?

Тогда, в долине, она без разговоров выполнила его просьбу. Даже превратила тело гуая-олени в пепел, якобы в приступе гнева. Двое практиков, сражённых мечами-сюрпризами в самом начале, выглядели жертвами взрыва. Когда тела обследуют и выяснят, что их добил яд, кто усомнится в способности Вальтии применить какую-нибудь технику площадного поражения с подобным действием? А вот гуай явно прожил некоторое время после ранений и убил себя собственным волшебством — очень странно для практика двух цветов, которого атаковала гений четырёх, то есть, даже пяти.

Вальтия понимала, что на вопросы и уточнения нет времени, когда практики Зала Наказаний уже видны простым глазом. Но вопросы у неё, конечно, возникли.

Подходящие ответы Вален заготовил ещё в первый день её приезда в гости. Теперь подкорректировал, с учётом произошедшего и того, что в искренности её чувств сомневаться больше не приходилось. Но лишь подкорректировал. Известное Вальтии станет известным Юберису Юону. Согласно словам Кантоса, Юберис поддерживал Кайлео в его разногласиях с партией Оритилла. А потом неожиданно прекратил свою поддержку, благодаря чему Вален и оказался в своей нынешней незавидной ситуации. Выдавать такому гуаю свои тайные планы? Ищи дурака.

Потому ответы Валена касались истины лишь одним боком. Его подозревают в одержимости — совершенно необоснованно! Он боится, что демонстрация необычайной силы увеличит подозрения. Всё-таки, даже с высокочлассными защитными сокровищами перебить в одиночку четырёх равных по цветам, но превосходящих по звёздам таланта практиков, тёмным ритуалом временно повысивших свою духовную энергию, трое из которых вдобавок оказались существенно старше и опытнее — это редчайший подвиг. Для такого нужно либо совершенно исключительное везение, такое везение, в которое искушённые Наставники не поверят... либо умение, какое не объяснишь боевой закалкой, полученной за год с лишним приключений во внешнем мире.

К тому же, ему грозят убийцы. Как выяснилось — грозят сильнее, чем он сам думал. Враги даже скрывались среди служителей Зала Наказаний. Культист Зеффара оказался в числе пары, следившей за Валеном. Он убил собрата по Залу предательским нападением. Что же делать практику, окружённому скрытыми врагами, как не прятать свои способности, не держать наготове скрытый козырь?

— Брат, ты не думаешь, что тебе будет безопаснее в Секте Грозового Пика?

Вален задумался — хотя и размышлял об этом заранее. Юберис Юон, Досточтимый Грозовой Пик, имел репутацию практика прямолинейного и своевольного, решающего любые про-

блемы ударом кувалды. Но история с передачей сообщения через Вальтию рисовала портрет хитроумного интригана. А контраст между двумя этими образами раскрывал утончённое двуличие. Оказаться в руках такого гуая — большой риск. Конечно, лучше быть в руках возможного врага, чем врага доказанного. Но это при условии, что выбирать можно свободно.

— Ты действительно можешь меня вытащить в Секту Грозового Пика?

Вальтия всерьёз задумалась. Вероятно, прикидывала какие у неё шансы запугать всех гневом своего учителя. А если не всех, то, хотя бы, охрану главного зала телепортационной формации. Её лицо помрачнело.

— А Наттара с Люме заодно? — уточнил Вален.

— Ты очень великодушен, брат. Неблагодарный практик о них вообще бы не вспомнил, — она вздохнула. — Ты спросил правильно. Вряд ли тебя отпустят со мной. Тем более — тебя и целую компанию. Я... я считаю Досточтимого Юбериса за отца. Он спас мне разум, учил меня всему, что мне по силам выучить и всегда обращался со мной хорошо. Что ещё ученица вправе требовать? Но он — строгий учитель, который не потакает прихотям своих учеников и больше всего ненавидит, когда свои желания они пытаются прикрыть его именем. Если я уташу тебя с собой, сделав вид что такова его воля, он может вообще вернуть тебя обратно.

Вален вздохнул. Вальтия протянула руку, коснулась его плеча:

— Не слишком волнуйся, брат. Учитель называет Оритилла робкой бледной обезьянкой в жёлтом халате. Если Оритилл не тронул тебя до сих пор — то просто так не тронет, если ты его не напугаешь. Будет подгадывать идеальный случай, наибольшую выгоду. Особенно теперь. Он же увидел, что мы настоящие брат и сестра, так? А значит носительница Печати Личины не спустит ему с рук твою смерть, даже если...

«Даже если мама погибнет во время прорыва,» мысленно закончил Вален. Потёр лоб.

— Знаешь, ты сказала, что культивируешь так усердно, чтобы совершить невозможное. Избавить маму от Печати Личины. Мне вот хочется совершить ещё более невозможное. Избавить мир от Зеффара вообще. От Печатей и меток, от культистов, жертвующих собой, чтобы убить нас лишь за то, что мы родились, от всего этого безумия.

Он ожидал, что Вальтия его высмеет. Или хотя бы посмотрит со снисходительной жалостью, как на ненормального. Но выражение лица сестры осталось совершенно серьёзным:

— Брат. Нынешний ты способен на подобное желание. В смысле, ты способен сказать такое и не кривить душой. В тебе есть задатки великого практика, который не сломается на первом шаге по этому пути, понимаешь о чём я? Но послушай. Когда-то и я желала обрести силу, способную стереть Зеффара из мира. Но Учитель Юберис однажды сказал мне: если я действительно хочу бросить вызов Зеффару, если я хочу совершить нечто настолько невозможное, сперва я должна превзойти его самого. Превзойти в культивации вообще, не просто развить одну определённую способность, которая зайдёт дальше в одной определённой сфере, чем когда-то зашёл он. Он учит меня уже восемь лет. И с каждым новым днём я — я! — всё острее понимаю: превзойти Учителя невозможно.

— Вообще всё это невозможно, — мрачно сообщил Кантос. — Попался!

В комнате у него имелся низкий столик из отполированного дерева. Они с Валеном сидели на коленях перед этим столиком, а ладони Валена лежали на лакированной поверхности. И одну из них сейчас накрыла массивная лапища Кантоса.

— Если простой разговор способен отвлечь твоё внимание, смутить предвидение, не дать отдрнуть руку вовремя, как же ты собираешься замечать убийц, подкрадывающихся в ликующей толпе или на весёлой вечеринке? В следующий раз красотки-сестры рядом не будет.

— Стоило раньше обратить внимание на этот мелкий недостаток в моей подготовке, старший, — ядовито заметил Вален.

— Не дёргайся, младший. Это не фундаментальная часть формирования чувств. Скорее, навык, приобретаемый лишь с достаточным опытом, — Кантос убрал свою руку. — Расслабься. Сохраняй бдительность, не теряя нити разговора.

— Ага. Нить разговора. Так что «невозможно»? Уничтожить Зеффара?

— Это и всё, чего желает Вальтия. Клянусь предками, все её таланты ушли в красоту, на ум ничего не осталось. Попался!

Вален начал отдёргивать левую руку, но движение было слишком медленным. Со звучным шлепком, его ладонь припечтало к столу.

— Но как же...

— Никак! — Кантос развёл руками. — Юберис наврал ей с три короба! Он не менял волшебных правил Печатей! Это ещё не удавалось никогда и никому. Просто его сила стала такой невпугливой так быстро, что Наставники обосрались, позволили ему послать всё к Зеффару! Пустили его брата на наследование Печати Языка. Ну а с её переходом, метки у прошлого поколения наследников сами собой исчезли. В том числе и у Юбериса.

— Я слышал...

— Следить за мной и моими намерениями не забывай.

Вален выдохнул и заговорил спокойнее:

— Я слышал, что метка не просто переходит к достойнейшему, когда Наставник вдруг умирает. Я слышал, что обычно достойнейший определяется на Испытании Наследования.

— Вся секта, не считая маленьких детей, беспамятных, и тех, кого ребёнком отдали Досточтимому, слышала. И?

— Но ты слышал больше.

Хлоп! На этот раз ладонь Кантоса ударила по голому столу. Вален криво усмехнулся:

— Уж очень уверенно ты судишь о наследовании.

— Руку верни на стол! — теперь Кантосу пришлось выдохнуть и успокоиться. Вален впервые видел, чтобы его львиный хвост нервно подёргивался.

— Да, я знаю всё о наследовании Печатей. Арама мне рассказала. А после того, как она это сделала, Совет Наставников голосовал — стоит ли убедиться, что я не разболтаю секрета, оттяпав мне язык вместе с башкой. Вышло три голоса против трёх. Как лягут голоса сейчас, сам можешь прикинуть.

— Совету обязательно знать?

— Мне обязательно держать слово, данное Наставнице. Особенно если нарушать нужды нет.

Хлоп! На этот раз Кантос успел поймать лишь пальцы Валена. Фыркнул и продолжил:

— Для объяснения достаточно и того секрета, который почти не секрет. Да, если Наставника пришьют в случайной битве, Печать пойдёт к тому, у кого больше цветов и таланта. «Достойнейшему», да. Но Испытание Наследования обычное правило обходит.

— И Испытание Наследования — это ритуальный поединок родителя и ребёнка? Как тот, на котором мама убила Вальдора Вена?

О таких вещах в Секте Шести Печатей не говорили открыто. Но всё же говорили. Валену рассказали Нарлано и Нарелла. Если знали внешние ученики, пришедшие в секту извне, то знали почти все. Вопрос был риторическим. Кантос молча кивнул. Потом вздохнул и добавил:

— Раз ты такой умный стал, то сам знаешь — обычно и Наставник и ученик уходят с поединка на своих ногах. Я тебе могу показать не меньше дюжины наследников, которые ушли, включая пару моих единокровных братьев. Но если из Наставника уже песок сыплется, или Печать его совсем доконала, как Вальдора в своё время... ну, ты понял. Способ, которым Юберис крутанул систему на своём копье, ты тоже теперь знаешь. Но важно не это, важно, что он наврал Вальтии!

Хлоп! Вален поморщился. Удар, снова припечатавший его ладонь к столу, вышел довольно болезненным.

— Но если сказать ей правду... — не успев договорить, Вален сам понял, что предложение идиотское.

— Она влюблена в своего «Учителя» по уши. Если сам ещё не заметил, то поверь моему опыту — это можно почуять каждый Зеффаров раз, как она говорит о нём.

— Но зачем Досточтимому ложь?

— Спроси его самого, если сможешь, мне откуда знать. Может, считает, что погоня за невозможной мечтой подтолкнёт её культивацию.

— А эта мечта вправду невозможна?

Кантос испустил преувеличенный вздох. Всплеснул руками.

— Вален, знаешь, зачем в «Начальном наставлении Досточтимого Золотые Одежды» написано, что культивация духовной энергии бросает вызов природе, судьбе и самому Небу? Зачем старейшины сект так любят перепечатывать именно это наставление? Затем, что красивые слова дают наивным мальчишкам и девчонкам силу бороться с трудностями. Но ты серьёз думает, что красивыми словами можно поменять мир? Что-то они не помешали Зеффару сожрать самого Досточтимого Золотые Одежды. И они не помешают Зеффару однажды сожрать всю Нотеру! Шесть Печатей лишь откладывают неизбежный конец этого долбаного света. Если немного пошевелишь мозгами, то сам поймёшь: нет такого рода, который рано или поздно не прервался бы, а значит, запечатанное когда-нибудь вернётся к хозяину.

— Говоришь почти как культист, — полушутливым, полусерьёзным тоном ответил Вален.

— А то ты много с культистами говорил? Встретил пару обдолбанных пилюлями, у которых в голове не осталось ничего кроме «Зеффар ждёт!», и считаешь себя знатоком. И вообще, раз желаешь доказать, что я тут чушь несу, то давай, руки на стол. Сперва попробуй по ним не получать, а потом уж рассуждай о том, как совершить невозможное.

— Но насчёт Вальтии... — Вален закончил потирать левой рукой правую и протянул обе по лакированной поверхности стола.

— Что насчёт Вальтии? Хочешь, так валяй, раскрой ей страшную правду. Заранее скажу её ответ: она заявит, что я, дескать, чего-то не знаю, или не до конца понимаю, или не посвящён в детали той истории. Потому, что Юберис Юон — Досточтимый и был Досточтимым, когда я, вшивая четвёрка, ещё из брюха матери не выполз. А официальная летопись секты про такие вещи вообще молчит и сослаться на неё я не могу. Если не хочешь раскрывать — просто заруби на носу, что Досточтимый Грозовой Пик может врать даже личной ученице.

— А ты как думаешь, под силу ли мне совершить то, что практики считают невозможным? — поинтересовался Вален у Люме.

Они сидели на растрёпанной постели, после того, чем мужчина и женщина обычно в постели занимаются, и попивали чай.

— Поглядел на свою дёрганую сестрицу и задумался, сможешь ли догнать её когда-нибудь? — Люме сделала вывод на основе доступной ей информации.

Вален неопределённо пожал плечами.

Люме нежно взяла его за палец. Тот, на котором Вален носил деревянное кольцо с её волосом.

— Я всю жизнь считала невозможным, что кто-нибудь, когда-нибудь может поверить другому практику, тем более лисе, до такой степени, чтобы носить подобное кольцо. Вот тебе и ответ. Знаешь, я сперва думала, что всё дело в моих женских чарах. Ты так забавно пытался им не поддаться! Но давно поняла, что ты просто немного безумен. Таким и должен быть вели-

кий практик, способный стать Досточтимым. Если его взгляд на вещи не выходит за пределы общепринятого здравого смысла, как он увидит путь, который не видели до него?

— Это другое. И кстати, если бы не духовная энергия, которую ты влила в меня, едва поняла, что я на грани потери сознания, то я бы, наверное, умер от яда. С твоей энергией талисман Оритилла заработал, хоть и вполсилы, нейтрализовал большую часть кровавого тумана. А я тебя за это толком и не отблагодарил.

— Вот оно как? — Люме отставила свою чашку на столик рядом с кроватью и прильнула к Валену. — Ну, если хочешь отблагодарить толком, то можешь, для начала, сделать мне массаж. А то мне тоже порой надо расслабиться, знаешь ли! Не волнуйся, я тебе расскажу и, мmmm, покажу голосом, как надо.

Позже, когда Вален уже собирался отойти ко сну, ему пришла в голову достаточно очевидная мысль.

Юберис Юон избежал наследования Печати так как был слишком силён, и его не могли заставить. Возможно ли избежать наследования, если ты слишком слаб? Отказываешься культивировать выше четвёртого цвета, как Кантос? Валену ещё предстояло проверить учеников, выходявших на Испытание Наследования и вернувшихся оттуда. Но почему-то он не сомневался, что все они будут с пятью цветами.

И если Кантос сознательно избегает шанса стать Наставником, то по какой причине? Сыновние чувства? Мечта избавиться от слепоты, когда унаследует кто-то другой? Просто нежелание брать на себя ответственность Наставника?

Любое из этих объяснений могло быть достаточным, тем более все они вместе. А всё же Валену казалось: здесь кроется что-то ещё. И судя по тому, как сурово охраняются секреты передачи Печатей, судя по тому, как не сумел Кантос сохранить свою обычную невозмутимость в сегодняшнем разговоре — что-то очень серьёзное.

И тут в голову пришла новая мысль: а не слишком ли мало уважения он проявляет к собрату и учителю? Вправду ли опытного практика, которому уже за шестьдесят, так легко выбить из колеи? Может быть, Кантос просто хотел особо подчеркнуть кое-что для него, Валена? Может быть, эти самые секреты ещё важнее, чем может показаться на первый взгляд?

Глава 17. Пути культивации.

Жизнь практика полна странностей и парадоксов. Побить человека или гуая — обычно не лучший способ наладить отношения. Особенно, среди женщин. А вот Люме первого же учебного поединка с Вальтией хватило, чтобы вполне примириться и с самим существованием последней, и с тем, что она проведёт у них остаток лунного месяца, на который ей был дан отпуск.

Впрочем, Вальтия теперь стала почти что шёлковой и если недостатки её характера ещё давали о себе знать, то только лишь в виде суровости к противникам на тренировках. Это Вален понимал. А вот решительный поворот курса Люме ему казался странным. Но от добра добра не ищут. Через несколько дней он перестал дёргаться, видя как женщины идут куда-то вдвоём.

Волна невидимой силы пробежала по горному лугу, раскидав клочья земли и заставив ещё уцелевшую траву задрожать, как под порывом сильного ветра. Тренироваться Люме теперь приходилось здесь. Когда Арама выйдет из затвора, она вряд ли обрадуется, увидев, что ухоженный сад вокруг её дома разворочен до неузнаваемости. А растения превратились в искажённые и неестественные пародии на творения природы, молчаливо умоляющие поскорее сжечь их. Как те зелёные щупальца, которыми сделались травинки, чтобы поймать копьё Вальтии на середине удара. Остриё копья тут же вспыхнуло алым и оранжевым, через треть секунды пламя превратит щупальца в пепел и окатит их создательницу губительной волной.

Но треть секунды в бою практиков трёх цветов — Вальтия, конечно, ограничивала себя до числа цветов текущего противника — это огромная потеря темпа. Люме сместилась вбок, от её запястья хлестнула лоза Удушающего Плюща, обвилась вокруг руки Вальтии, дёрнула её, выбивая из равновесия и подставляя под удар ладонью. Из которой сейчас вырвется волна невидимой силы, поражающей внутренности. Вот только Вальтия не стала сопротивляться рывку, отпустила копьё, сама устремила к Люме, встретив её ладонь сжатым кулаком.

От глухого звука, большая часть которого была за пределами человеческой слышимости, у простых смертных на полсотни метров вокруг кровь пошла бы из ушей. Ударная волна уже не прокатилась ветром, а вздыбилась фонтаном разлетающейся земли. Люме отбросило на десять шагов, она с трудом устояла на ногах. Когда пыль немного улеглась, Вальтия продемонстрировала ей сжатый кулак. Вокруг него ещё потрескивала остаточная духовная энергия.

— Я не использовала никакой техники, искусства или приёма. Просто грубую силу. Почему у тебя дрожит рука?

Люме вздохнула, разминая ноющее запястье.

— Моё боевое искусство не закончено. Или я не понимаю его до конца.

Вальтия кивнула:

— Учитель Юберис знает множество техник и стилей...

— А это правда, что он может скопировать любую технику, увидев её в действии один раз?

— Нет. Обычно ему нужно два раза. Первый для общего представления, второй для уточнения деталей. И он не копирует. Любую технику, которая достойна того, чтобы её воспроизвести, он улучшает, доводит до совершенства. Так вот, Учитель Юберис знает множество техник и стилей. По мнению Учителя, стили рукопашного боя, нацеленные на разрушение тела противника изнутри — самые эффективные, хотя и самые сложные. Не для него сложные, конечно. Но вот о мамином стиле Пяти Пальцев Смерти он высказывался... — Вальтия замялась на миг, — в общем, как о подходящем только для мамы. Знаешь почему? Нет?

Вальтия пригладила волосы:

— Попробуй, пожалуйста, своей ладонью стиля Мягкого Касания ударить по вооон тому валуну. Я думаю, это сразу многое прояснит.

Люме сперва ответила скептическим взглядом. Но в боевых искусствах Вальтия разбиралась лучше, сомневаться в этом не приходилось. Её природный талант отнюдь не сводился к меридианам и сродству с огнём. И училась она весьма усердно. Не будет вреда в том, чтобы последовать её совету.

Лиса подошла к указанному валуну, молниеносно взмахнула рукой. Земля и воздух задрожали, когда волна незримой силы, выброшенной из её ладони, распространилась по камню. Валун затрещал изнутри, наросший на его бока мох разлетелся во все стороны, земля вокруг вспучилась. От того места, куда ударила ладонь Люме, разошлась сетка мелких трещин.

— Видишь? — Вальтия возникла рядом, словно телепортировалась на дюжину шагов. Ткнула пальцем в трещины. — Я не Учитель, но даже я могу сказать: у тебя слишком много энергии, большая её часть, уходит на разрушение поверхности. Но разве весь смысл твоего Мягкого Касания не в том, чтобы передать уничтожающую волну глубоко внутрь тела противника?

Вообще-то родовой стиль Люме создательница назвала стилем Мягкой Лапки. Но Люме стыдилась такого имени.

— По сути, удар ладонью должен отличаться от тычка пальцами в узел меридианов только тем, что ладонью не надо настолько точно целиться. А, ну и он требует куда больше энергии. А ты, извини, если я говорю резко, слишком путаешь его с обычным ударом. И потому если бы я минуту назад встретила твою ладонь не голым кулаком, а кулаком в перчатке воли, то тебе раздробило бы всю кисть, а я бы осталась невредимой.

«Чего удивительного, при нашей разнице в духовной энергии,» хотела сказать Люме. Но не сказала. Вальтия была, однако, права. Не так уж давно сама Люме ощутила своё превосходство над тем мелким ублюдком в чёрном, который дважды едва не убил её в Трёхсотлетнем Чистилище — потому что его удары по узлам меридианов больше напоминали тычки ножом. Вызывавшие сверхъестественную, парализующую боль, но реальные повреждения наносившие лишь там, где пальцы физически протыкали тело. А теперь выходит, что и её собственный стиль не лишён того же порока.

— И Досточтимый Юберис видел недостаток Пяти Пальцев Смерти в том, что они путают внутреннее разрушение с простым ударом извне?

— Верно. Я, конечно, не говорю, что мама неудачно подобрала стиль. Стили и техники хороши или плохи не сами по себе, а в сочетании с практиком, которому они подходят или не подходят, Учитель это не раз повторял. Просто ты, Люме... ты не обидишься, если я выскажу суждение о твоём стиле?

— Если обижусь, то потерплю как-нибудь, — мило улыбнулась Люме.

Вальтия несколько секунд пристально смотрела на неё, словно пытаясь понять, какова здесь доля шутки, а потом сказала:

— Так вот: твой личный стиль совсем не полагается на грубую физическую силу, только на внутреннее разрушение. Встречать удар ударом для тебя — ошибка в принципе. Но если бы твой удар ладонью был поставлен как надо — то я бы сейчас залечивала пилюлями взорвавшееся изнутри предплечье.

Хвост Люме произвольно дёрнулся, но в конце концов она вздохнула:

— А о способах натренировать это «как надо» тебе учитель не говорил? Руководства, что я нашла в Зале Записей... возможно, мне просто просветления не хватает, но от них только головная боль.

— Значит суть в том, чтобы тонко ощущать цель, её тело, её духовную энергию, её ауру? — уточнил в тот вечер Вален, когда они разговаривали на кухне. — И тогда выброс твоей собственной энергии будет ветром, создающим разрушительную волну, а не ветром, без толку бьющимся о камень? А обычный удар ладонью сможет убить врага куда надёжнее, чем техника,

требующая в десять раз больше энергии? Боюсь, всё это слишком сложно для меня. Хотя, немного напоминает одну недавнюю идею.

— Это какую же? — поинтересовался Наттар.

Вален поднял со стола чистую ложку:

— Сейчас почувствуешь. Лови удар.

Он взмахнул ложкой легко, удерживая её лишь пальцами. Конечно, Наттар без труда защитился ладонью. Но тут же сморщился, отдёргнул руку:

— Больно! Аж в кости отдалось!

Вален коварно улыбнулся:

— Думал, что на ложке простая оболочка из воли и духовной энергии? Я вот сперва пытался окружить волей целый меч, но понял, что на двух цветах не потяну. Слишком велика потеря энергии, если пытаться растянуть оболочку дальше чем на пару ладоней от кожи. Меньше, чем если создавать лезвие из чистой энергии, но всё равно слишком велика. Но если сосредоточиться, я могу заставить барьер или оружие вибрировать. Сам почувствовал — вибрация очень неприятно отдаётся в тело противника.

Вальтия покачала головой:

— Изобретательно. Но брат. Если бы это было ещё и эффективно, то Учитель бы про такое упомянул, когда я проходила формирование воли.

— Да, — признался Вален. — Пока затраты духовной энергии и усилия на концентрацию не стоят результата. Но это пока. Я только-только начал осваиваться с этим.

Вальтия ничего не сказала, но позволила своему лицу выразить скептицизм.

Кантос усмехнулся:

— Сестра-соученица Вальтия. Досточтимый Грозовой Пик невероятно талантлив. Но ты же не думаешь, что разум одного лишь гуая способен постичь все возможные пути культивации? Всё-таки, у нас тут за столом сидит живое доказательство того, что закалка тела, считающаяся в Секте Шести Печатей идеальной, потому, что на ней прорвался к первому цвету Юберис Юон — ещё не предел.

Вальтия поджала губы, и на миг вновь вернулась к своему облику ледяной принцессы с немигающими серыми глазами. Но потом её взгляд смягчился и она кивнула:

— Действительно. Учитель много раз говорил, что даже ему не под силу постигнуть всё многообразие форм культивации, тем более повторить их. Всегда остаются отклонения, особые свойства тела или ядра, уникальные просветления. Если б было иначе, то моя собственная мечта была бы тщетной. Извини, Вален, — она виновато склонила голову, — надеюсь, из твоего совершенствования воли ещё выйдет толк.

— Да ничего страшного. Кстати, а что ты думаешь о техниках моей дорогой Люме?

Вальтия покосилась в сторону самой Люме:

— Они хорошо подобраны и освоены. Немногие практики могут применить Лесного Повелителя, коснувшись травы лишь ногой и без заклинания. Я... Люме, я не берусь советовать, стоит ли тебе взяться за изучение сильной техники трёх цветов или дальше работать над теми что есть. И над боевыми искусствами. Могу разве что рассказать, как твои техники сочетаются друг с другом у одной моей подруги в Секте Грозowego Пика. А вы что думаете, старший Кантос?

— Я думаю, что лучше бы нам на ты, всё-таки, я старше тебя только по годам и по опыту, но не по цветам. А кроме этого... — Кантос побарабанил пальцами по столу, изображая задумчивость. О таком сложном вопросе он, конечно, подумал заранее и даже обсудил с Валеном, просто Люме своих выводов ещё не сказал.

Естественно, далеко не все техники можно было выучить сразу, на первом цвете. Практики невысокого полёта обычно считали, что чем выше у техники требования по цветам и духовной энергии, тем она эффективнее в бою. В этом суждении было сразу два недочёта,

которые могли стать опасными ошибками. Во-первых, они путали «эффективнее» с «мощнее». Забывая о том, что тем же Лёгким Шагом, на самом базовом его уровне, можно легко уклоняться от техник, способных обращать скалы в пыль — и требующих неизмеримо больше духовной энергии. Среди чисто атакующих техник корреляция между мощностью и эффективностью была, конечно, выше. Но не абсолютной. Потому что, и это во-вторых, помимо цвета, на котором можно начать освоение техники, играла роль и степень её освоения. Как там говорилось в «Начальном наставлении»? «Даже самая простая из истинных духовных техник подобна мировому океану — глубины её темны и бездонны». Как пример: Солнечное Копьё Вальтии, способное превратить целый горный склон в огненный ад, изначально было техникой всего двух цветов. Да и его исходный вариант, по словам сестры, являлся ответвлением базовой одноцветной Вспышки. «Начальное наставление» не ошибалось, разве что чуть преувеличивало. Другие наставления и учебники высказывались не столь решительно, но все до единого предупреждали: опасно гоняться за новыми техниками, в ущерб тщательной отработке старых.

Люме владела пятью техниками — можно сказать, нижняя планка приемлемого, для её цвета, возраста и таланта. При этом, она весьма неплохо их освоила — раз уж её хвалит Вальтия, привыкшая к высочайшим стандартам Секты Грозного Пика. Вдобавок она была ещё и опытной создательницей сокровищ, да и боевые искусства изучила до уровня, который только гению мог показаться недостаточным. Вроде бы, пора браться за новую технику трёх цветов?

Кантос был несогласен:

— Люме. Ты уже взрослая девочка, можешь выбирать сама, но я бы посоветовал не учить новых техник, пока ты не дойдёшь хотя бы до среднего этапа внутреннего единства. Скоро твои навыки управления духовной энергией сильно изменятся. Требования к техникам, которые сейчас кажутся удушающими, могут стать плёвыми. Подумай об этом. По мне, лучше пока сосредоточиться на том, что есть.

— Хорошо, — кивнула Люме. — Я подумаю. А подумав.

Кантос поскрёб щёку. На этот раз — идеально выбритую. Его невидящие глаза обернулись к Наттару:

— Ладно, Вален и Люме в своих планах культивации разберутся сами. А тобой сейчас займусь я.

Наттар привстал и поклонился:

— Младший почитает за честь!

Слова прозвучали с таким искренним пылом, что Вален в очередной раз заподозрил гуая-аспида в актёрской игре. Ну слишком уж идеальным был его образ идеального ученика.

Но стоило припомнить пережитые ими вместе трудности, как подозрения развеялись.

Кантос повёл указательным пальцем, и в воздух роем взмыли дюжины четыре разноцветных мячиков. Таких же, как использовались во время испытания реакции учеников, проходящих закалку тела. Только там они летели по одному, с промежутками и было их куда меньше.

— Меч пока оставь. Вален — не единственный умник на свете. Есть масса техник, которые опасно отбивать, которые сделают очень больно стоит лишь им тебя коснуться. Да, я знаю, мастера очищения разума объединяют предвидение и рефлексы и потому способны оценивать угрозы ещё быстрее, чем практики с сердцем воина. Во всяком случае, так сообщают таблички из Зала Записей. Но сейчас нам надо натренировать тело и технику, чтобы у очищенного разума был надёжный инструмент.

Наттар приуныл, но сделал как сказано — отошёл и оставил меч на веранде дома, прежде чем вернуться.

Кантос неслышно вздохнул. В его словах содержалось некоторое лукавство. Он хорошо умел читать в сердцах людей и гуаев — буквально. Почти все опытные практики могли получить определённую информацию об ученике, не достигшем стадии внутреннего единства, ана-

лизируя ритм сердцебиения и прочие физиологические реакции. Кантос, благодаря своему особому опыту, слышал и чуял куда больше прочих. Например, он ясно ощущал в Наттаре скрытую досаду, когда разговор шёл о чужих успехах, а ему самому похвастаться было нечем. Обычное дело для практика. И вообще для мальчишки. Немногие способны полюбить культивацию ради культивации, большинство учеников ведёт к высотам дух соперничества. Вот только у того, кто находится в положении подчинённом и обязанном, обычная досада легко может перерасти в гнев на несправедливость жизни.

Едва Наттар вернулся, как Кантос махнул рукой, и к юноше устремились сразу два десятка летающих мячиков. Они были намного быстрее тех, что использовались для отмерения закалки тела, а всё-таки довольно медленными, по стандартам двух цветов. Но два десятка сразу!

Наттар проворно шагнул в сторону, пропуская большую часть мимо себя, невероятно изогнул тело, проскальзывая среди тех, что летели на него, но всё же не справился до конца — отбил два руками.

— Ой! — разряды энергии, вырвавшиеся из отбитых мячиков, заставили его дёрнуться. И тогда третий мячик попал ему прямо в бок. Наттар отшатнулся, потирая пострадавшие места.

— С Лёгким Шагом и Текучим Телом, — заметил Кантос, — практик может пробежать между капельками дождя и ничуть не вымокнуть. В самом прямом смысле и без единого зеффарова преувеличения. Тебе пока ещё до такого далеко, но мы над этим будем работать. Не зря же я потратил деньги на этот набор.

— Старший, вы потра...

— На что я трачусь — это моё дело. В стойку!

Пока Кантос говорил, новый рой мячиков окружал Наттара. А едва выкрикнул команду, как они все разом устремились вперёд. Уклоняться от атаки со всех сторон куда сложнее — Наттару пришлось поймать рукой мячик, несущийся ему в затылок, другой ударил по бедру. Да, уклоняться куда сложнее, а всё же попаданий вышло на одно меньше.

— Если я смогу правильно развить твой невероятный талант физического бойца, это мне будет достаточной наградой. Кто знает, может, я ещё прославлюсь как практик, который учил Досточтимого Наттара.

— Вы мне дико льстите, старший, — Наттар покраснел, поклонился, как бы скрывая смущение.

Но сердце его забило радостнее.

Глава 18. Зеркало Досточтимого.

Расставание с Вальтией вышло почти таким же неловким, как и встреча. Когда настала пора прощаться, они с Валеном чуть ли не полминуты стояли друг напротив друга, у моста, ведущего к главному залу телепортационной формации и хранили неловкое молчание. Оба были искушёнными практиками. Она — гением и ученицей сильнейшего, предметом зависти всего поколения. Он — матёрым бойцом, за два года пережившим больше схваток насмерть и неожиданных переделок, провернувшим больше афер, чем среднему практику удавалось за всю жизнь. Но сейчас они оказались просто братом и сестрой, слишком плохо знающими друг друга и не способными подобрать слов, чтобы выразить друг другу свои чувства.

«Особенно потому, что твои чувства — сплошной обман,» мелькнуло в голове Валена. Двойник, наверное, будет издеваться: дескать, обзавёлся ещё одной родственницей, которая убьёт его на месте, едва только узнает всю правду.

Тут Вальтия спутала ему все мысли: шагнула вперёд и обняла на миг, прежде чем поспешно отступить:

— Извини, что от меня и моих глупостей опять были одни несчастья.

«Это точно.» Но вслух Вален неловко сказал:

— Да ладно тебе. Всё получилось к лучшему.

Она покачала головой, потёрла краешек глаза:

— Мне кажется, на самом деле ты подумал «и точно — одни несчастья».

Вален развёл руками:

— Я всё равно буду рад видеть тебя ещё. Обещай только не грозить мне больше оружием.

Вальтия кивнула, и вид у неё вдруг стал очень серьёзным:

— Клянусь моим первым цветом ядра, ярко-алым, и моим путём практика, никогда больше не сделаю ничего подобного.

Шагнула назад, не оборачиваясь:

— Ну ладно. Мне пора. Удачи тебе во всём.

Остановилась ещё на миг:

— Мама тебя очень любит, Вален. Пожалуйста, пожалуйста не огорчай её больше.

— ...на том мы и расстались, — завершила свой рассказ Вальтия

Досточтимый Грозовой Пик некоторое время молчал, неподвижно сидя в позе лотоса. По нему невозможно было угадать, что он думает. Лишь сам факт размышлений указывал: он счёл только что услышанное существенным. Наконец, заговорил, своим обычным равнодушным голосом:

— Видно, что твой брат произвёл на тебя впечатление чрезвычайно благородного практика. Будет прекрасно, если это впечатление окажется верным.

Вальтия вздрогнула. Как практик пяти цветов, она умела идеально контролировать все реакции своего тела. Но умение и готовность — две разные вещи. Прежде чем она открыла рот, Юберис Юон поднял палец, заканчивающийся острым когтем:

— Когда ты отправлялась в Секту Шести Печатей, я видел в тебе смешанные чувства по отношению к твоему брату. Теперь, вернувшись, ты поёшь ему хвалебные песни. Когда сердце практика претерпевает столь быстрые и решительные перемены, это порождает во мне инстинктивные подозрения. Я прожил на свете гораздо дольше твоего и прекрасно знаю, каким изощрённым бывает обман среди учеников прочих великих сект. А ты молода и тебе не хватает опыта. Но не буду сейчас навязывать своё мнение. Тем более, что я не видел произошедшего своими глазами. Вполне возможно, что мои подозрения необоснованны. Сама ещё раз обдумай все особенности поведения Валена. Ты можешь идти.

Когда Вальтия удалилась, Юберис секунд десять сидел в неподвижной задумчивости. Значит, над молодым Валеном и вправду давно уже висит обвинение в одержимости. Это объясняет кое-какие события. Досточтимому не было особого дела до того, истинно это обвинение или нет. Его лишь интересовало, как всё это может повлиять на Вальтию. И, конечно, на Кайлео с Арамой. Возможно, что с этой точки зрения раздувание в ученице подозрений оказалось ошибкой.

С другой стороны «Арама умерла при прорыве, а Вальтия поддалась Печати Личины и безумию, не выдержав новых ударов» — это не худшая возможная ситуация. Худшая — это «носительница Печати под эмоциональным контролем архидемона в решающий момент». Архидемона... или просто хитрого интригана. Кем бы ни был этот Вален, хитрости этому младшему явно не занимать. В отличие от Вальтии. Вот уж кому следовало бы родиться мальчиком — слишком прямодушна. Так что ему, Юберису Юону, сейчас необходимо предотвратить эту наихудшую опасность, заранее внушив ей недоверие.

Если бы он стал сам придумывать несоответствия и подозрительные стороны в поведении Валена, на основе неполной информации, это только вызвало бы у Вальтии отторжение. На поверхности девчонка согласилась бы со всем, что он скажет, но в глубине её души возник бы конфликт. А сейчас... сейчас она придумает всё сама.

Придумает ли? Почва для неуверенности оставалась.

Юберис Юон взмахнул рукой, так что рукав снежно-белого халата громко хлопнул, и перед ним в воздухе появилось волшебное сокровище, которое наблюдательный практик счёл бы очень странным. Высокое прямоугольное зеркало испускало ауру древности и тайны, которую заметил бы даже самый неопытный из практиков. А простой смертный вообще тронулся бы умом, если бы попытался взглянуть слишком внимательно. Раму зеркала покрывали мистические знаки, расшифровать которые смогли бы считанные существа на всей Нотере. Да и сам тёмный материал рамы не походил ни на дерево, ни на металл, ни на камень. Но поверхность была сделана из гладкого стекла. А стеклянные зеркала научились изготавливать лишь в нынешнюю эпоху, тысячелетия полтора назад. Те практики, кто строго придерживался традиций, до сих пор отказывались заменять на них старинные бронзовые и серебряные зеркала во время заклинаний и ритуалов.

Странным был вид зеркала, да только куда менее странным чем-то, что в нём сейчас отразилось. А отразилась там сидящая на коленях Вальтия, как если бы она и не вышла из покоев учителя. И куда менее странным чем-то, как её «отражение» начало искажаться через миг — кожа растрескалась, наружу вырвались языки пламени, побежавшие по одежде. Лишь лицо осталось нетронутым, спокойным и невозмутимым. И вокруг сердца изображение словно помутнело, стало неясным, расплывчатым. А затем, позади Вальтии появились ещё две неясные, полупрозрачные человеческие фигуры — светловолосая женщина постарше, в которой можно было узнать Наставницу Араму, стоящая за правым плечом, незнакомый Досточтимому темноволосый юноша, стоящий за левым плечом.

Юберису не нужно было даже смотреть — образы повторялись прямо в его сознании. Ощущение, надо сказать, не из приятных. И то, что он увидел сейчас, его не успокоило. Зеркало Души художественно интерпретировало состояние тех, кто появлялся в нём. Оно позволяло заглядывать даже в сердца практиков средних и высоких цветов, идеально контролирующих свои тела — но словно сквозь кривое стекло. Порой понять, что значат его образы, было непросто. Вот и на этот раз Досточтимый пришёл в задумчивость. Пламя — символ непрерывной борьбы с безумием Зеффара, осталось таким, как и всегда. Сочетание спокойного лица и затуманенного сердца — признак скрываемой внутренней борьбы. Наиболее очевидная интерпретация: у Вальтии появился новый и значимый секрет, который она осознанно скрывает, но стыдится этого. И как же это связано с неожиданным появлением призрачных фигур её родных? Возможно ли, что его попытка посеять в ней подозрения оказалась слишком грубой и

уже вызвала резкое отторжение? Юберис Юон считал, что после почти десятилетия вдали от семьи, женщина, разлученная с ней в детстве, будет лишь из чувства долга и приличия убеждать себя, что у неё сохраняется эмоциональная связь. Иначе не поддался бы на её просьбы позволить увидеться с братом, так и придумывал бы отговорку за отговоркой. Как видно, бой в котором брат принял направленную в Вальтию атаку на себя, эту связь разом восстановил. Кстати, почему вместе с его образом появился и образ Арамы? Та определённо оставалась в затворе. Визит позволил воскресить воспоминания детства? Вальтия посмотрела какие-нибудь там нефритовые таблички, со оставленными матерью записями? Такое толкование образа возможно. Но Юберису оно представлялось не вполне удовлетворительным.

С одной стороны, опять лишняя головная боль. С другой стороны, все эти семейные проблемы становились даже занятыми. Особенно если предположить, что Валена не зря обвиняют в одержимости.

По крайней мере, во всём прочем решение отпустить Вальтию в Секту Шести Печатей сработало лучше, чем можно было надеяться. Глава культа Зеффара, как и ожидалось, сделал свой отвлекающий ход. И теперь будет сидеть тихо, не создавая непредвиденных затруднений, вплоть до момента, когда его божество окажется на грани восстановления. Вдобавок получена ценная информация насчёт Валена.

А с Вальтией просто потребуется определённая деликатность. Все её предыдущие секреты недолго оставались секретами для Досточтимого. Включая чувства, которые она питала к нему самому. Этот не будет исключением.

Вален чихнул — впервые за год, наверное. А затем ещё и ещё. Неизвестно почему в уме всплыло неизвестно чьё дурацкое поверье: чихание предупреждает о направленных на тебя злых умыслах. Ну да, конечно. Скорее можно решить, что из-за наведённого проклятия у него дрогнула рука. В результате, из алхимической печи теперь валил едкий дым, заполняя снятую им лабораторию в Зале Пилюль.

Вален дотянулся до стоящей на столике у стены бутылки из резного белого камня и направил в неё чуточку духовной энергии. Тут же полезное сокровище заработало, втягивая в себя клубы дыма и очищая воздух.

На самом деле никто не стал бы возиться с таким сложным видом волшебства практиков как проклятия ради того, чтобы испортить ему алхимические опыты. Просто он сам зарвался. Начал экспериментировать с рецептом, имея лишь самое поверхностное и шаткое понимание процесса. Ещё повезло, что дым от сорванной выплавки отравляющих пилюль оказался едким, а не смертельно опасным. И что компонентов для таких пилюль он из Трёхсотлетнего Чистилища вынес целую гору.

Потерянного времени жаль, но следы неоднократных провалов, которые не скрыть от многоопытных служителей Зала, способных сразу заметить копоть и оставшиеся на мебели запахи, сыграют ему на руку. Вряд ли хоть кто-то кроме Лерии может даже предположить, что он, ученик двух цветов, уже осмеливается менять рецепты. Значит, пострадает его репутация как алхимика. А чем он кажется слабее, тем его положение безопаснее. Даже Вальтия считала, что его не тронут только пока он не напугает Наставников. А её мнение Валену казалось слишком оптимистичным. И напугать же Наставников могли, в первую очередь, подозрительно быстрые успехи в культивации. Да и в последнюю очередь тоже. Низменные хитрости, вроде обирания собратьев-учеников, скорее развеют подозрения — могущественный архидемон, знающий, что находится под враждебным наблюдением, скорее уж будет вести себя как пай-мальчик, чем размениваться на такие мелочи. А вот если станет очевидно, что он достиг сразу нескольких весьма необычных успехов...

Кстати, если уж речь зашла об этом, ему лучше не выходить на состязание алхимиков, устраиваемое Залом через неполный месяц. Награда, пилюля Неугасающего Уголька, весьма

ценна для алхимика. Всё-таки, это пилюля четвёртого ранга, на время усиливающая технику Преобразующего Пламени и упрощающая контроль над ней, что важно при особо сложных выплавках. Но это не оправдывает риск. Нет на свете такой пилюли, вне зависимости от ранга, которая позволила бы ему сбежать от старейшин на три-четыре цвета выше. Значит лучше не высовываться...

В этот момент кто-то звякнул в колокольчик снаружи занятой Валеном комнаты. Дверь на этот раз была надёжно закрыта, не давая запахам и звукам просачиваться наружу. Или внутрь. Кроме негромких звуков зачарованного колокольчика, конечно. Кому бы это он понадобился? Ладно, посмотрим.

Вален отодвинул дверь. И его сердце чуть дрогнуло, когда он увидел на пороге Нельду Нан. Гуайша чуть кивнула ему. Лицо её оставалось бесстрастным, но в глубине жёлтых волчьих глаз Вален читал едва скрываемую жгучую враждебность.

— Приветствую, младший. Можно войти?

Глава 19. Предстоящее состязание.

— Всё, что тебе надо сказать, ты можешь сказать и здесь, — Вален даже не пытался изображать вежливость или скрывать своё недружелюбие. Он прекрасно знал, что у Нельды Нан имеется метка Печати Носа, заметил, как глубоко она вдохнула, едва оказавшись лицом к лицу с ним, и принял как данность, что его эмоции известны ей сходу. Были бы известны, даже если б он уже достиг стадии внутреннего единства и мог идеально контролировать все реакции организма.

— Наглость никого не красит, — спокойно и строго ответила Нельда. — Но хорошо, скажу здесь. Через двадцать шесть дней состоится Состязание Благоухающей Пилюли, проводящееся раз в пять лет. Все достойные ученики Зала Пилюль не желают видеть тебя на нём.

— Не желаете, значит? Так, чисто ради сведения: и что вы мне сделаете, если я на ваше нежелание плюну?

Нельда приблизилась на полшага, склонилась вперёд. Со стороны это могло выглядеть двусмысленно, но у Валена от такой близости пробежали мурашки по спине. Учитывая разницу на цвет, даже в человеческой форме ей не составило бы труда прокусить ему горло.

— Ты думаешь, что Хранительница Лерия в одиночку сможет тебя защитить ото всего зала? — шепнула Нельда на ухо.

— Ну да, думаю. А что? — ответил Вален обычным голосом. — И не нужно меня так усердно обнюхивать. Или Гелат совсем надоед?

Нельда отступила на шаг, но спокойствие её не поколебалось:

— С годами ты стал поразительно вульгарен. Подумать только, а ведь когда-то с тобой можно было дружить, — она покачала головой. — Я чую в тебе упрямство. Даже интересно, хватит ли его до состязания?

Следующим утром, обдумывая слова Нельды на свежую голову, Вален решил, что её последняя реплика была перебором. Не оставила никаких сомнений в её истинной цели. Конечно, она и вправду пришла изложить требование обиженных Валеном учеников. Как самый талантливый представитель молодого поколения. Вот только сама она желала прямо противоположного. Ну кто же запугивает горячего юнца, пытаясь взять его на слабо?

А что если рассмотреть ситуацию с максимальным уважением к ней, предположить, что она идеально прочитала эмоции собеседника? Нет, и в этом случае её цель останется той же самой. Она просто не стала утруждать себя тонкостями, поняв, что дело в шляпе.

Потому, что теперь Вален был намерен выйти на Состязание Благоухающей Пилюли.

Не от того, конечно, что его уже тошнило от всей этой жизни в клетке, где его постоянно разглядывают словно пойманного зверя, от предосторожностей, необходимости таиться и скрывать свои умения, от постоянного незримого давления, рядом с которым угрозы каких-то учеников были ничем. Нет, никак не потому, что его чувства требовали выхода. Теперь у него появилась вполне рациональная причина участвовать.

Нельда Нан, восходящая звезда Зала Пилюль, девушка Гелата — одна из двух кандидаток на роль тайного врага, ненавидящего всех, кто с ним связан, оставшихся в списке после того, как Вален исключил Лерию. Если она выманивает его на состязание алхимиков, Вален примет вызов. Да, это коварный план, с целью его прикончить или унижить при всех. Одно из двух, в зависимости от того, верны ли подозрения в её отношении. Да, попытки выманивать скрытых врагов на живца пока что шли, мягко говоря, наперекосяк. Но альтернативы никто не предлагает. Среди алхимиков у него нет друзей, только совершенно ненадёжные подручные, а в родах Нан и Зот даже и подручных нет, поэтому окружить подозреваемых шпионами — не вариант.

Если бы подозрения Валена твёрдо остановились на одной личности, он бы конечно, подумал о том, чтобы просто убить её перед побегом из секты. Ему ведь надо обезопасить своих близких и их семьи от сумасшедшей, а не собирать доказательства, которые устроят Зал Наказаний. Но уверенности у него нет, лишь достаточно зыбкие умозаключения. Значит, остаётся лишь играть по правилам врага. По крайней мере, сделать вид, что играешь.

И да, преуспев на состязании, он рискует навлечь на себя новые подозрения. Но риск приемлем. Развитие как алхимика всё равно может быть замеченным, если кто-то из Зала Наказаний или самих Наставников разберётся в его покупках ингредиентов. Успех в одной области, причём в той, которая ему наиболее подходит, как практику с невысоким потенциалом меридианов и большими деньгами... Твёрдо сказать нельзя, но вряд ли такой успех вызовет паническую реакцию и желание казнить его немедленно.

У Хранительницы Лерии, как видно, тоже случались серьёзные неудачи в экспериментах. Сейчас её брови и чёлка вместо своего обычного серебряного цвета переливались всеми цветами радуги, а на вороте халата появились пятна. Под потолком её рабочего кабинета зависло несколько десятков пузырей, навроде мыльных, только куда прочнее.

— Знаешь, наш давешний разговор заставил меня вспомнить мою прежнюю страсть к экспериментам, — сказала она, в ответ на вопросительный взгляд Валена. — Когда я была моложе и мечтательнее, я хотела сделаться столпом и первопроходцем алхимии, оставить настоящий след в истории. Но с опытом пришло осознание всех трудностей и опасностей и как-то так получилось, что вместо искусства алхимии я всё больше и больше занималась обязанностями алхимика... Ты понимаешь, о чём я. В общем, если я случайно взорву себя и половину Зала заодно, то виноват в этом будет некий молодой человек, — она мило улыбнулась. — Так зачем ты пожаловал?

— Поговорить насчёт Состязания Благоухающей Пилюли.

— А что насчёт него? Мои нерадивые ученики боятся, что с твоими-то деньгами ты сможешь бороться за первое место в вольной части состязания?

Вольная часть — это выплавка пилюли по выбору самого практика. Тот, у кого были деньги, получал преимущество, так как мог не ограничиваться ингредиентами, предоставляемыми Залом, выбрать в качестве своего будущего шедевра пилюлю, требующую дорогих и редких компонентов. Умелые алхимики были богатеями среди практиков одного с ними цвета. Валену пока не под силу меряться глубиной кармана с лучшими учениками Зала Пилюль. Но лучших на состязании не будет. Туда допускаются только те, кто ещё не достиг четвёртого цвета и провёл в учениках Зала не более десяти лет. Оно предназначено для молодых талантов. Вот потому-то Лерия и предположила, что деньги Валена могут дать ему преимущество, которого боится прочая молодёжь.

— В общем, да. Но это неважно. Важно вот что: почтенная и прекрасная Хранительница, мне нужна ваша помощь...

— ...Вторая половина того, что ты просишь — это обман и мошенничество, — задумчиво сказала Лерия.

Вален скривился:

— Госпожа Лерия. Вы правите Залом Пилюль уже лет сорок. Надзираете за Состязанием Благоухающей Пилюли в восьмой раз. Не говорите мне, что всё это время вы никогда не допускали даже малейшего отклонения от буквы правил. Я ведь даже не прошу нарушить их дух.

— Молодой наглец! — Лерия наклонилась вперёд, опёршись руками на стол. Учитывая нескромный покррой её халата, зрелище при этом открылось интересное. Впрочем, сейчас оно заставило Валена задуматься о том, что у Хранительницы должны быть скрытые проблемы с характером, из-за которых она одинока, при её-то красоте и положении. — Откуда вообще в тебе уверенность, что я так просто соглашусь?

— Уверенность? Её нет. Есть предположение, старшая, что ты не станешь на ровном месте выкидывать ту ставку, которую уже сделала на меня, — ответил Вален куда резче, чем обычно. — Не очень большую, но ставку.

— Хооооо, — протянула Лерия. — Да ты подрос, правда, не знаю, набрался ли ты при этом ума, или чего похуже. Знаешь, большинство юношей на твоём месте стали бы вызывать к моим лучшим чувствам.

— Я — не большинство. А ты — мне не мать, не родственница, не учительница, и даже не невеста. Как же я могу требовать от тебя что-то, вызывая к лучшим чувствам? Это было бы нагло и подло. Я могу лишь честно пообещать, что если не погибну раньше времени, то за всю помощь, оказанную сейчас, отплачу стократно. Я простой двухцветный, ты можешь меня видеть почти насквозь. Посуди сама, искренне я говорю или нет.

Лерия покачала головой, усмехнулась:

— Какая похвальная прямота и настойчивость. Эх, почему такие практики встречаются настолько редко? Ладно, Вален. Я всё устрою по твоему хотению.

Глава 20. Начало состязания.

Гелат взмахнул руками с такой силой, что свистнул рассекаемый воздух, но завершил движение, сложив пальцы так плавно и мягко, как если бы пытался зажать между ними нечто очень хрупкое. Сделал глубокий вдох, от которого рёбра чётче выступили под кожей. Сейчас, сидя в позе лотоса на коврике, он напоминал монаха из храма Вечного Неба, сильно переборщившего с аскезой и постами. Если не вглядываться в его лицо, на котором плохо держалась маска бесстрастия.

Гелат уже пару месяцев как прорвался на третий цвет, достиг стадии внутреннего единства. Сделав этот шаг, обычный практик приобретал почти идеальный контроль над своим телом и вполне идеальное здоровье. Мог избавиться от тех мелких физических недостатков, которые упустил при первом прорыве. Но это обычный практик. Не изуродованный Печатью Мускулов. Гелат заранее знал, что даже в лучшем случае внутреннее единство позволит ему сделать тренировки, необходимые, чтобы его мышцы не усохли окончательно, менее длительными и болезненными. Но всё-таки надеялся на большее, чем-то, что вышло в реальности.

Он не сдвинулся с места и не поглядел в сторону двери, когда в комнату зашла мать. Как всегда, без предупреждения. А ведь между прочим они теперь были равны по цветам. И статус наследника Печати формально был выше, чем у женщины, на которой Наставник даже не женился.

— Ты мало готовишься к Состязанию Благоухающей Пилюли, — всякими там приветствиями, Геллара Зот себя тоже не утруждала. — Почему я вообще должна напоминать тебе о таких вещах?

— Главный приз возьмёт Нельда, — Гелат так и не повернул головы. — Надрываться ради простого места в пятёрке? В чём смысл? Получу, значит получу, нет, значит нет.

— Посмотри на меня, Гелат, — Геллара упёрла руки в бока.

Секунд десять Гелат держался под её взглядом, от которого зудел висок, но в итоге всё же посмотрел. Лицо матери было преисполнено вселенского разочарования.

— Только не говори мне, будто ты забыл, что на состязание выйдет ублюдок Арамы. Неужели ты хочешь снова уступить ему при всех? После всего, что он сделал?

Хочет ли он? Сложный вопрос. За прошедшее время Гелат успел убедиться, что про бегство Ламана и разгром в его доме Вален сообщил правду. Это не заставило доверять ему в целом. Но заставило всерьёз отнестись к его предупреждению. Гелат совсем не исключал, что Вален пытается манипулировать им, настроить против близких. Но слишком уж запутанным выходил план, слишком неясной казалась конечная цель подобной манипуляции. Воспользоваться им, чтобы подобраться к Нельде? Во-первых, Вален едва ли обращал на неё внимание, даже когда они все были стайкой ребятишек, игравших вместе. Во-вторых, ради такой ненадёжной затеи отказаться от прекрасной возможности убить его в Трёхсотлетнем Чистилище, где они с Зораной были измотаны и ранены, а тройка Валена — свежа и полна сил? Как один из наследников большого, значимого рода, Гелат был не понаслышке знаком с интригами, коварством и обманом. Знал, что дорога к желанной цели может виться десятилетиями, но отдельные шаги успешны тогда, когда они просты. И делаются на твёрдой почве, а не на такой зыбкой, как попытка управлять чувствами практика, который тебя ненавидит и, главное, с тобой не общается, зато постоянно общается как раз с теми людьми, на кого ты пытаешься его натравить. Но если Вален всё же не тот негодяй, каким казался, и спас ему жизнь на поле боя вполне ис...

— Что ты спишь с открытыми глазами? Неужели...

— Да, я всё понял. Сделаю, что смогу.

Геллара покачала головой:

— Мне кажется, ты просто хочешь, чтобы я от тебя отстала, — её голос ненадолго смягчился. — Спрошу ещё раз: мальчишка Вен точно не замутил тебе разум какой-нибудь ложью? Предложил, там, забыть прошлые обиды, потому что вы вместе сражались с врагами секты? Неужели ты не понимаешь, что ничего он не забудет? Не такому его учила выродившая его тварь? Всё это из-за неё! Но и сынок у «Наставницы Арамы» вышел ей под стать, вправду двойной ублюдок. Сам же знаешь — он опять выдумал подлость, обирает собратьев-учеников!

— Мама, я всё прекрасно знаю.

— Так чего ж ты тогда здесь сидишь, словно уже на семи цветах и спешить некуда?! Тебе нужно усердно культивировать! Сделаться могущественным и важным старейшиной, настоящим наследником! Показать, что для секты ты ценнее, чем мальчишка Вен! Иначе ты не будешь в безопасности! И прямо сейчас нужно занять второе место после Нельды! Уж не знаю, что она вообще в тебе видит, но смотри, доведёшь её своей ленью, найдёт парня получше!

Гелат может и огрызнулся бы в ответ на подобные слова. Но он и сам всё меньше понимал, что Нельда в нём видит. Почему одна из первых девушек в их поколении, не блистающая особой красотой, зато блистающая талантом, любимая дочь Наставника, не бросает изувеченную Печатью посредственность вроде него? Из-за детской влюблённости? Да ладно. Такого даже в сказках не бывает...

...Возможно, послание Валена всё же достигло задуманной цели, растравив в нём подозрения и сделав его несчастнее.

Гелат медленно вставил:

— Хорошо. Уже иду в Зал Пилюль.

У двери он остановился и оглянулся с вопросительным видом.

— Что ты стоишь и опять смотришь?

Он пожал плечами и вышел. Да, послание определённо растравило в нём подозрения. А то, что мать на этот раз не предложила никаких подозрительных способов жульничать на состязании... пока не предложила... подозрения немного успокоило.

Состязание Благоухающей Пилюли было обязано своим названием тому факту, что алхимические пилюли высшего качества, содержавшие менее одной десятой загрязнений, источали тонкие ароматы — отчасти похожие, но у каждой свой. Не каждому алхимику удавалось выплавить за свою жизнь хотя бы одну благоухающую пилюлю. Прямо скажем, таких было значительное меньшинство. А уж насчёт того, чтобы делать такие пилюли стабильно... Никто не сомневался, что если какому-то алхимику удастся достигнуть постоянного высшего качества при выплавке хотя бы основного набора известных пилюль, то он немедленно и заслуженно будет назван Досточтимым. А ведь такой титул, символ всеобщего признания среди ныне живущих носили лишь десятеро практиков, сумевших найти новые и уникальные пути культивации. Причём в их неформальном списке этот алхимик окажется где-то третьим или четвёртым, безусловно уступая только Досточтимому Грозовой Пик, сильнейшему из практиков, и Досточтимому Стальной Молот, правящему пятой частью мира. Ведь чем выше пилюля по рангу, тем мощнее и глубже её эффект, вплоть до уникальных, не воспроизводимых иными средствами, возможностей при культивации. Но тем страшнее могли оказаться последствия загрязнений! Главнейшей проблемой с созданием пилюль высоких рангов, от пятого и далее, которая делала такие пилюли крайне редкими, было не выполнение минимальных требований рецепта, а обеспечение приемлемой чистоты. С учётом того, что для многих из них «приемлемой» считалась именно высшая.

Состязание Благоухающей Пилюли носило своё название не только ради напоминания ученикам об идеале, к которому они должны стремиться. Главной наградой на нём всегда была пилюля высшего качества. Обычно третьего ранга, но на этот раз Хранительница Лерия расщедрилась на четвёртый. Пусть пилюля Неугасающего Уголька считалась одной из самых про-

стых и дешёвых пилюль четвёртого ранга, пусть она была полезна лишь умелым алхимикам — но, всё-таки, приз впечатляющий. Наглядное и неоспоримое свидетельство того, что Хранительница Зала Пилюль заслуживает своего положения в великой секте. Злые языки болтали, что всё состязание было придумано не только ради учеников, но и ради подтверждения умений главных алхимиков Секты Шести Печатей.

Проводилось оно в обширном квадратном помещении. Пребывающем во внутреннем пространстве здания Зала и потому лишённом окон. В сочетании с высоким, почти теряющимся во мраке потолком из тёмного камня и освещением в виде многочисленных бронзовых факелов, горевших ровным жёлтым пламенем, без дыма, это создавало давящее впечатление. А вот воздух был свежим и прохладным, несмотря на то, что практиков здесь собралось немало. Помимо самих участников состязания и служителей Зала, многие пришли поглядеть. А ведь простых белых халатов с улицы сюда не пускали, только родственников тех, кто участвовал и уважаемых практиков. Например, рядом с Нельдой собрались не только многие из самых многообещающих молодых алхимиков. Там ещё скучала пара незнакомых Валену практиков в фиолетовых халатах и один в белом с фиолетовым шитьём по вороту — теоретические разговоры об алхимии эту тройку явно не занимали.

Посмотреть на успехи Валена явились и Люме, и Наттар, и Кантос. Но вместо целой толпы, окружавшей Нельду, рядом с ним стояли лишь полдюжины должников. Да и те явно хотели поскорее провалиться сквозь землю, под враждебными взглядами со всех сторон. Возможно, они и вовсе не решились бы подойти. Но собратья-ученики уже пытались их раньше запугивать, и Вален... припугнул кое-кого в ответ.

— Сильно же тебя тут не любят, — заметил Кантос.

— Ну и Зеффар с ними, — пожал плечами Вален.

Громкий хлопок в ладоши, перекрывший гомон собравшихся, заставил многих подскочить. По залу пролетел лёгкий ветерок. Взгляды всех присутствующих устремились к невысокому постаменту в дальнем конце зала, на который сейчас взошла Хранительница Лерия. Там стояли удобные кресла для устроительницы состязания и почётных гостей. Там же, на высоком бронзовом столике, поблёскивала в свете волшебного пламени шкатулка из полированного красного дерева, с пилюлей-призом внутри.

— Почтенные гости — рассаживайтесь по скамьям вдоль стен, пожалуйста, — раскатился по залу усиленный духовной энергией голос Хранительницы. — Участники — проходите к своим местам, согласно жеребьёвке.

Вдоль стен действительно были расставлены скамьи в три яруса, как на арене. А основная часть помещения делилась на квадраты, в каждом из которых имелись прочный стол и простая алхимическая печь. Каждый участник уже вытянул небольшую нефритовую табличку, где сейчас загорелся номер его места.

Не успел Вален выслушать пожелания удачи и дойти до своего стола, как Лерия вновь заговорила на весь зал:

— Перед началом Состязания Благоухающей Пилюли, напомним ещё раз нынешние правила.

Внешне Вален оставался невозмутим, но в душе посмеивался. Особенно когда заметил, что место Нельды находится недалеко от его собственного. Лерия выполняла уговор. И правила, которые она сейчас повторит, она согласовала с ним.

Глава 21. Отбор.

Если состязание практиков не предусматривало смертельной опасности и прямых сражений друг с другом, то правила его проведения обычно менялись от раза к разу. Считалось, что иначе оно будет детской забавой. Или того хуже — упражнением в том, как наилучшим образом эти правила эксплуатировать. Что, конечно, тоже полезный навык для практика. Но не настолько, чтобы за его успешное применение давать призы.

Особо вредные старейшины объявляли правила прямо перед началом. Хранительница Лерия в этот раз, как и обычно, вывесила их за десять дней. Так что все уже знали всё. Сейчас она повторяла их лишь для порядка:

— Состязание две тысячи двести шестнадцатого года Второй Эпохи Духовного Расцвета — это турнир на выбывание. Участники делятся на восемь групп, в соответствии с номерами своих табличек. Первый этап — предварительный отбор. Его может пройти больше одного практика из каждой группы. Я, вообще-то, надеюсь, что его пройдёт большинство. Если получится иначе, то я буду до ужаса разочарована в новом поколении алхимиков нашей секты и в себе, как в Хранительнице Зала Пилюль. Суть этапа — выплавить три различных пилюли первого ранга за один час. Причём хотя бы две из них должны быть высокого качества. А чтобы никому из нас не пришлось скучать, я прошу трёх почётных гостей Зала выбрать по одной из пилюль, над которыми вам придётся работать. Наставник Закаро, окажите нам честь.

Вален уже видел, что некоторые кресла на постаменте заняты, но не заметил, как в одном из них появился старый гуай. Наставник поскрёб мохнатый лоб, изображая глубокую работу мысли:

— Пилюля Разгона Крови, — волшебство усилило и его голос.

Пилюля Разгона Крови была стимулятором, повышавшим бодрость и выносливость. Конечно, она действовала только на тело, не затрагивая духовной энергии, а потому на цветах выше первого эффект становился почти незаметен.

— Выбор бойца, не забывшего свою молодость. Старейшина Рамалкан?

Старейшина Рамалкан был высок, худ и лыс. Двухцветный красно-зелёный халат выдавал в нём чужака, гостя из какой-то подчинённой или дружественной секты. Видимо, посторонние алхимики тоже интересовались состязанием.

— Пилюля Прозрачного Ручья, — прозвучал равнодушный ответ.

О, вот это задача позаковыристей. Пилюля Прозрачного Ручья очищала жидкости от всех и всяческих загрязнений — брось её в большую цистерну и через несколько минут вода внутри станет совершенно безопасной для питья. Но практики могли пить и дрянь, непригодную для смертных, а от ядов и болезней, способных доставить им неприятности, предпочитали спасаться пилюлями личного действия. Все или почти все алхимики в зале вспомнят рецепт, даже без помощи своих книг и нефритовых табличек — волшебные предметы на состязании вообще не допускались — но опыта работы с ним у большинства не будет.

— Выбор достойный настоящего эксперта. Почтенный Глорстар?

Глорстар был с виду немолод, кожа его казалась пропитавшейся копотью, ходил он с тростью, и вместо халата носил необычную долгополую куртку, застёгивающуюся спереди на пуговицы.

— Пилюля Орлиного Ока, — проскрипел он.

Пилюля Орлиного Ока позволяла разглядеть узоры на вороте халата практика, стоящего на склоне высокой горы, когда ты ещё у подножия. Не такая редкость, как Пилюля Прозрачного Ручья. У тех, кто побогаче, эти пилюли встречались в экстренных наборах на разные случаи жизни. Но и далеко не самая обычная.

— Выбор практика большой мудрости. Отлично. Служители сейчас приготовят и раздают нужные ингредиенты.

Важной задачей для Лерии было избежать — обоснованных — обвинений в сговоре с Валеном. Не просто важной, а важнейшей, если он вдруг завоюет главный приз. Попросить кого-нибудь назвать любые пилюли, которые им заблагорассудится, чтобы сама Лерия не знала заранее, какие пилюли надо будет плавить на первом этапе — часть решения этой задачи. А раз уж в числе называвших оказался Наставник из враждебной Валену партии, то здесь даже малейших подозрений не возникнет.

Опасность же для Валена была минимальной. Да, существовали на первом ранге редкие и необычные пилюли, с которыми он мог не справиться. Но у таких редких и необычных пилюль — редкие и необычные ингредиенты. Опытные алхимики, вообще слышавшие о них, не поставят Лерию в неудобное положение, назвав пилюлю, которую большинству состязающихся не из чего будет выплавлять.

Вален думал, что придётся поскучать, пока служители зала готовят всё необходимое. Но подготовка заняла лишь несколько минут. Едва до последнего стола донесли поднос с мешочками, шкатулочками и бутылочками, Лерия снова хлопнула в ладоши, привлекая внимание, и обвела взглядом зал:

— Все готовы? Отлично! Теперь, во имя предков и ради собственных надежд, покажите нам свои умения! — она взмахнула рукой, и над креслами почётных гостей в воздухе появились песочные часы почти в человеческий рост. «Песок» внутри светился искрящимся серебристым светом. — Время пошло!

Переплавить три пилюли первого ранга за час — задача непростая даже для опытного алхимика. Если сложить время, необходимое по рецептам названных пилюль — выйдет сорок шесть минут, выше среднего. Вроде бы, ещё четырнадцать минут остаётся? Но некоторые ингредиенты требуют подготовки. Между выплавками печь надо остудить — пусть мастер Преобразующего Пламени и может извлечь жар за полминуты-минуту — а потом очистить. Запаса времени на ошибку нет вовсе. На колебания и размышления — лишь минимальный.

«Это — испытание на способность к концентрации, но в большей мере — на уверенность в себе и хладнокровие,» думал Вален, быстрыми, но чёткими движениями растирая в ступке траву для Пилюли Разгона Крови. «Умение не торопиться под давлением и спокойно подходить к непривычным задачам.»

Так как на недостаток этих качеств он не жаловался, то и неудача на этом этапе ему не грозила. На ходу в голову пришла пара способов ускорить процесс, по аналогии с похожими рецептами, которые были знакомы Валену лучше. Он отложил их на будущее. Риск сейчас не нужен и вреден.

Шли минуты. Преобразующее Пламя равномерно гудело в печи Валена. Глухие взрывы, а порой и болезненные вопли, свидетельствующие о том, что кто-то из состязающихся поспешил и, в результате, людей насмешил, его не отвлекали. Каждый из квадратов со столом и печью был огорожен миниатюрной формацией, направленной внутрь. Обычные несчастные случаи при выплавке не могли задеть никого, кроме виновного в них. Так что Вален оставался в безопасности, хотя свои защитные сокровища сдал на входе.

А мог бы, конечно, и не сдавать. Разве кто-то посмеет обвинить Наставника Оритилла в том, что в его творениях имеются скрытые функции для обмана на состязании? Но порядок есть порядок. А приманка есть приманка.

Когда Вален аккуратно выложил на подушечку в центре стола третью из нужных пилюль, в часах ещё оставалось песку минут на пять. Поблёскивающая как хрусталь Пилюля Прозрачного Ручья была среднего качества. Остальные две — высокого. Впечатляющий результат для столь малоопытного алхимика как он, но не выходящий за рамки представимого. Сейчас хватит выполнения минимальных требований. Настоящий отбор начнётся со следующего этапа.

Он огляделся вокруг. Достаточно состояжающихся выбыло — и достаточно зрелищными способами — чтобы зрители не уснули со скуки. Но три четверти участников, либо уже закончили свои пилюли, либо вот-вот закончат. Нельда так вообще теперь скучала и поглядывала в сторону Гелата, чьё место было на другом конце зала. Неудивительно. Талант не пропьёшь.

— Восемьдесят два ученика доказали, что достойны называться алхимиками, — в голосе Лерии звучала нескрываемая радость. — Теперь вам, юноши и девушки, предстоит второй этап состязания. Проверка знаний! В былые годы для этого пришлось бы пользоваться книгами, тетрадами, беседами лицом к лицу или иными методами, зря пожирающими время. Хвала заслуженным предкам, искусства практиков не стоят на месте. У каждого из вас на столе лежит большая нефритовая табличка. Когда я объявлю начало этапа, коснитесь её и приведите в действие своей духовной энергией. В воздухе перед вами появится образ определённого ингредиента. Сперва ингредиенты будут появляться на пятнадцать секунд, постепенно это время начнёт убывать. Мысленно направьте в табличку правильное название ингредиента. Тот, кто трижды ошибётся или не сможет назвать ингредиент вовремя, выбывает из состязания! Этап продолжается до тех пор, пока в каждой группе не останется лишь один практик. Вопросов ни у кого нет? Отлично. Время пошло.

Вален улыбнулся самыми кончиками губ, касаясь таблички. На этом этапе он мог бы, наверное, выбить любого. Конечно, испытание проверяло не только чистые знания, но и внутреннюю дисциплину, способность чётко и однозначно формулировать мысленные ответы. В этом-то и крылось его преимущество: Расцвет Разума позволял запомнить великое множество компонентов, а внутренняя дисциплина — безошибочно формулировать мысли с их названиями. Даже те немногие ученики, которые тоже выучили эту технику, ему не ровня.

Но воспользоваться этим сочетанием, чтобы в самом начале срезать Нельду или кого-то ещё из очевидных фаворитов, нельзя. Это сразу создаст подозрения. Для Наставников и Старейшин не секрет, что жеребьёвка с помощью раздаваемых нефритовых жетонов, может, при желании, оказаться совсем не жеребьёвкой...

Вален выбросил из головы лишние мысли. Перед ним в воздухе появился образ гладкого куска дерева с золотыми прожилками, из которых проскакивали крошечные искры.

«Древесина громового бамбука,» тут же подумал Вален. Табличка отозвалась приятным звуком, и образ сменился на изогнутый шип матового чёрного цвета с перламутровым отблеском у основания, испускавший слабый гнилостный запах. Ого, даже запахи воспроизводятся, об этом Лерия не упомянула!

«Шип могильной лозы.»

Шли минуты, образы перед Валеном летели быстрой чередой. Краем уха он слышал тихие, но неприятные трели, указывающие, что кто-то из соперников ошибся. Очень скоро появились и первые выбывшие. Поначалу он поглядывал, кто вылетел и сколько народу ещё осталось. Но минуты сливались в десятки минут, появляющиеся компоненты становились всё реже и экзотичнее. Время, выделяемое для ответа, всё сокращалось — а ведь табличка никак не отмечала, сколько его остаётся.

Появившийся образ мутной желеобразной массы заставил задуматься. Вален быстро оглядел его с разных сторон, даже присел — ага, понятно. Масса меняла цвет от жёлтого до жёлто-серого в зависимости от освещения.

«Слюна каменных термитов.»

Облако мелкого порошка цвета старого золота, частицы которого не оседали, а медленно кружились в воздухе. Редкая вещь, но если прочитал о ней, то ни с чём не спутаешь.

«Пыльца трёхлетнего солнцезвезда.»

Непримечательного вида веточка с узкими листьями. А вот это уже нешуточный вопрос. Вален внимательно вгляделся в листья, подмечая их форму и рисунок прожилок, утёр пот со лба, прежде чем подумать:

«Ветка прячущейся ивы.»

Как там дела у других? Едва мысли Валена скользнули в эту сторону, он услышал трель ошибки от своей собственной нефритовой таблички. Зеффар! Этап оказался суровее, чем он думал. Больше Вален не отвлекался ни на что, называя компонент за компонентом — пока духовная связь с табличкой вдруг не исчезла.

— Из второй группы в четвертьфинал выходит Вален Вен!

Глава 22. Неожиданная встреча.

Выдохнув и оглядевшись по сторонам, Вален понял, что стал предпоследним победителем этапа. В группе Нельды борьба продолжалась. Кроме неё самой остался ещё рослый ученик в белом, постоянно державший левую руку сложенной в замысловатый знак. Лерия явно подкинула опасного противника.

Взгляд по сторонам сообщил Валену, что Гелат тоже вышел в четвертьфинал. Однако. Костлявый резко налёг на алхимию после того, как боевые искусства не оправдали его надежд? Или всегда был в ней хорош, просто ему не хватало воображения?

— Приветствую моего соперника на следующем этапе.

Вален поглядел на подошедшую к нему невысокую девушку-гуайшу с зелёными кошачьими глазами и ушами рыси, украшенными кисточками. Он пару раз видел её в Зале прежде.

— И я тебя приветствую. Прости, что не знаю твоего имени.

— Не за что извиняться. Меня зовут Миран Чеен. Будем знакомы и пусть в нашем состязании победит тот, кто этого достоин, — она чуть поклонилась.

Вален фыркнул:

— Говоришь ты вежливо, но в лице у тебя, в мелких движениях твоих мышц под кожей, в ритме сердца, я чувствую злобу. Прорвись сперва на внутреннее единство, а потом берись меня обманывать. Думала разговаривать, а потом смутить мой разум перед состязанием? Или просто пользуешься шансом познакомиться с парнем, который носит одноцветный халат? Извини, рядом с моей будущей женой ты слишком невзрачна.

Выражение строгого лица гуайши не изменилось, но бледноватая кожа чуть покраснела:

— Мерзавец!

Но Вален уже не обращал внимания ни на неё, ни на злой взгляд служителя Зала, как раз проходившего мимо, ни уж тем более на прочих учеников. Он помахал рукой своим и подумал было, что стоит сесть помедитировать, как очередная трель указала, что последний соперник Нельды выбыл. Этап завершился.

Ладно. Надежда, что её поматают подольше, а он успеет передохнуть, не сбылась. Четвертьфинал, где предстоит опознание и анализ на чистоту трёх выданных пилюль, вероятно будет проходным и для него, и для Нельды. Благодаря исключительной остроте своего духовного зрения, Вален чувствовал себя более чем уверенно. Даже если его текущая соперница, эта Миран, сохранит спокойствие и сравнится с ним в точности анализа, она проиграет в скорости, что тоже учитывалось. Но и Нельда, признанный гений молодого поколения, должна легко победить.

И вправду, не прошло и получаса, как Лерия огласила результаты четвертьфинала:

— В полуфинале Вален Вен встретится с Нельдой Нан. А Майрана Найд станет противницей Гелата Зота! Нечасто увидишь, как в обеих парах мужчина состязается с женщиной. Только что вы четверо доказали свою способность установить точную долю загрязнений в пилюлях, созданных другими. А теперь вам предстоит показать, насколько чистые пилюли можете выплавить вы сами! Каждый из вас создаст по пилюле Сращивания Костей, а затем я и уважаемые гости оценим ваши творения. Перед началом следующего этапа перерыв пятнадцать минут!

Однако, либо Гелату сегодня непомерно везёт, либо его талант к алхимии лишь казался заурядным на фоне Нельды. Вален не испытывал желания пересекаться с ним на турнире, и Лерия запихнула его в группу подальше, чтобы пересечься они могли не раньше финала. А ведь теперь возможность их столкновения реальна! Если, конечно, план Валена работает, и он выбьет из состязания Нельду...

— Ты как? — пока Вален думал, к нему подошла Люме.

— В порядке. Люме, извини, но ты здесь ничем не поможешь. Я лучше пушу эти четверть часа на медитацию.

— Нуууу... я могу покрасоваться рядом с тобой, чтобы у завистников желчь разлилась. Могу плечи тебе помассировать.

— У всех на виду? — усмехнулся Вален.

— Ой, можно подумать я предложила что-то непристойное. Кому не нравится, тот пусть не смотрит.

Валена подмывало поймать её на слове. Но нет, сейчас не время.

— Спасибо, но нет. Но я всё равно рад, что ты подошла. Болейте там за меня. А теперь иди.

Валену было плевать на ненавидящие взгляды минимум половины зала. Иначе бы он уже давно потерял концентрацию и выбыл. Но и у него на сердце стало теплее от напоминания о том, что хоть кто-то его искренне поддерживает.

Весь перерыв он просидел в позе лотоса, очищая и успокаивая разум. А поднимаясь заметил, что Нельда его примеру не последовала. Она беседовала с родичами и знакомыми.

В тот момент, когда Вален глянул в их сторону, один из сопровождавших Нельду в свою очередь поглядел на него. Высокий юноша в халате с фиолетовой вышивкой приёмного ученика, с банданой, закрывающей волосы по обычаю южных владений Секты Шести Печатей.

Будь на месте Валена кто-то самую чуточку менее хладнокровный, он непременно выдал бы себя в тот же момент, как их глаза встретились. Вален же скользнул взглядом по молодому практику, словно тот не заслуживал внимания, чуть дольше глядел на Нельду, после чего сделал вид, будто его куда сильнее занимает алхимическая утварь на своём столе. Оставалось надеяться, что Нельда с компанией стояли достаточно далеко, а в зале сейчас было достаточно шумно, так что поверхностной демонстрации спокойствия хватит для обмана.

Вален знал этого приёмного ученика. Да, лицо показалось ему незнакомым, когда он заметил его в первый раз. Косынки или шапочки носили многие практики из тех, кто считал сложные причёски и уход за волосами бесполезной потерей времени, так что скрытые волосы не вызвали подозрений. И не привлекли внимания к тому, что цвет кожи и глаз, форму щёк и носа можно изменить неволебным гримом. Который, в отличие от волшебного изменения внешности, не подаст сигнал всем опытным практикам вокруг, а будет замечен только если кто-то решит тебя тщательно разглядеть. Ауру Вален тем более не узнал. Аура вообще выделяла практика меньше, чем внешность. Тем более, что этот конкретный практик со времени их последней встречи поднялся на третий цвет. А на третьем цвете уже можно изучить технику её подделки, которая могла даже маскировать реальный объём духовной энергии, не то что менять её индивидуальные особенности.

Но одного этот урод не учёл. Необычайного духовного зрения Валена. Он подошёл достаточно близко, чтобы его циркуляция стала различима, даже в толпе. Как можно не узнать меридианы практика, дважды пытавшегося тебя убить, пусть тот и поднялся по цветам! Интересно, как этот Ваннан мог оказаться в свите Нельды Нан, несмотря на то, что его публично казнили?

Вопрос риторический, конечно. Злобный призрак в чужом теле был бы сто раз замечен. Последствия одержимости простыми демонами и духами такие, что даже смертный не проглядит. Да и вообще, меридианы принадлежат телу, а не душе. Значит, клан Нан казнил ненастоящего Ваннана. Подставного смертника или безвольную куклу. Сам Вален на казнь не ходил, но эшафот — это тебе не собрание почтенных практиков, там всякие странности внешнего вида и поведения можно объяснить методами допроса...

Ладно, обо всём этом — потом. После состязания будет достаточно времени обдумать, что означает чудесное спасение Ваннана и как им воспользоваться. Сейчас сердце должно биться ровно и разом должен быть холодным. Иначе Нельда в два счёта возьмёт верх.

Очередной громовой хлопок в ладоши заставил всех поглядеть туда, где среди почётных гостей сидела Лерия:

— Полуфинал сейчас начнётся. Всех, кроме участников, прошу разойтись — у нас не командное состязание.

Вален ещё пробежал глазами по набору ингредиентов на своём столе. Бутылочка с плавающим в ней бутонем расцветной орхидеи, высушенный корень девяти жизней, сброшенная чешуя ясновидящей змеи и это только три основных...

Именно в ингредиентах пилюли Сращивания Костей была вся соль его плана. Победа на состязании в целом не слишком манила Валена. Он по-прежнему опасался, что такой большой успех может навлечь лишние неприятности. И наполовину ожидал нового покушения, которое не позволит состязанию завершиться спокойно. Но вот Нельду он твёрдо желал победить. И не просто победить, а унижить. Если она и есть его тайный враг, то она питает к нему огромную, иррациональную ненависть. Чтобы такая ненависть вышла из-под контроля и заставила совершать глупости, может хватить одного сильного толчка. А он, увы, в положении, когда до врага не доберёшься, если та сама не сделает глупость.

— Кто-то, помнится, говорил, что мне на Состязании Благоухающей Пилюли не место, — окликнул он её, так чтобы слышали многие. — Кто-то сомневался, что мне смелости хватит сюда выйти. А у тебя как, хватит смелости при всех извиниться за свои слова, когда твоя пилюля окажется грязнее моей?

Вален нахамил Миран перед четвертьфиналом не просто так и даже не потому, что действительно чувствовал в ней скрытую злобу, а ради того, чтобы сейчас его вызов звучал естественнее.

Нельда поглядела на него через плечо и ответила со спокойным презрением:

— Неплохая попытка смутить мой ум перед состязанием, но увы, она не сработает.

Прежде чем они продолжили обмен выпадами, Лерия снова хлопнула в ладоши и взмахнула рукой, заставляя волшебные песочные часы появиться в воздухе:

— Время пошло!

Первым делом, Вален потянулся к корню девяти жизней. Да, суть плана, который позволит ему одолеть Нельду, несмотря на разницу по таланту, цветам и опыту — в ингредиентах. Все основные ингредиенты пилюли Сращивания Костей были проблемными. Для обычных алхимиков, но не для него! Он-то уже видел в корне замысловато извивающиеся полосы внутреннего света, указывающие, где сосредоточена духовная эссенция. Отрезать ровно столько, сколько ему нужно, нетрудно, в процессе можно даже подумать о сторонних вещах.

А вот Нельде придётся попотеть, выбирая дозировку. Обычно при изготовлении пилюль Сращивания Костей алхимики компенсировали неточность количеством попыток — её ингредиенты были сравнительно дешёвы. Но на состязании такой возможности нет! Хранительница Лерия подыграла Валену именно в этом. Потребовав изготовления именно этой пилюли. Пришлось рассказать ей о своих способностях, чтобы её убедить — будем надеяться, что результат оправдает нарушение тайны.

Вален аккуратно сложил нужный объём корня в чашку. Теперь пора обработать чешую ясновидящей змеи. Которая постепенно теряет чудотворные свойства, если нагреть её на открытом воздухе. Избыток эссенции — немногим лучше, её недостатка. Чем точнее баланс, тем выше чистота пилюли. Идеально точным его сделать нельзя, пока не понимаешь всей сути происходящего в печи. Но этого никто здесь не понимает. И никто кроме него не может просто видеть то, что другие распознают за счёт опыта с интуицией.

Вален лишь из хитрости пару минут приглядывался и принюхивался к полупрозрачному «чулку» из сброшенной змеиной кожи, прежде чем щелчком пальца зажечь горелку, стоявшую на столе и протянуть его к огню.

А уличить Валена и Хранительницу в грязной игре почти невозможно. Согласно духу состязаний практиков, Вален совершенно честно использует своё уникальное преимущество. Так что его и ловить-то не на чем. Вот Лерию будут ждать неприятности, если клан Нан поймёт, что она подыграла Валену с распределением участников по группам, и, главное, выбором пилюли для полуфинала. Но как им это понять? На предыдущих этапах он выступил не фантастически, но весьма достойно, показав, что является квалифицированным алхимиком...

Так, пора снимать змеиную кожу с огня. Ну а бутон рассветной орхидеи обрабатывать нельзя, он очень быстро теряет свои свойства если нарушается целостность лепестков. Вся сложность и состояла в том, чтобы подогнать два других капризных ингредиента к тому объёму полезной эссенции, который окажется в бутоне....

Значит, выступил он достойно и победа в состязании, где важны такие качества алхимика, как интуиция, наблюдательность, тщательность — менее зависящие от числа цветов ядра — не будет выглядеть невероятной. С другой стороны, эту победу недоброжелатели могут отнести на счёт везения — дескать, мальчишка рискнул, подобрав соотношение наудачу.

Сперва, конечно, надо победить. Ингредиенты подготовлены, пора помещать их в печь. Нельда, вон, уже начала переплавку.

В некотором смысле состязания алхимиков не менее суровы, чем поединки. Пусть тут не бьют того, кто слабее — но попробуй-ка, сохрани абсолютную концентрацию на процессе переплавки, когда не уверен в своих силах. Попробуй-ка восстановить спокойствие, если мысли хоть раз сбились и ты понимаешь, что переплавка уже наполовину испорчена. Даже Вален, когда от печи разошлась волна энергии, указывающая на готовность пилюли, обнаружил, что потерял счёт времени. А со лба у него капает пот.

— Для того, кто так хвастал перед всеми, ты возился довольно долго, — донёлся голос Нельды.

— Настоящий алхимик не возится. И не спешит. А тратит ровно столько времени, сколько ему нужно, — не глядя ответил Вален.

— Чем спорить, лучше несите нам свои творения, — Лерия снова оборвала их препирательства голосом, который прозвучал резко, как взрыв. — Настоящий алхимик шпильки использует только чтобы закалывать волосы. А соперников уязвляет превосходством своих пилюль.

Конечно, ни у Валена, ни у Нельды не вышло благоуханной пилюли. Но узоры из завитков и спиралей, бегущие по блестящей бело-розовой поверхности их пилюль Сращивания Костей, однозначно указывали на их высокое качество. Лерия сперва взяла подушечку с лежащей на ней пилюлей у Нельды. Пригляделась к ней, попробовала на ощупь, замерла на несколько секунд, проверяя духовной энергией, лизнула. Потом предложила на проверку почётным гостям.

— Ваше мнение?

— Около пятнадцати сотых долей загрязнения, — сухо ответил старейшина Рамалкан, возвращая пилюлю. — Если вам нужна более точная оценка, почтенная Лерия, то я могу достать свои инструменты.

— Четырнадцать долей, на мой взгляд, — сказала Лерия. — Нет, если не потребуется разрешить кажущуюся ничью, то обойдёмся без инструментов.

По залу пробежал шёпоток. Высокое качество — это между четвертью и одной десятой загрязнений. На такой сложной для ученика пилюле не просто еле дотянуться до него, а приблизиться к качеству высшему — воистину признак незаурядного таланта.

— Что ж, показывай свою, — Лерия протянула руку к Валену, напустив на себя пренебрежительный вид. Ещё бы — куда уж ученику, известному среди товарищей только хитростью и жадностью, побить такой результат.

Вален и сам почувствовал, что сердце замирает в его груди — но подал пилюлю, не изменившись в лице.

Если Лерия лишь изображала изумление — то она была первоклассной актрисой. Едва она начала проверку, как её брови резко взлетели вверх, а зрачки расширились. Она поспешно обернулась к коллегам-алхимикам.

— Мне точно ничего не чудится?

Их скучающе-скептические выражения лиц тоже вмиг сменились удивлением.

— Госпожа Лерия, мне хочется проанализировать эту пилюлю по всем правилам, — алхимик Глорстар покачал седой головой. — Но без сомнения она ещё лучше предыдущей.

— Я бы сказала, что в ней лишь двенадцать долей загрязнения. Что ж. Если у вас, почтенные, нет возражений... — она обернулась к залу. — В финал выходит Вален Вен!

— Ну что? — Вален не мог так усиливать свой голос, как это делали старейшины, но в наступившей тишине его слова разнеслись далеко. — Хватит у тебя смелости извиниться при всех, Нельда?

Глава 23. Приманка и тень.

Вален ожидал безумной вспышки гнева, если его подозрения верны, или язвительного, резкого выпада, если на самом деле Нельда не хранит никаких тёмных секретов. Чего он не ожидал, так это того, что она спокойно кивнёт и скажет:

— Я признаю, что твои знания как алхимика глубоки, а умения достойны похвалы. Прошу прощения, что не распознала их сразу, — она отвесила изящный поклон. Ещё сердце билось ровно, взгляд был бесстрастным и ни один мускул в её теле не дрогнул. Конечно, она уже на внутреннем единстве, но способность идеально контролировать тело не поможет, когда в смятение приведён разум.

Она улыбнулась самыми краешками губ, заметив, что в смятении оказался сам Вален. Даже если бы он сам достиг внутреннего единства, она не упустила бы этого всё равно. Нельда обладала меткой Носа Зеффара, которая позволяла чувствовать эмоции и настроение, ощущать запах твоей души, как бы хорошо ты ни контролировал тело и ауру.

— И ещё я должна сказать тебе спасибо за то, что ты честно одолел меня. Очень неудобно было бы встретиться в финале с Гелатом.

Гелат и его противница как раз подходили к судьям, держа готовые пилюли. Он наверняка услышал последние слова Нельды.

Вален кивнул и сказал, так чтобы Гелат услышал:

— Хорошо. Пусть и в будущем нашу вражду разрешают состязания.

Он уже справился с изумлением и отошел прочь к своему столу без излишней поспешности. На ходу окинул взглядом трибуны. Мать Гелата была чуть в стороне от маленькой свиты Нельды. Гелларе Зот не сиделось спокойно, сейчас её пальцы комкали полы халата. Может ли быть, что именно она — тайный враг Валена? Втайне ненавидит сына от нелюбящего и нелюбимого Наставника, и всех товарищей сына заодно? Довольно натянутый мотив, но больше кандидатов не остаётся. К тому же, именно Геллара дала сыну пилюлю, которая должна была убить и его, и Валена — спасибо Кантосу, что разузнал от отца все подробности. Если она ни при чём — то приходится предположить, что настоящий враг очень хорошо её знал, знал когда она пойдёт на чёрный рынок, чтобы устроители торгов вовремя их свели... сложная, ненадёжная схема.

А не может ли быть так, что он, Вален, изначально запутал сам себя? Пошёл по ложному следу, который оставили те же культисты Зеффара, пока ещё старались действовать скрытно? Среди тех, кто пожертвовал собой ради попытки убить его и Вальтию были и практики из рода Зот. Они могли следить за небогатой талантом, умением и умом Гелларой. Организации куда проще подстроить кажущиеся совпадения, чем одиночке... Но не слишком ли беспомощным получается Наставник Закаро, если он упустил такое у себя под носом? И почему последователи Зеффара вдруг так резко перешли от хитроумных комбинаций и тщательного перевода стрелок на других, к массовому самопожертвованию? Не может ли быть, что их истинный руководитель остался скрытым?

Погружённый в напряжённые размышления, Вален лишь краем уха слушал, как Гелата называют вторым финалистом. Как Лерия объявляет завершающий этап турнира. Все уже знали, что она заменила вольную демонстрацию искусства алхимика на создание пилюли второго ранга по выбору из особого списка. С использованием ингредиентов, предоставляемых Залом. Чтобы некий богач, ободривший товарищей-учеников, не смог своим богатством воспользоваться. А сама Лерия смогла бы этим явным свидетельством своей пристрастности — пристрастности не в пользу Валена — отвести от себя любые вопросы.

— Так какую же пилюлю вы выбираете для завершающего испытания своих умений?

— Я выбираю пилюлю Ночного Ветра, — не колеблясь ответил Гелат.

Пиллюля, делающая ауру менее заметной. Требуется очень тщательной переплавки, но без капризных ингредиентов. Хороший выбор.

— Пиллюлю Голодных Искр.

По залу пробежал шёпоток. Те, кто разбирался хотя бы в основах алхимии, сообразили сразу — Вален назвал самую сложную пиллюлю второго ранга в списке. Пиллюля Голодных Искр была изобретена больше тысячи лет назад, тогдашним хранителем Зала, известным своими неортодоксальными взглядами и любовью к опасным экспериментам. Проглотивший её, через несколько секунд выплёвывал рой летучих огненных насекомых, которые жили очень недолго, зато сами искали врага и взрывались пылающим ядом, коснувшись его. Поразительный, хотя и неудобный в настоящем бою эффект для низкоранговой пиллюли! Вот только малейшая ошибка при переплавке вела к самым фантастическим последствиям, от фейерверков, до самозарождения обычных, но весьма кусачих, насекомых.

«Выделяется,» наверняка подумали даже те, кто не испытывал к Валену особой вражды. Но у такого выбора, который Вален с Лерией обсудили заранее, была совсем иная причина.

И стоило Валену поглядеть своим духовным зрением на ингредиенты, которые принёс хмурый слуга Зала, как эта причина резко всплыла у него в голове, разом сметая все терзавшие его сомнения. Он осмотрел ингредиенты тщательнее. Потом даже принялся к ним по очереди. Навёл на себя неуверенный вид. Но ошибки быть не могло. А ведь он почти не надеялся, что у кого-то в самом деле хватит дерзости на такое!

Один из ключевых ингредиентов Пиллюли Голодных Искр — кусок рога гигантского жука-бомбардира, довольно неприятного бессмертного зверя третьего поколения. Причём строго определённого подвида: болотного жука-бомбардира. А вот тускло светящийся внутренним красным светом отросток, который лежал в принесённой Валену шкатулке, принадлежал к другому подвиду. Скорее всего, пустынному жуку-бомбардиру. Не обладая духовным зрением как у Валена заметить эту, с позволения сказать, ошибку, было бы сложно даже матёрому алхимику. Сама Лерия могла бы не справиться без взятия пробы. Незаметное для обычного ученика изменение в характере огненной эссенции приведёт к...

Гелат потёр длинные пальцы, ещё раз оглядел выданные ему ингредиенты. Признаться, он удивился больше других, обнаружив себя в финале. В анализе пиллюль он всегда был хорош, но и тогда, и при создании максимально чистой пиллюли ему казалось, что победа — не плод его усилий, а результат ошибок противниц.

Он поглядел в сторону Валена, казавшегося совершенно поглощённым изучением собственных ингредиентов. И правильно делающего. Нечего глазеть по сторонам в преддверии решающего момента. Почему же он, Гелат, глазет? Из-за своего поражения на арене? Из-за своего провала в Трёхсотлетнем Чистилище? Или потому что он привык оглядываться на Валена с той поры, когда они ещё были детьми, игравшими друг с другом, но оба уже понимали, что один из них сын наложницы, а другой — сын Наставницы?

Потом Валена сильно придавило случившееся с его сестрой, достаточно сильно, чтобы почти забросить тренировки. Потом он, Гелат, прорвался на первый цвет. Хотя за это и пришлось заплатить изуродованным телом, но он возмечтал, что теперь уже Вален будет ему завидовать. Разве важно твоё происхождение, когда у тебя есть врождённый талант и упорство?

И мечта идиота сбылась. Вален выплеснул свою зависть на том, что должно было стать общим праздником их маленькой компании в честь становления практиком второго из них, проехался и по увечью Печати Мускулов, из-за которого Гелат тогда ещё ходил с трудом и по его матери. У Нельды, раньше пытавшейся увиваться за Валенom, с тех пор её детское увлечение как отрезало. А Ламан сцепился с бывшим другом, чтобы заставить взять свои слова обратно. И перестарался. А Наставница Арама не стала ни в чём разбираться.

С тех пор Гелат только надеялся, что Вален тихо сгниёт под крылышком у мамыши, как простой смертный. Это было бы достойной платой им обоим за уничтоженное духовное ядро Ламана. Долго казалось, что так оно и будет... но потом, разминувшись на волосок со случайной смертью, Вален воспрял вновь, как легендарный бессмертный феникс из пепла. И хотя Гелат всё ещё опережал по цветам, его собственные успехи как практика оставались заурядными. Если не сказать хуже. Он проиграл на арене зелёному юнцу, он потерял родича и товарища в Трёхсотлетнем Чистилище. И если сейчас он выиграет турнир, это тоже будет заурядным результатом. Что блестящего в том, чтобы пройти в финал за счёт удачи и одолеть противника, уступающего по опыту и цветам?

Гелат перевёл взгляд на Наставника Закаро, сидевшего среди почётных гостей и тихо беседовавшего со стариком в странной тёмной одежде. Да, отец, ты был прав. Вален — это тень на сердце твоего сына, куда более глубокая, чем ты сам. И с каждой встречей эта тень становится глубже. Сколько ни тверди мысленно, что заикливаясь на нём сам себе готовишь поражение, что пора уже очистить голову и успокоиться, толку нет.

— Финал Состязания Благоухающей Пилюли начинается! — провозгласила Лерия на весь зал.

Гелат стиснул зубы. Сосредоточься! Или не будешь достоин называться практиком трёх цветов!

Алхимическая печь чуть вздрогнула и по лбу Валена сбежала струйка пота.

Сосредоточься! Раз уж взялся за гуж, то не говори, что не дюж! Мог бы сразу указать, что ключевой ингредиент подменён. Но нет, сам ведь решил, что так не годится. Это уже будет обвинение в покушении. Сразу дело Зала Наказаний. Зал Наказаний, скорее всего, уличит служителя в преступном намерении, но не выяснит, кто ему вложил в голову это намерение. Даже если выяснит, то Валену своих выводов точно не сообщит. А нужно, чтобы Лерия сперва начала расследовать то, что сейчас произойдёт, как прискорбную случайность в своих владениях. Настолько прискорбную, что все поймут её гнев и переход к радикальным методам допроса, когда вскрыется преступный умысел.

Так что устрой так, чтобы случайность была вправду прискорбной! Не позволяй выплавке сорваться до решающего момента, иначе почтенные практики увидят лишь твою ошибку, без серьёзных последствий!

Печь вздрогнула снова, сильнее чем прежде. Вален с огромным трудом сохранил спокойствие и концентрацию на Преобразующем Пламени. Кантос, помнится, при формировании воли держал в руках постепенно раскаляющееся сокровище? Уж лучше такое испытание, чем происходящее сейчас. И снова дрожь по крышке печи, на этот раз длинная. Уже?

Вален напрягся, но печь успокоилась вновь. Он еле удержался от вздоха. Сколько же ещё будет длиться эта зеффарова переплавка?

Ответ последовал незамедлительно — когда печь безо всякого предупреждения взорвалась словно бомба. Этого-то Вален и ожидал, после того, как увидел подменённый ингредиент. Но он радикально недооценил силу и ярость взрыва.

И он ничего не успел сделать: волна огня подхватила его и швырнула прочь как сломанную куклу.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.